

ГЛАВА V

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

5.1. «ПОРОХОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

В XV веке в истории стран Евразии начинает сказываться мощное влияние нового фундаментального открытия, «пороховой революции». Как известно, первое упоминание о быстро горящей смеси из селитры, серы и древесного угля содержится в рукописи китайского алхимика Су Сымяо (682 г.). Однако это еще не был настоящий порох: в составе смеси было относительно мало селитры, поэтому смесь не взрывалась, а быстро сгорала. Но эта порохообразная зажигательная смесь быстро нашла свое применение в широко использовавшихся «огненных стрелах» и «огненных копьях», а также в зажигательных снарядах «хо пао», которые метали с помощью баллист¹.

К XII веку доля селитры в порохообразных смесях увеличилась, и появился настоящий порох, который использовался в чугунных разрывных бомбах «те хо пао». Во второй половине XIII века в Китае появились бронзовые пищали, стрелявшие каменными и чугунными ядрышками. К этому времени секрет пороха распространился в другие страны Востока, где также пытались использовать его в военных целях. В конце XII столетия арабский ученый Шемс ад-Дин Мухаммад описал оружие под названием «модфа», которое стреляло с помощью порохового заряда маленькими «орехами». В 1273 году арабский полководец Абу-Юсуф использовал пушки при осаде города Сиджильмасы в Магрибе².

От китайцев и арабов огнестрельное оружие попало в Западную Европу. Рисунок из английской рукописи, датируемый 1326 годом, изображает пушку в виде кувшина, из горлышка которого высовывается снаряд со стрелой на конце. Эта конструкция совершенно идентична китайским пушкам начала XIV века³, и, поскольку порох и огнестрельное оружие имели к тому времени в Китае долгую историю, то очевидно, что европейские пушки были заимствованы из Китая. Путь этого заимствования проходил через арабский Восток, однако в силу каких-то неясных пока обстоятельств, пушки получили

наибольшее применение на крайнем западе арабского мира. Из мусульманской Испании огнестрельное оружие попало в христианскую Европу, где было значительно усовершенствовано. Во-первых, в 1372 году в Германии ручная пищаль была снабжена фитильным замком, и таким образом, появились первые аркебузы. Во-вторых, в начале XV в. европейские мастера научились отливать бронзовые пушки в песочных формах⁴.

В Османскую империю усовершенствованное огнестрельное оружие пришло из Европы, и первые известия о его применении турками относятся к 1380-м годам. Однако, так же, как и в Европе, первые аркебузы и пушки не были достаточно эффективными, чтобы определять ход сражений. В 1420-х годах известия об использовании пушек становятся более частыми, но в то время они применялись не на поле боя, а в основном при осадах⁵. В 1430-х годах возобновились войны на Балканах, в которых после разгрома сербов главным противником османов выступала Венгрия. В венгерском войске, как и в других европейских армиях, на первом месте стояла рыцарская кавалерия, но в его составе имелась и наемная пехота, которая в данном случае играла особую роль. Среди наемников было много чехов, которые передали венграм новую в те времена тактику; эта тактика использовалась в гуситских войнах и была основана на применении огнестрельного оружия и боевых повозок, из которых создавали полевое укрепление, «табор». Используя эту новую тактику и усилив «табор» итальянскими пушками, венгерский полководец Янош Хуньяди в 1442 году одержал победы над турками при Херманштадте и Вазаке; в 1443 году соединенная армия венгерских, польских и немецких крестоносцев взяла Софию и разбила османов при Златнице⁶. Однако турки быстро переняли новую тактику и тоже стали применять полевую артиллерию и аркебузирова, укрывая их (вместе с лучниками) за полевыми укреплениями⁷.

Важным обстоятельством, позволившим османам опередить европейцев в создании армии аркебузирова, было то, что в европейских странах власть принадлежала рыцарской аристократии, которая боялась доверить новое оружие простолюдинам — в особенности после гуситских войн⁸. Эти опасения проявились, в частности, в крестовом походе 1444 года, когда венгерские, немецкие и польские рыцари взяли с собой лишь триста чешских пехотинцев и в итоге потерпели жестокое поражение под Варной. В 1448 году в битве на Косовом поле турки уже использовали полевые пушки и одержали победу в значительной мере благодаря перениманию европейской техники и тактики. В последующий период турки научились использовать

также и «табор» (название, сохранившее свое звучание и в турецком языке)⁹. Однако численность аркебузирова в османской армии (как и в европейских армиях) долгое время оставалась небольшой; решающий шаг в увеличении их числа был сделан позже, в 1490-х годах. В результате османы получили в свое распоряжение массовую армию, вооруженную огнестрельным оружием, которая вскоре одержала решающие победы в сражениях с кызылбашами и мамлюками¹⁰.

Египетские мамлюки, подобно европейским рыцарям, сопротивлялись созданию крупных отрядов аркебузирова прежде всего из социально-политических соображений. «То обстоятельство, что османы применяли огнестрельное оружие в огромном масштабе, — писал В. Перри, — в то время как мамлюки и другие мусульманские правители пренебрегали им, имело решающее влияние на судьбы Западной Азии и Египта»¹¹.

Войны с венграми дали толчок развитию османской артиллерии. В 1452 году султан Мехмед II нанял венгерского литейщика Урбана, для которого были созданы большие литейные мастерские; в этих мастерских были отлиты сотни пушек, в том числе огромная «пушка Урбана», год спустя разрушившая стены Константинополя. «Нет другого народа, более способного, чем турки, извлекать пользу из иностранных изобретений, — писал имперский посол Эселин де Бусбек, — и это доказывается применением ими пушек и мортир, и многих других вещей, изобретенных христианами»¹². Действительно, как показывают турецкие названия некоторых орудий («колонборна» — кулеврина, «бал-емез» — искаженное *ballo mezzo*), артиллерия была заимствована османами у европейцев, в частности, у итальянцев, которые были тогда лидерами в использовании пушек. Известно, что позже, в XVII (но может быть, и в XVI) веке, турки пользовались для отливки пушек руководством итальянского мастера Сарди, и в турецком артиллерийском корпусе «топчу оджагы» было много иностранных наемников, итальянцев, немцев, французов¹³. Существенным было, однако, то обстоятельство, что если на Западе производство пушек было делом частной инициативы, то в Османской империи это было делом государства, которое имело достаточные финансовые средства, чтобы строить большие литейни и арсеналы. Поэтому турецкие осадные орудия были намного мощнее европейских и их производилось намного больше — огромные бомбарды можно по праву назвать турецким оружием. Отливалось также большое количество медных полевых пушек, которые устанавливались на повозки, влекаемые двумя волами, и входили в состав «табора»¹⁴. Вооруженный пушками табор на Востоке называли «оружи-

ем румов» — то есть наследников Румского султаната, турок¹⁵. Однако, как отмечал Монтекуколи, в отличие от более поздних европейских «полковых» пушек турецкие полевые пушки были все же слишком тяжелыми и не могли менять позицию в ходе боя. Поэтому обычная тактика турок состояла в том, чтобы ложным отступлением заставить противника атаковать «табор»¹⁶. Заносчивые европейские рыцари — так же, как и мамлюки — без труда поддавались на эту уловку.

Естественно, что новое оружие требовало и новой военной организации, при которой главная роль отводилась уже не кавалерии, а пехоте. Существовавший ранее корпус гулямов-«янычар» был увеличен до 12 тысяч солдат и стал регулярным ядром новой армии, прообразом позднейших регулярных армий Европы. Основная часть пехоты, «азебы», рекрутировалась из населения с началом войны; во время похода эти воины получали жалование, а после окончания военной кампании отправлялись по домам. Согласно кодексу Баязида II (1481–1515) каждые 20 дворов должны были выставить одного азеба, для которого крестьяне должны были собрать 300 акче. Численность азебов, естественно, менялась от похода к походу, в одних случаях набирали больше солдат, в других — меньше; в 1473 году в армии было 20 тысяч азебов¹⁷. Таким образом, основная масса пехотинцев представляла собой народное ополчение, созывавшееся на основе всеобщей воинской повинности — способ, принципиально недопустимый для европейских феодальных государств.

У. Мак-Нил называет преобразования, совершенные османами в военной сфере — создание регулярного корпуса, вооруженного огнестрельным оружием — «пороховой революцией». Вместе с тем эти преобразования подходят под определение того явления, которое в приложении к европейской истории называют «военной революцией»¹⁸. Согласно разработанной М. Робертсом теории военной революции, эти нововведения требуют увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Б. Даунинг называет «военно-бюрократическим абсолютизмом»¹⁹. Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. Все эти следствия «военной революции», как мы увидим далее, действительно имели место в Османской империи второй половины XV века.

В соответствии с теорией, создание оснащенной новым оружием новой армии вызвало волну османских завоеваний. В течение двадцати лет после взятия Константинополя турки овладели Сербией, Грецией, Албанией, Боснией, подчинили Валахию и Молдавию. Затем они обернулись на Восток, окончательно покорили Малую Азию, и в 1514 году в грандиозной битве на Чалдыранской равнине разгромили объединенные силы господствовавших над Ираном кочевников. Походы султана Селима Грозного (1512–1520) в Сирию и Египет превратились в триумфальное шествие османских армий. «Можно с уверенностью сказать, — писал де Жонкьер, — что со времен римлян вселенная не знала державы, которая была бы равна Османской империи»²⁰.

Могущество Османской Империи вызывало попытки подражания в соседних странах. В Иране шах Аббас I (1587–1629) завел собственных янычар («туфенгчиев») и артиллерийский корпус («топханэ»). В 1590 году Аббас провел реформы по турецкому образцу, разгромил непокорную знать, конфисковал ее земли и ввел «справедливые» налоги²¹. В 1526 году правитель Кабула Бабур, наняв турецких артиллеристов, одержал победу при Панипате и овладел Северной Индией; основанная его потомками Империя Великих Моголов имела многие характерные османские черты²². Таким образом, диффузионная волна, вызванная фундаментальным открытием, «пороховой революцией», распространилась в значительной части Евразии. Нужно отметить, что османы не были создателями этого нового оружия, но они первыми научились его использовать в больших масштабах — и создали первую массовую армию, владеющую этим оружием.

5.2. ОСМАНСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

«Пороховая революция» вызвала распространение османской диффузионной волны: под впечатлением османских побед многие соседние страны копировали военную и государственную систему Османской империи. Какие компоненты лежали в основе этой системы?

До появления огнестрельного оружия главным элементом османской военной и социальной организации было поместье-«тимар». пожалование «тимара» заключало в себе право на сбор фиксированной суммы налогов с пожалованных деревень; тимары давались на условии несения военной службы и не передавались по наследству²³. Из более поздних источников известно, что начальный тимар, предоставляемый молодому воину, назывался «кылыдж тимаром» («сабельным тимаром») и обычно давал доход в 1–2 тысячи акче. Вла-

дельцы тимаров, «сипахи», регулярно вызывались на смотры и должны были являться на коне, в латах и с необходимым снаряжением. Если воин вызывал недовольство командиров, то тимар могли отнять; если сипахи проявил себя в бою, то тимар увеличивали за счет добавочных «долей», «хиссе». Сипахи, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на «пенсионную» часть поместья, «текайюд». Если сын поступал в службу вместо отца, то он наследовал не все отцовское поместье, а лишь «кыльджд тимар». Офицеры получали большие тимары, «зиаметы», с доходом до 20 тысяч акче, но при этом обязывались выставлять дополнительных воинов, легких всадников-«гулямов» или латников-«джебелю», из расчета один гулям на полторы — две тысячи акче дохода или один латник на три тысячи акче дохода. Тимар считался государственной собственностью, и воин имел право лишь на получение денежных сумм, указанных в поземельном реестре, дефтере²⁴.

Тимарная система, была, безусловно, образцовой системой, предназначенной для содержания кавалерии; Жан Боден писал, что «эта система делает государство непобедимым»²⁵. Другим важным элементом османской военной организации была гвардия гулямов, которых турки называли янычарами («ени чери» — «новые солдаты»). Янычар набирали из числа пленных юношей; эти юноши считались «рабами дворца», «капыкулу», они воспитывались в тюркских семьях, а затем проходили военную подготовку в казармах. Поначалу янычары были пешими лучниками, но в середине XV века они были вооружены фитильными ружьями-«тюфенгами». Изменилась и система комплектации корпуса: в него стали принудительно набирать юношей из христианских семей; в принципе эта система лишь немногим отличалась от позднейших рекрутских наборов в России²⁶.

Наиболее важным элементом османской социальной системы было *этатистское самодержавие*. Османская империя была государством, построенным по принципам исламской теории государственного регулирования, главным из которых было справедливое распределение обязанностей между сословиями.

«Основа управления есть справедливость, — подчеркивал великий визирь Рашид ад-дин, — ибо, как говорят, доход государства бывает от войска — *нет дохода султана, кроме как от войска*, а войско можно собрать благодаря налогу — *нет войска без налога*, а налог получают от райата — *нет налога, кроме как от райата*, а райата можно сохранить благодаря справедливости — *нет райата, если нет справедливости*»²⁷.

В трудах мусульманских государственных деятелей — в том числе в знаменитой «Книге правления» Низам ал-Мулька — *справедли-*

вость выступает как основной принцип государственного управления. «Государям надлежит блюсти божье благоволение, — писал Низам ал-Мульк, — а благоволение господа — в милостях, оказываемых людям и достаточной *справедливости*, распростираемой среди них... Неизбежно государю раза два в неделю надо разбирать жалобы на несправедливости, и, творя правосудие, выслушивать народ самолично... Амилям, которым дают должность, следует внушать, чтобы они хорошо обращались с людьми... не брали бы ничего сверх законного налога... Если кто из народа окажется в затруднении... надо дать ему в долг, облегчить его бремя...»²⁸

Исламская государственная идея провозглашала господство государства над обществом. Повсюду преобладала государственная собственность, в частной собственности могли находиться лишь имущества, созданные личным трудом. «Примеры, взятые из образа действий Пророка, вместе с некоторыми местами Корана послужили основой странному учению, стремящемуся не больше не меньше как к полному отрицанию даже самого принципа личной частной собственности», — писал И. Г. Нофаль²⁹. Частных земель («мульк») было очень немного, более 90% составляли государственные земли («мири»), кроме того, существовали церковные земли («вакф»), и личные земли султана («хассе»); соответственно этому казна разделялась на государственную казну и личную казну султана. Казна и земли султана, дворцовое хозяйство и гвардия составляли султанский *двор* и имели особое управление³⁰.

Все завоеванные земли считались принадлежащими государству, поэтому прежние собственники этих земель теряли все права. После завоевания часть населения, прежде всего, знать и многие горожане, выселялась с завоеванных земель; это переселение называлось «сюр-гун», что по-русски означает «вывод». Затем проводилась перепись земли и людей, сначала предварительная, а немного позже подробная («дефтер-и муфассаль»). В некоторых случаях (возможно, в большинстве случаев) одновременно с переписью осуществлялся раздел земель³¹. Нормой крестьянского надела считался «чифт», «плужный участок» в 60–80 денюмов хорошей земли (соответственно, 100 денюмов средней земли и 130–150 денюмов плохой земли, в разных провинциях могли быть небольшие вариации в цифрах). Это количество земли соответствовало той площади, которую можно обработать плужной запряжкой, и которая в среднем соответствовала крестьянскому участку. Система обложения по «чифтам» была заимствована у побежденной Византии (византийский «чифт» назывался «зевгарь»), но в Византии она давно пришла в упадок — османы вос-

становили ее в соответствии с ранневизантийскими порядками³². Известный турецкий историк Халил Инальчик особо отмечает, что поддержание цельности и благополучия крестьянских хозяйств было основной заботой султанского правительства³³. Султан Сулейман Великолепный (1520–1566) требовал от своих пашей «обращаться с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжений завидовали их судьбе»³⁴. Многие турецкие историки считают, что отношения в османской деревне основывались на принципах социальной справедливости и классовой гармонии, что сипахи и райаты в конечном счете одинаково работали на государство, а государство всемерно заботилось о своей «пастве»³⁵.

Центральное управление Империей осуществлялось «диваном», советом, в который входили главы военной, финансовой и судебной администрации, и который возглавлял великий визирь. В управлении проводился принцип разделения властей, судьи-кади принадлежали к духовному сословию, они были независимыми и судили по законам шариата. Остальные члены администрации были сменяемыми по воле султана, который сохранял за собой функции главнокомандующего, «меча правоверных», и хранителя *справедливости*. Османский суд был суровым и скорым; чиновники, обвиненные в вымогательствах, во взяточничестве или казнокрадстве безоговорочно предавались смерти.

Оказало ли появление массовой армии, вооруженной аркебузами и состоящей из простолюдинов, влияние на социальные отношения в Османской империи? Были ли оправданы опасения европейских рыцарей и мамлюков о том, что огнестрельное оружие означает конец их господства? Н. А. Иванов показывает, что османское войско действительно имело «мужицкий», крестьянский характер, причем «все эти мужики в равной степени ненавидели мамлюков... праздных бездельников, которые... предавались роскошной жизни»³⁶. Со своей стороны, «представители имущих классов ненавидели смрадное османское мужичье. Для высших слоев мамлюкского общества... Селим I был варваром»³⁷. Походы султана Селима I в Сирию и Египет проходили под лозунгом освобождения угнетенного народа³⁸ и имели характер социальной революции. Простой народ повсюду приветствовал новые власти, которые отнимали богатства у знати, наделали земель крестьян и снижали налоги — Селим называл себя «служителем бедняков». Горожане Каира подняли восстание и с оружием в руках сражались на стороне турок против своих правителей, мамлюков. Перед отъездом из Каира Селим опубликовал воззвание, в котором заявил, что отныне никому не дозволено притеснять феллаха или человека из простого народа³⁹. Такой же характер

имели походы Мехмеда II на Балканах. Когда в 1463 году турки вступили в Боснию, крепостные крестьяне поднялись против своих господ. «Турки... льстят крестьянам и обещают свободу всякому из них, кто перейдет на их сторону», — писал боснийский король Стефан Томашевич⁴⁰. Фернан Бродель пишет о том, что турки принесли освобождение угнетенным⁴¹. Омер Баркан и лорд Кинросс называют реформы, проводившиеся османами на завоеванных землях, не иначе как «социальной революцией»⁴². «Балканские крестьяне вскоре пришли к пониманию того, что мусульманское завоевание привело к его освобождению от феодальной власти христиан, — пишет Кинросс. — Османизация давала крестьянам невиданные ранее выгоды»⁴³.

Необходимо отметить, что существование исламской справедливости признавали даже ярые враги ислама: «И все же великое правосудие существует среди поганных, — писал серб, вернувшийся из турецкого плена. — Они соблюдают правосудие между собой, а также ко всем своим подданным... ибо султан хочет, чтоб бедные жили спокойно... над ними владychествуют по справедливости, не причиняя им вреда»⁴⁴. «Не наживе, но справедливости служит занятие правосудием у этих безбожных язычников... — свидетельствует Михалон Литвин. — И знать, и вожди с народом равно и без различия предстают пред судом кадия...»⁴⁵ О справедливости турок говорили на Востоке и на Западе; эта молва распространялась вместе с диффузионной волной, вызванной победами османов. Угнетаемые православные в Литве и Польше представляли жизнь в Османской империи как райское блаженство⁴⁶. Крестьяне ждали прихода турок и в других странах Европы. «Слышал я, что есть в немецких землях люди, желающие прихода и владychества турок, — говорил Лютер, — люди, которые хотят лучше быть под турками, чем под императором и князьями»⁴⁷. Разыгрываемые на немецких ярмарках «масленичные пьесы» обещали народу, что турки накажут аристократов, введут правый суд и облегчат подати. Итальянские философы-социалисты призывали к переустройству общества по османскому образцу; автор «Города Солнца» Таммазо Кампанелла пытался договориться с турками о помощи и поднять восстание⁴⁸.

В соответствии с теорией «военной революции», освоение нового оружия сыграло большую роль в формировании новой имперской иерархии, носившей открытый и эгалитарный характер. Отсутствие потомственной знати и сословных привилегий вызывало удивление всех посещавших Турцию европейцев. «Во всем этом многочисленном обществе, — писал де Бусбек, — нет ни одного человека, обязанного своим саном чему-либо, кроме своих личных заслуг...»⁴⁹ «Среди

них нет ни герцогов, ни маркизов, — писал об османских сановниках венецианский посол Л. Бернардо, — все они по своему происхождению пастухи, низкие и подлые люди»⁵⁰. «Там нет никакого боярства, — писал Юрий Крижанич, — но смотрят только на искусность, на разум и на храбрость»⁵¹. Все были равны перед законом и всем открывались одинаковые возможности для продвижения по службе; многие крупные вельможи были принявшими ислам славянами, албанцами, греками. Большая часть армии говорила по-славянски; воины, янычары и сипахи, сами выбирали своих командиров из числа самых отчаянных храбрецов⁵².

Старая знать, естественно, сопротивлялась утверждению новых порядков, и борьба была достаточно длительной. Мурад II (1421–1444, 1446–1451) первым стал выдвигать своих неродовитых ставленников на должности визирей и беглербегов. Решающий удар старой знати нанес Мехмед II (1451–1481). Вскоре после взятия Константинополя находившийся в ореоле славы султан приказал казнить обвиненного в государственной измене великого визиря Халил-пашу. Вслед за этим были казнены многие беи, их владения («мульки») были конфискованы, а на высшие посты стали назначаться преимущественно «капыкулу» и новообращенные мусульмане⁵³. Однако беи не смирились с наступлением на свои права; в 1481 году Мехмед II был отравлен своим сыном Баязидом, вступившим в союз со знатью. Баязид II (1481–1512) вернул беям часть отнятых владений, но его сын Селим I (1512–1520) вновь конфисковал «мульки» знати. Селима называли Грозным — он выступал в традиционном образе восточного монарха, охраняющего справедливость с помощью жестоких казней. Возвеличение самодержавия достигло такой степени, что все приближенные называли себя «рабами» султана, и он одним мановением руки приказывал казнить вельмож, обвиненных в казнокрадстве или измене⁵⁴.

Таким образом, тенденция к эгалитаризму была инициирована действием технического фактора, сомкнувшегося с исламской этатистской традицией. В этом направлении действовали и процессы *социального синтеза*. Взятие Константинополя и завоевание обширных христианских территорий привело к тому, что процесс социального синтеза вступил в новую фазу, характеризовавшуюся существенным присутствием византийских культурных элементов. Уже в первой половине XV века по крайней мере шесть великих визирей были византийцами, перешедшими на службу султанам и принявшими ислам⁵⁵. Почувствовавшие изменение этнополитической ситуации византийские историки описывали Мурада II как справедливого и гуманного правителя⁵⁶. Георгий Трапезундский называл завоевателя

Константинополя Мехмеда II «справедливейшим из всех самодержцев», «самым благородным из ныне живущих»⁵⁷.

Перенимание византийской традиции с внешней стороны выразилось в принятии Мехмедом II титула «римского императора», «кейсар и-Рум»; эмблема Константинополя, полумесяц, стала изображаться на османских знаменах⁵⁸. Византийское влияние можно усмотреть и в издании кодекса законов — точнее, трех кодексов, известных в совокупности как «Канун-наме Мехмеда Фатиха». В мусульманском мире прежде не было законодательных кодексов, поскольку считалось, что законы предписываются Кораном и правилами шариата. В Византии же было принято составлять законодательные кодексы, и самыми известными из них были кодекс Юстиниана и «Эпанагога». Полагают, что само слово «канун» происходит от греческого «канон», а слово «фирман» является калькой с греческого «хрисовул». Халил Инальчик, правда, предполагает, что при создании «Канун-наме» Мехмед II следовал «тюркско-монгольской» традиции, по-видимому, имея в виду «Ясу» Чингис-хана⁵⁹. Возможно, что в принципиальном решении создания кодекса законов сказалось и монгольское (а, точнее, китайское) влияние, но нельзя отрицать, что в данном случае Мехмед II выступал, в соответствии с «Эпанагогой», как «воплощение законности и общее благо всех подданных»⁶⁰.

Характерно, что в соответствии с концепцией «общего блага» Мехмед II объявлял себя защитником бедняков от «сильных»⁶¹ — и именно эта защита была целью провозглашения «Канун-наме», в которых устанавливались, в частности, точные размеры податей и повинностей и меры против их превышения. Как отмечалось выше, репрессии против беев при Мехмеде II сопровождалась конфискацией их владений («мульков»); были конфискованы и многие «вакфы», созданные беями и приносившие им доход. В 1470-х годах Мехмед приказал провести по всей стране проверку всех дефтеров и прав владения землями; многие проверяемые документы признавались недействительными, и «мульки», и «вакфы» отписывались в казну. После этих массовых конфискаций 90% пахотных земель относились к категории государственных земель, «мири»⁶².

Факт проведения земельной переписи с целью конфискации «незаконно» приобретенных владений не имеет аналогов в мусульманской истории. Но такой прецедент имел место в истории Византии: так поступил император Василий II (956–1025), объявивший себя, так же, как и Мехмед II, защитником бедняков от «сильных»⁶³.

Первые сведения о проведении переписей податного населения и составлении писцовых книг-дефтеров с перечислением налогов

относятся к правлению Баязида I (1389–1402). Вероятно, османские дефтеры продолжали традицию византийских «практик», однако нужно отметить, что система переписей существовала в Анатолии и раньше, при монгольском владычестве, и возможно, в окончательном виде османские дефтеры восприняли также и монголо-китайские элементы. По-видимому, одним из таких элементов была коллективная податная ответственность: в то время как в византийских писцовых книгах расписаны налоги для каждого крестьянского хозяйства, в османских дефтерах они указаны лишь суммарно для деревни. Кроме того, в османских переписях размеры наделов оценивались лишь приблизительно, через количество посеянного зерна, в Византии же производился обмер полей⁶⁴. Необходимо также отметить, что османская система землевладения принципиально отличалась от византийской в отношении прав собственности. Византийские крестьяне (речь не идет об арендаторах) имели право собственности на свои земли, могли продавать их и дробить между наследниками. В османское время крестьяне были в основном наследственными держателями государственной земли, они не могли продать свой «чифт» и не могли разделить его между сыновьями⁶⁵.

Византийское культурное влияние имело широкий характер и распространялось на все стороны жизни — особенно оно проявлялось в организации ремесла и торговли. Уцелевшее городское население было по преимуществу греческим или армянским и, как можно заключить из документов более позднего времени, в городах сохранялись цехи, имевшие византийское устройство, а торговля регламентировалась в соответствии со старыми византийскими установлениями. В частности, должность мухтесиба, соответствовала должности византийского эпарха, обязанного контролировать цены и качество продукции. Пекарь, к примеру «должен был работать в чистоте и печь хлеб вкусный и дабы не было недовеса и сырого хлеба»⁶⁶. Османская практика регулирования цен на товары в целях поддержания «справедливости» восходит к аналогичной византийской практике. При установлении цен учитывались затраты и прибыль, которая не должна была превосходить 10%, и лишь в сложных ремеслах — 20% (в византийских регламентах прибыль обычно составляла 8,33%)⁶⁷.

Подводя итоги нашему обзору социального устройства Османской империи, можно отметить, что оно определялось главным образом действием военно-технического фактора в комбинации с процессами социального синтеза. «Пороховая революция» привела к созданию новой армии и, в соответствии с теорией военной революции, обусловила победу этатистской монархии. В этом же на-

правлении действовали и процессы социального синтеза, результатом которых было частичное перенимание османами византийского этатизма. Позже в процессе трансформации по османскому образцу эти византийские компоненты перенимались другими странами, в том числе и Россией.

Таким образом, на свет родилась мощная этатистская монархия, владевшая армией, оснащенной новым оружием. Это вызвало волну османских завоеваний, захватившую все восточное Средиземноморье. Под впечатлением османских побед многие страны Евразии заимствовали порядки османов, и османская модель этатистской монархии распространилась на Иран, Индию, Россию и некоторые другие государства.

5.3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПО ОСМАНСКОМУ ОБРАЗЦУ: ВВЕДЕНИЕ ПОМЕСТНОЙ СИСТЕМЫ

Возвращаясь к ситуации, сложившейся на Руси после экосоциального кризиса 1420–50-х годов, необходимо отметить, что он наиболее тяжело отразился на Северо-Западе Руси, на Новгородчине. Население значительно уменьшилось, поля было некому обрабатывать, в хозяйствах бояр ощущался недостаток рабочей силы. Сохранилось свидетельство управляющего одной из вотчин, который писал, что половины вотчины пуста, а оставшиеся крестьяне хотят уйти⁶⁸. Как отмечалось выше, в Пскове простой рабочий мог купить на дневную плату 24 кг ржи — это была очень высокая плата, в 3–5 раз больше, чем в XVI столетии. На Руси сложилась та же ситуация, что и в странах Европы после Великой Чумы: нехватка сельскохозяйственных рабочих заставляла лендлордов платить им большую плату или... пытаться принудить их к работе силой. В Англии и Франции попытка вернуть крестьян в крепостное состояние привела к большим восстаниям и закончилась неудачей, но в Польше и Литве закрепощение стало реальностью⁶⁹. В 1447 году Судебник короля Казимира IV оформил вотчинную власть землевладельцев над их крестьянами. «Поистине земледельцы обременены жесточайшим рабством», — говорил королю профессор Краковской академии Ян из Людзиска⁷⁰. К концу XV века было отменено право давности при розыске беглых крестьян, крестьян продавали, меняли, закладывали⁷¹. Между тем Новгород, изнемогая в борьбе с Орденом, все теснее сближался с Литвой; с 1430 года новгородцы приглашали на княжение литовских князей, вассалов короля Казимира. «Литовская» партия в Новгороде состоя-

ла из бояр, которым очень нравились порядки Литвы и Польши: уже в 1440-х годах в договоре новгородцев с Казимиром было установлено правило возвращать хозяину всех беглых крестьян наравне с холопами. Бояре заключали между собой договора и обязывались не принимать к себе крестьян из чужих поместий⁷². В 1471 году бояре принудили новгородцев пригласить королевского наместника; Казимир вступил в управление Новгородом и — характерная подробность — обязался не принимать жалоб от холопов и смердов на своих хозяев⁷³.

В московских землях складывалась иная ситуация. В обстановке разрухи бояре и монастыри часто присваивали запустевшие «черные» земли: «...Пустоши волостные разоймали бояре и митрополиты... и нам, господине, было не до земель, людей было мало, исхити некому», — говорится в одном из актов того времени⁷⁴. Когда спустя несколько десятилетий население увеличилось, крестьяне стали отстаивать свое право на отнятые у них земли в судах; судебные процессы приняли массовый характер — и Великий князь Иван III встал на сторону крестьян, решая дела в их пользу⁷⁵.

Переход Новгорода в литовское подданство вызвал немедленную реакцию Ивана III. В мае 1471 года Великий князь созвал на совещание своих братьев, митрополита и воевод, чтобы обсудить произошедшее. Очевидно, в то время Иван III еще не чувствовал себя самодержавным монархом и в важных случаях советовался с боярами и со «все воя»⁷⁶. Летом 1471 года великокняжеское войско разгромило новгородцев на реке Шелони и заставило их отказаться от присяги Казимиру. Борьба великого князя с Новгородом имела социальный подтекст: его противниками выступали бояре из «литовской партии», а «меньшие люди» были по большей части на стороне Москвы⁷⁷. Иван III обещал боярам «не вступаться» в их вотчины — однако после мятежа в 1479 году Великий князь казнил несколько «великих бояр» из числа заговорщиков и конфисковал их земли. По-видимому, эти земли были розданы первым помещикам, о которых упоминает жалованная грамота 1482 года⁷⁸. Решительная реформа была произведена зимой 1487/88 года: в ответ на некий (возможно, мнимый) «заговор» Иван III выселил всех богатых новгородцев, отправил в Москву 7 тысяч «житьих людей» и вселил на их место москвичей. Это событие летопись назвала «выводом» новгородцев⁷⁹. Практически все земли Новгорода — кроме немногочисленных крестьянских земель — были конфискованы; затем была проведена перепись и осуществлено первое массовое наделение воинов поместьями⁸⁰.

Эта небывалая до тех пор на Руси акция имеет огромное значение — она положила начало созданию поместной системы, системы,

которая легла в основу нового российского государства. Специалисты подчеркивают, что поместная система представляла собой качественно новую военную организацию, что она появилась внезапно и сразу же получила широкое распространение⁸¹. Новое международное положение Москвы требовало создания новой армии. В середине XV века Золотая Орда окончательно распалась, и ханства-наследники сошлись в долгих междоусобных войнах. В 1480 году, опираясь на союз с Крымом, Иван III отразил вторжение астраханского хана Ахмата и формально прекратил выплату дани татарам. Однако опасность набегов сохранялась; татары сохраняли военное превосходство, обусловленное мобильностью кавалерии и использованием мощных луков. Чтобы устоять в новом раунде войны с Великой Степью, независимому Московскому государству требовалось очень сильное войско. Между тем в начале правления Ивана III Москва не имела отлаженной военной системы⁸². Войско великого князя представляло собой старинное ополчение, состоявшее из детей боярских и «городовых полков», к примеру, в 1469 году Иван III послал на Казань «из Москвы сурожан и суконников, и купчих людей, и прочих всея Москвичей, кто пригожи, по силе...»⁸³ Необходимо было проведение военной реформы — и понятно, что советники великого князя искали образец для такой реформы.

Вопрос об истоках поместной системы является предметом давних споров историков. Некоторые специалисты считают, что эта система была заимствована из Византии. Волею судеб история России была тесно связана с историей Византийской империи — обе страны соединяли узы общей религии, православия. После падения Константинополя Россия стала последним оплотом греческой веры и сюда устремились беглецы с Балкан. В 1472 году Великий князь Иван III женился на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. Вместе с Софьей в Россию прибыло много греков. К. А. Неволин и В. Б. Ельяшевич считали, что Софья и окружавшие ее греки могли подсказать Ивану III мысль о введении поместий по образцу греческой пронии⁸⁴. Однако исследования В. И. Саввы показали, что влияние Софьи преувеличивалось современниками; Софья долгое время находилась в немилости и не имела голоса при решении государственных дел⁸⁵.

Нам представляется, что источник поместной системы следует искать не в давно разложившихся и забытых к тому времени византийских институтах, а в более близких порядках могущественного соседа — Османской империи. Как отмечалось выше, «вывод», «сюрзун», был обычным последствием османского завоевания, и все дальней-

шие мероприятия Ивана III на Новгородчине — перепись населения, земельный реестр, фиксация налогов и наделение воинов поместьями — в точности копировали османскую процедуру присоединения завоеванных земель к Империи. Точно также и условия владения поместьями в точности копируют условия владения османским «тимаром». Так же, как в Турции, русскому воину за его службу давали от государя поместье с крестьянами — однако это поместье оставалось государственной собственностью; помещику причитались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. Поместье было небольшим, молодой воин, «новик», получал не больше 150 десятин земли — около десяти крестьянских хозяйств, это примерно соответствовало османскому «кылыдж тимару». Так же, как в Турции, каждую весну воины собирались на войсковой смотр и затем отправлялись в поход или на сторожевую службу на границе — служба была практически постоянной. Если воин на смотре или в походе вызывал недовольство командиров, то поместье могли отнять; если помещик проявил себя в бою, то «поместную дачу» увеличивали (у османов эти добавки назывались «хиссе»). Военские командиры, бояре и воеводы, получали до 1500 десятин земли, но были обязаны приводить с собой дополнительных воинов — наемных слуг или боевых холопов — по одному человеку с каждых 150 десятин (у османов — одного человека с 1–2 тысяч акче дохода). Дворянин, получавший отставку по старости или из-за ран, имел право на часть поместья, «прожиток» (у османов — «тейкайюд»). Если сын помещика поступал в службу вместо умершего отца, то он мог наследовать отцовское поместье — но не все, а лишь в тех размерах, которые полагались «новику» (то есть «кылыдж тимар») ⁸⁶.

Первыми, кто еще в XVII веке обратил внимание на сходство русских помещиков и турецких тимариотов были Юрий Крижанич и Яков Рейтенфельс⁸⁷; позднее на это сходство обращали внимание такие известные историки, как Р. Г. Виппер и Г. В. Вернадский⁸⁸. Действительно, детальные совпадения в организации поместной и тимарной систем, в проведении переселения и переписей не оставляют сомнения в том, что русское поместье является копией турецкого тимара. Таким образом, *поместная система, лежавшая в основе российского государства, была перенята у Османской империи.*

Теория диффузионизма дает ответ на причину этого заимствования: Османская империя была сильнейшей военной державой тогдашнего мира, и ее военную систему копировали многие государства. Эту систему заимствовали и православные княжества на Балканах, Валахия и Молдавия. Молдавский господарь Стефан III в 1470-х годах конфисковал земли многих бояр и раздал их воинам-«витязям». Ру-

мынский историк Н. Стоическу прямо указывает на сходство реформ Стефана III и Ивана III⁸⁹, и можно предположить, что идея введения поместной системы пришла на Русь из Молдавии. Дело в том, что Россия и Молдавия были близкими союзниками; символом этого союза был брак наследника престола Ивана Молодого и молдавской княжны Елены, заключенный в 1483 году. Можно предположить, что идею введения поместной системы подсказал Ивану III один из послов, побывавших в Молдавии. Среди этих послов обращает на себя внимание дьяк Федор Курицын, возглавлявший в 1482–1484 годах посольство в Венгрию и Молдавию. Федор Курицын привез из этой поездки «Повесть о Дракуле», переработанное и переведенное им на русский язык сказание о волошском государе Владе Цепеше⁹⁰. «Повесть о Дракуле» известна тем, что здесь впервые в русской литературе появляется традиционный образ восточного монарха, поддерживающего справедливость посредством жестоких расправ. «И толико ненавидя во своей земли зла, яко кто учинит кое зло, татьбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив», — говорит «Повесть» о порядках, установленных Владом Цепешем⁹¹ (разумеется, эти порядки были заимствованы из Турции). Параллели между этими порядками и Судебником 1497 года позволяют специалистам утверждать, что именно Курицын был инициатором введения в Судебник суровых восточных наказаний⁹². Курицына считают одним из руководителей московского правительства тех времен: «Того бо державный во всем послушаше (ибо его князь во всем слушался)», — писал о Курицыне Иосиф Волоцкий⁹³. Именно Курицын зачитал в 1488 году послу Священной Римской империи Поппелю знаменитую декларацию московского самодержавия: «Мы божьею милостью государи на своей земле изначала, а постановление имеем от бога...»⁹⁴

Возвращаясь в 1484 году из Венгрии в Россию, Курицын был задержан турками в Белгороде на Днестре. Белгород был молдавским городом, и как раз перед этим он был захвачен турками: «В то же время... взяли турки Белгород и увели лучших людей», — говорит молдавская летопись⁹⁵. Московский посол оставался в Белгороде довольно долго и должен был увидеть все последствия завоевания: вывод населения, проведение дефтера и испомещение сипахи. В 1485 году Курицын вернулся в Москву⁹⁶, а зимой 1487/88 года неожиданно последовал вывод населения из Новгорода, и началась поместная реформа.

Конечно, идея реформы могла принадлежать разным людям. Федор Курицын принадлежал к «молодому двору», придворной группировке, сложившейся вокруг наследника, Ивана Молодого и его жены Елены Волошанки. В эту группировку входили также князья Семен Ряз-

половский, Иван и Василий Патрикеевы и многие вельможи меньшего ранга. Все эти люди могли узнать об османских порядках непосредственно от княжны Елены — фактом является лишь то, что именно «молодой двор» оказывал на политику Ивана III решающее влияние⁹⁷. Другой, враждебной «молодому двору», группировкой было окружение Софьи и ее сына Василия; к этому окружению примыкали церковные круги во главе с новгородским епископом Геннадием и игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Волоцким. Святые отцы были встревожены тем, что от «молодого двора» исходили проекты конфискации, затрагивавшие и церковные земли. Пострадавший от этих конфискации епископ Геннадий обвинил Курицына в ереси, в сношениях с обнаруженными в Новгороде «еретиками». Однако Иван III не обращал внимания на эти обвинения; в противовес копившим богатства иосифлянам он стал поддерживать «нестяжателей», старцев из заволжских монастырей, говоривших, что монахи должны кормиться от трудов своих. В 1490 году умер Иван Молодой — по-видимому, он был отравлен слугами Софьи; Великий князь наложил опалу на свою жену, потому что «к ней приходиша бабы с зелием»⁹⁸. Наследником престола стал сын Ивана Молодого Дмитрий; в 1497 году Дмитрий был коронован в качестве соправителя. Два года спустя началась война с Литвой, и Василий (бывший тогда наместником в Новгороде) поднял мятеж против своего отца. Василий угрожал перейти к литовцам и требовал, чтобы его назначили наследником вместо Дмитрия. Иван III был вынужден согласиться; Дмитрий и Елена были заключены в тюрьму, а «еретики» подверглись гонениям. Дело было, конечно, не в «ереси» — Василий хотел под любым предлогом расправиться со сторонниками Дмитрия и Елены. Иван III не мог спасти своих верных сподвижников — с ним случился удар, у него «отняло руку и ногу и глаз»; ему твердили, что это «кара господня» за поддержку «еретиков» и попытки отнять земли у церкви. В Москве и Новгороде запали костры; брат Курицына Иван был сожжен в деревянной клетке; о судьбе Федора не сохранилось известий⁹⁹.

Люди, вдохновившие Ивана III на преобразование России по османскому образцу, погибли на кострах и в тюрьмах — но их дело продолжало жить. Иван IV завершил реформы своего деда, и Российское государство приобрело многие турецкие черты — так что европейцы не без основания считали Россию страной Востока. «*Образ правления у них весьма похож на турецкий*, — писал английский посол Джильс Флетчер, — которому они, по-видимому, пытаются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических...»¹⁰⁰

5.4. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПО ОСМАНСКОМУ ОБРАЗЦУ: САМОДЕРЖАВИЕ ИВАНА III

Познакомившись с порядками Османской империи, мы можем обнаружить новые черты сходства между ними и нововведениями Ивана III. Характерно, что, как и в Турции, поместья давались подчас людям низкого происхождения, «боевым холопам» (в Турции их называли гулямами). Совпадения отмечаются и в других деталях; например, при переписях использовалась податная единица, аналогичная «чифту», «выть». Формально «выть» равнялась 5 десятинам (в одном поле), однако в действительности (как и в Турции) землю меряли через норму посева: десятина равнялась двум четвертям, а четверть земли — это была площадь, на которую сеяли четверть (около 4 пудов) ржи. Позже, в середине XVI века, «выть» была подобно «чифту» дифференцирована по качеству земли, в выть клали 5–6 десятин хорошей, 6–7 десятин средней и 7–8 десятин бедной земли. На дворцовых и церковных землях время от времени проводились переделы по «вытной» норме — как отмечалось выше, турки так же иногда проводили переделы земли¹⁰¹. Схема описи в переписных листах и в дефтерах была очень похожей: название деревни, имена дворовладельцев, далее — платежи, следующие с деревни в целом (без разбивки по дворам): денежный оброк, количество поставляемой пшеницы, ржи, овса и т. д.¹⁰² Отработочные повинности в переписных листах не упоминались — по-видимому, как и в Турции, они были комутированы в денежный оброк. Величина установленных переписью оброков была значительно меньше, чем прежде. Новгородские «половники», отдававшие хозяину половину урожая и находившиеся в положении, близком к положению крепостных, получили свободу и растворились в общей массе крестьянства¹⁰³. К этому времени относятся первые упоминания о «дворцовых землях», многие земли Новгородчины были зачислены в эту категорию земель, которая, очевидно, соответствовала султанским землям «хассе»¹⁰⁴.

В этот период перепись проводилась не только в Новгороде: переписывались земли Белозерского, Ярославского и Ростовского княжеств, недавно присоединенных к землям великого князя. Специалисты обращают внимание, что при этих переписях проводилась проверка владельческих грамот, и многие земли были конфискованы в казну. У местных бояр и детей боярских отнимали лучшие деревни, их записывали на великого князя и затем раздавали в поместья (иногда — бывшим владельцам). В 1490-х годах переписи распространяются на другие уезды, в течение двадцати лет княжеские дьяки описывают

уезд за уездом — происходит сплошное описание земель великого княжества¹⁰⁵. Как отмечалось выше, во время большой переписи 1470-х годов в Турции тоже проверялись документы на землевладение, многие (почти все) из них признавались недействительными; вотчины «мульки» и земли церкви («вакфы») отписывались в казну¹⁰⁶. В конце XV — начале XVI века в России происходит нечто подобное — вотчины, правда, обычно не конфискуются, но большинство из них лишается податных иммунитетов, вотчинники обязуются нести службу и платить налоги. Иммунитетные привилегии в свое время были пожалованы вотчинникам за их службу, теперь они отнимались — но обязанность служить при этом не отменялась, все вотчинники (кроме мельчайших) были обязаны военной службой¹⁰⁷. Принцип «нет земли без службы», был, по-видимому, заимствован из Турции вместе с поместной системой. Во всяком случае, известно, что в 1520-х годах существовал порядок (вероятно, появившийся при Иване III), при котором дети боярские были занесены в списки по областям и едва ли не каждый год призывались на службу; перед походом нуждающимся выплачивалось жалование, но те, кто обладал достаточными вотчинами, были обязаны снаряжаться за свой счет¹⁰⁸.

Одновременно шло наступление на податные привилегии монастырей — более того, ставился вопрос о праве церкви владеть деревнями. Подобно Мехмеду II, Иван III собирался конфисковать церковные вотчины; уже были конфискованы церковные земли в Новгороде и в Перми. Только болезнь, воспринятая как проявление «божьего гнева», удержала великого князя от дальнейших действий¹⁰⁹.

Проведя перепись, конфисковав «мульки» и «вакфы», Мехмед II распорядился составить сборник законов «Канун-наме». В период проведения переписей Иван III распорядился составить Судебник 1497 года — первый российский законодательный кодекс. В Европе в то время не было законодательных кодексов, и естественно предположить, что идея такого сборника пришла из Турции. Судебник был обнаружен во время коронации наследника престола Дмитрия Ивановича, и, по мнению Л. В. Черепнина, этим торжественным актом провозглашалось ни более ни менее, как *начало правосудия на Руси*¹¹⁰. Во время коронации митрополит и Великий князь дважды обращались к наследнику, повторяя одну ту же фразу: «*Люби правду и милость и суд правой* и имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве»¹¹¹. Слово «правда» тогда и позже, вплоть до XIX века, понималось как «справедливость»¹¹²; таким образом, *Великий князь провозглашал введение законов, направленных на охранение справедливости*.

Л. Люкс пишет о возникшей с этого времени концепции «государства правды»¹¹³. В чем же выражалась «правда» Ивана III? В том же, в чем выражалась «справедливость» и «правда» османских султанов¹¹⁴. Прежде всего, это *равенство всех перед законом*: Судебник 1497 года не дает никаких привилегий богатым и знатным¹¹⁵. Здесь нужно поставить восклицательный знак: ничего подобного не было в тогдашней Европе; хорошо известно, что *равенство перед законом* – это завоевание *Великой французской революции*. Далее, Судебник обеспечивает участие представителей общины в суде. Статья 38 гласит: «А без дворского, без старосты и без лутчихших людей суда наместникам и волостелем не судити...»¹¹⁶ Категорически запрещаются «посулы» (то есть взятки). Судьям давался строгий наказ быть внимательным к жалобщикам: «А каков жалобник к боярину приидет и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа...»¹¹⁷ Понятно, что крестьяне больше всего страдали от произвола богатых и сильных, от требований исполнять барщину и платить оброки сверх законных норм. Именно так, произволом помещиков и попусшением слабых королей, в это самое время в соседней Польше крестьяне были обращены в «холопов» — то есть в рабов. «Давати всем жалобником управа» в таких условиях означало не что иное, как охранять свободу крестьян.

Мы помним, что новгородские бояре вслед за польскими панами пытались прикрепить крестьян к земле. Судебник гарантировал право крестьянского перехода, но ограничил его неделей до и неделей после «Юрьева дня», 26 ноября. По мнению Г. В. Вернадского, эта статья не ограничивала, а гарантировала свободу крестьян, сообразуясь с естественными условиями сельской экономики. Она предлагала для перехода самое удобное время: после сбора урожая крестьяне могли рассчитаться со своими долгами и перейти на другое место к началу сельскохозяйственных работ¹¹⁸.

Как отмечает Ю. Г. Алексеев, «основная идея Судебника 1497 года — приоритет общего над частным, государственного интереса над партикулярным... Приоритет общего над частным, который квалифицируется некоторыми исследователями как показатель бесправия, есть на самом деле следствие и необходимое условие функционирования единого государства как целостного организма, призванного фактически обеспечить жизнь, имущество и интерес подданных этой всеземской общины. Не „закрепощение сословий“, а регламентация их прав и обязанностей во имя общего интереса — в этом суть сословной политики Русского государства»¹¹⁹.

Таким образом, Судебник Ивана III воспринял основную идею традиционного восточного права — идею защиты справедливости. Но еще

более удивительно, что Судебник воспринял *восточные методы* защиты справедливости. «Русская правда» киевских времен не знала столь характерных для Востока жестоких казней и телесных наказаний. В Судебнике Ивана III такие наказания полагаются за многие преступления — специалисты в один голос говорят, что эта практика позаимствована с Востока¹²⁰. Обычным наказанием за мелкие преступления был кнут — «торговая казнь», осуществляемая в присутствии судьи в людном месте — чаще всего на базаре. Это был восточный обычай; его происхождение отразилось в русском языке выражением «драть как Сидорову козу»; «садар каза» по-арабски — это «приговор судьи» («казия»)¹²¹.

Османское влияние проявилось и в отношениях между великим князем и его окружением. «Современники заметили, что Иоанн... явился грозным государем на московском великокняжеском престоле... — писал С. М. Соловьев, — он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим за ослушание...»¹²² После 1485 года Иоанн называет себя «господарем всея Руси», а бояре именуют себя «холопами» великого князя — подобно «рабам дворца» в Турции¹²³. Летописи больше не сообщают о совещаниях царя с боярами, подобных совещанию, которое имело место в 1471 году перед походом на Новгород. На коронации Дмитрия-внука в 1497 году великого князя называют уже не иначе как «самодержцем», а на наследника престола возлагают «шапку Мономаха». Подобно византийскому императору и турецкому султану Великий князь стремится выступать в роли самодержавного монарха.

Преобразование России по османскому образцу нанесло страшный удар прежней *норманнской традиции* — традиции, которая отождествлялась с Великим Новгородом и с его боярским правлением. Теперь бояре были выведены из Новгорода, и их место заняли верные слуги великого князя, новые новгородские дворяне-помещики. Прежняя норманнская традиция отныне сохранялась в основном в верных удельным порядкам княжеских и боярских родах Северо-Восточной Руси. В контексте трехфакторной модели движение к самодержавию означало перераспределение ресурсов между государством и элитой в пользу государства, поэтому оно сопровождалось конфликтом великого князя с боярским окружением. Этот конфликт — который можно трактовать как борьбу диффузионного самодержавия с *традиционалистской реакцией* — развивался постепенно, начиная с 1480-х годов, и подспудно тлел на протяжении второй половины правления Ивана III. В этот период не было многочисленных казней (был казнен лишь один боярин), но опалы были весьма многочисленны. По-видимому,

одной из основных причин конфликта было запрещение боярам переходить на службу к другим князьям (то есть использовать ресурсы своей вотчины вопреки интересам великого князя). Всего за время правления Ивана III опале подверглись не менее восьми боярских родов. Из 19 боярских родов, известных в XIV веке, в 1525 году осталось только шесть, но в то же время боярское сословие было пополнено родственниками великого князя и князьями из Литвы, перешедшими на московскую службу — так что в 1525 году имелось в общей сложности 23 боярских рода¹²⁴.

Итак, можно прийти к выводу, что в конце XV века в России происходило частичное перенимание османских порядков: перенимались поместная система, переписи, судебные установления. По-видимому, можно сказать, что имел место широкий комплекс реформ, *частичная трансформация России по османскому образцу*. Эту трансформацию в определенной степени можно сравнить с реформами Петра I — и в том и в другом случае за образец для реформ бралась наиболее могущественная держава того времени. Чтобы ни у кого не было сомнений, кому следует подражать, Петр I приказал носить европейскую одежду — распоряжение с виду совершенно ненужное, но вполне выявляющее суть событий. Среди законов Ивана III есть подобное с виду совершенно ненужное распоряжение — но оно не оставляет сомнений, кому подражал Великий князь. *Иван III запретил своим подданным пить вино* — за исключением больших праздников¹²⁵. (Позже в соответствии с мусульманскими обычаями были запрещены так же азартные игры и игра на музыкальных инструментах¹²⁶) Всякому становится ясным, что идеалом великого князя была могущественная мусульманская держава — Османская империя.

Стержнем реформ было перенимание османской военной системы — и прежде всего, создание поместной конницы. «Создание дворянской конницы открывало путь к немислимым доселе военным предприятиям», — подчеркивает Н. С. Борисов¹²⁷. Почувствовав свою мощь, Иван III начал борьбу за отвоевывание захваченных Литвой южнорусских земель. Русь выставила на поле боя невиданные до тех пор силы: две конные армии, одна из которых насчитывала 40 тысяч воинов, а другая, вероятно, была не меньшей. 14 июля 1500 года русские войска с помощью тактики «мангэдэй» одержали победу в большой битве при Ведроши; литовская армия была окружена и почти полностью уничтожена. Литва была вынуждена согласиться на перемирие, отдав Москве 19 городов и 70 волостей¹²⁸.

Характерно, что разгром при Ведроши вызвал военные реформы в Великом княжестве Литовском. Сейм 1502 года установил обя-

зательные нормы выставления воинов со всех шляхетских поместий: один всадник в доспехе с 10 крестьянских дворов. Сейм 1507 года обязал всех шляхтичей переписать своих людей и списки отдать князю под присягою, что ничего не утаил¹²⁹. Таким образом, вслед за Россией и Литва отчасти перенимает турецкие принципы организации военной службы — османская диффузионная волна продолжает движение по Восточной Европе.

Военная модернизация не ограничивалась организацией службы воинов-всадников. Османская армия прославилась своей регулярной пехотой и артиллерией; после взятия Константинополя многие государи Европы последовали примеру турок и стали спешно создавать свою артиллерию. Как отмечалось выше, турецкие литейщики учились у итальянцев, итальянская техника была самой передовой в то время — и в 1475 году Иван III отправил за мастерами в Венецию посольство Семена Толбузина. Толбузину удалось за огромные по тем временам деньги — 10 рублей в месяц — нанять известного архитектора и инженера Аристотеля Фиораванти. Фиораванти был мастер на все руки; он построил большие мастерские по литью пушек — «Пушечный двор». Уже в 1480 году во время боев на Угре русские стреляли в татар из пушек и пищалей — а те могли отвечать лишь стрелами; в 1485 году Фиораванти лично командовал артиллерией при взятии Твери. Число итальянских мастеров в России быстро увеличивалось; среди них упоминаются Павлин Дебосис, который в 1488 году «слил пушку большую», пушечные мастера Петр и Яков. Итальянские мастера не только отливали пушки, они строили укрепления Кремля и соборы; их деятельность способствовала расцвету каменного строительства. В 1479–1505 годах в Москве было построено 25 каменных церквей, в 2,5 раза больше, чем в 1438–1463 годах; при этом в строительстве применялся прочный кирпич итальянского образца. В декоративной отделке кремлевских соборов явственно прослеживаются итальянские черты, а некоторые иконы были скопированы с рисунков итальянских художников эпохи Возрождения¹³⁰.

Для пушек требовалась медь, а на Руси в те времена не было медной руды; это стало главной проблемой для русских оружейников и для правительства. Паоло Джовио со слов московских послов писал, что в России нет никаких металлов, кроме железа¹³¹. Медь (и, если удастся, пушки) доставляли из Германии через Новгород. Эта торговля была сопряжена с большими трудностями: еще в 1422 году Ливонский орден запретил вывоз металлов в Россию, и ревельские купцы вели торговлю контрабандой, отправляя оружие в бочках из-под сельди¹³². Чтобы облегчить торговлю с Западом, Великий

князь в 1492 году распорядился построить в устье Нарвы каменную крепость Ивангород; на Балтийском море появились первые московские корабли. Однако в 1496 году шведы овладели Ивангородом и разрушили его; затем началась война с Ливонией, и в битве под Изборском русские потерпели поражение от вооруженной пищальями орденской пехоты. Это поражение побудило Василия III в 1506 году создать свои отряды пищальников — правда, эти отряды набирались, как и турецкие азебы, с определенного числа дворов и лишь на время похода¹³³. Для нового войска не хватало оружия; это особенно проявилось во время войны с Литвой, когда русские войска терпели постоянные неудачи при осаде крепостей. Император Максимилиан, который был союзником России в этой войне, отправил на помощь отряд пехоты и пушки; в 1514 году под Смоленском у русских было уже 140 пушек; крепостная стена была разрушена осадной артиллерией и город пал¹³⁴.

5.5. ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ III: ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМ

Василий III (1505–1533) продолжал политику своего отца и подобно Мехмеду II пытался лишить знать ее привилегий. По восточному обычаю после смерти государя все жалованные грамоты должны подтверждаться его наследником¹³⁵ — такой обычай существовал и на Руси. Василий III не подтвердил очень многие жалованные грамоты; после переписей Ивана III это был второй удар по вотчинным привилегиям; после этого податные иммунитеты сохранились лишь у сравнительно немногих монастырей, бояр и князей¹³⁶. «В течение всего правления Василия III иммунитеты, как правило, принуждались к уплате государственных налогов, а судебные иммунитеты ограничивались путем изъятия из вотчинной юрисдикции тяжб по вопросам душегубства и разбоя», — отмечает С. М. Каштанов¹³⁷.

Удельные князья, братья Великого князя, не поддерживали политику ограничения иммунитетов и сохраняли податные привилегии своих бояр¹³⁸. Со своей стороны, Великий князь проводил жесткую политику в отношении удельных княжеств. Стремясь уничтожить эти княжества, Василий (как и его отец) запрещал своим братьям жениться — эта практика близко напоминала обычаи османского двора¹³⁹.

Василий III приблизил к себе одного из главных советников своего отца, Василия Патрикеева; к этому времени Патрикеев был пострижен в монахи, и теперь его звали старцем Вассианом. Вассиан яростно обличал «сребролюбие» «святых отцов», и Василий думал

с его помощью осуществить замысел своего отца — конфисковать и раздать в поместья земли церкви. Эта попытка закончилась неудачей, дело свелось лишь к запрету земельных вкладов в монастыри в некоторых уездах¹⁴⁰. Между тем война с Литвой требовала увеличения армии, и московское правительство производило новые поместные раздачи. При присоединении Пскова, Смоленска, Рязани Василий III следовал методу, опробованному при овладении Новгородом, — конфискация земель и выселение знати, а затем испомещение московских дворян¹⁴¹. Отбирая земли у бояр, он ссылался на справедливость, говорил, что было «насилье велико черным и мелким людем от посадников псковских и бояр»¹⁴².

Приближенные великого князя временами высказывали те же мысли, что и советники Ивана III. Преемник Курицына, глава ведомства внешних сношений Федор Карпов, писал, что самодержец должен править «*грозю правды и закона*» и в подтверждение своих мыслей ссылался на Аристотеля¹⁴³. Однако было ясно, что дело не в Аристотеле: боярский сын Берсень прямо ставил в пример Турцию. Он говорил Максиму Греку: «Хотя у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть»¹⁴⁴.

Василий III был самодержавным государем, недруги обвиняли его в том, что он решает дела «сам-третьей у постели». Если Иван III, случалось, выслушивал от своих бояр «укоризные словеса», то его сын никакой «встречи» не терпел. Хотя в правление Василия III появляются первые упоминания о Боярской думе, в те времена она не была установившимся институтом: великий князь советовался с «ближними боярами», но лишь с теми, с кем он считал нужным советоваться по данному делу¹⁴⁵. По мнению Герберштейна, Василий III своей властью превосходил всех монархов в мире. «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, — писал имперский посол, — своих братьев, бояр и незнатных подданных, он может присвоить себе имущество любого из них. Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех; из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним... Они открыто заявляют, что воля государя есть воля божия и, что ни сделает государь, он делает по воле божией»¹⁴⁶. Иосиф Волоцкий в своем послании к великому князю цитировал греческого философа Агапита: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышням Богу»¹⁴⁷. Агапит был советником императора Юстиниана и создателем доктрины византийского самодержавия; его труды знали в церковной среде, и в Лаврентьевской летописи эта

цитата приводится в характеристике Андрея Боголюбского — одного из ярких представителей византийской традиции на Руси. Теперь, через три столетия, византийская традиция возвращалась в Россию вместе с османской традицией — как отмечалось выше, идея османского самодержавия также подпитывалась этой традицией.

Претендуя на «подобие Богу», Василий III мог позволить себе открыто нарушать законы церкви; при заключении брака он устроил «смотрины невест» — то есть поступил согласно чуждому православию восточному обычаю; через двадцать лет он развелся — что было совершенно недопустимо для православного человека. Так же, как турецкий султан, Василий III брил бороду — хотя (как и у мусульман) это считалось позором для настоящего мужчины — но султан и царь стояли выше традиции¹⁴⁸. Нужно отметить, что при Василии III в Москве распространились турецкие обычаи и моды. Мартин Груневег с удивлением говорит о бытовании «турецкого обычая» выражать свое горе, бросая шапку на землю и разрывая на себе одежду¹⁴⁹. Автор «Бесед валаамских чудотворцев» стыдит русских людей за обычай носить турецкие шляпки и порты, а Стоглавый собор упоминал о чуждом христианству обычае входить в церковь в турецкой шапочке-тафье. Максим Грек писал друзьям на родину, что скоро московитяне, пожалуй, наденут и чалму¹⁵⁰.

К правлению Василия III относятся сведения о том, что сроки пребывания на должности наместников и волостелей в этот период ограничивались полутора годами. По оставлении поста эти должностные лица были обязаны представить отчет — причем любой обиженный ими простолудин мог вызвать обидчика на суд князя¹⁵¹. Наместники постепенно отстранялись от финансовых дел и сбора налогов, эти дела передавались в ведение новых чиновников, «городовых приказчиков». К 1539 году относится первая известная историкам губная грамота, эта грамота передавала часть судебных дел губным старостам. Все эти мероприятия имели цель разделения военного, судебного и финансового управления на местах¹⁵². Мы отмечали ранее, что разделение военных, судебных и финансовых властей было характерной чертой системы управления в Османской империи. Другой характерной чертой османской системы была практика назначения наместников на короткие сроки — наместники-бейлербеи назначались обычно на три года, а судьи-кади — на один год¹⁵³. Эта практика было обычной в мусульманском мире; она описана в знаменитой «Книге правления» Низам ал-мулька¹⁵⁴.

Обращает на себя внимание еще одно мероприятие, проведенное вскоре после смерти Василия III — очевидно, во исполнение замыс-

лов Великого князя. В 1533–1534 годах была проведена монетная реформа, уменьшившая вес русской копейки с 0,79 до 0,68 грамма. Таким образом, копейка было приравнена по весу к турецкому акче¹⁵⁵.

В конечном счете трансформация по османскому образцу привела к становлению новой общественной структуры Московского царства. В правление Ивана III и Василия III мы видим тенденцию к укреплению самодержавной власти, к созданию *этатистской монархии*. Происходит частичная конфискация земельной собственности бояр, в других случаях частные владения огосударствуются путем обременения их владельцев военной службой и налогами. Мы наблюдаем, как монархия формирует новую элиту, регулируя положение ее фракций. Важность этой формирующей и главенствующей роли государства в свое время подчеркивал А. В. Романовский-Славатинский, видевший именно в этом «радикальное и основное» отличие российского дворянства от европейской аристократии¹⁵⁶. Как признает большинство исследователей, отмечает Н. Коллман, для западной монархии была характерна полная зависимость короля от элиты, а для Московского царства — автократия, не делящаяся своей властью ни с какими социальными группами¹⁵⁷. Характерно, что эта автократия регулирует отношения внутри общества, прибегая к не знакомым на Западе бюрократическим методам — к переписям, земельным кадастрам и обязательным для всего населения законодательным кодексам. Как известно (если не считать «Книгу страшного суда»), переписи и кадастры появились в Европе только в конце XVIII века¹⁵⁸.

Как отмечалось выше, в рамках демографически-структурной теории процесс формирования нового Российского государства рассматривается как процесс формирования новой структуры «государство — элита — народ». Конкретной формой этого процесса стало создание поместной системы и огосударствление вотчин, таким образом, государство, с одной стороны, создавало новую, тесно связанную с ним элиту (поместное дворянство), а с другой стороны, пыталось подчинить и инкорпорировать в состав государственных институтов старую элиту, сначала мелких, а затем и крупных вотчинников. Это огосударствление сопровождалось резким перераспределением ресурсов в пользу государства и выдвиганием государства на первое место в структуре «государство — элита — народ», что и означало создание этатистской монархии.

При всей значимости происходившей трансформации, огосударствление вотчин не означало поглощения элиты государством. Вотчины продолжали наследоваться, и элита сохраняла определенную

самостоятельность. Но с другой стороны, рядом со старой элитой возникает новое сословие, поместное дворянство, которое по форме является «служилым» — то есть составляет часть государства, но в реальности со временем приближается по своему положению к низшим слоям элиты, детям боярским.

5.6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

В контексте трехфакторной теории нам предстоит далее перейти к рассмотрению процесса влияния демографического фактора на динамику новой структуры «государство — элита — народ». В соответствии с обычным неомальтузианским подходом необходимо, в первую очередь, рассмотреть динамику численности населения, цен и реальной заработной платы.

Кризис XV века привел к значительному уменьшению численности населения, и на Руси создалась ситуация, характерная для начальной фазы нового демографического цикла: малая плотность населения, изобилие свободных земель, высокая реальная заработная плата, относительно низкая рента. Приезжавшие в Россию иностранцы писали о больших лесах и изобилии хлеба. «Вокруг города (Москвы — С. Н.) большие леса, их ведь вообще очень много в этой стране, — отмечал Амброджо Контарини. — Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками»¹⁵⁹. «Значительную часть Московии занимает Герцинский лес, — записал Паоло Джовио со слов русских послов, — но он там и сям заселен, и повсюду в нем расположены строения. Вообще, от продолжительной работы людей он стал уже гораздо реже...»¹⁶⁰. Московский посол, повидавший многое грек Георгий Перкамото, рассказывал в 1486 году в Милане, что «в этой стране есть громадное количество крупного и мелкого скота... что у них есть громадное количество зерна, так что в ряде мест из-за излишнего количества его собраны удивительные и поражающие запасы... особенно в тех местах, которые удалены от моря, так как там нет никого, кто бы мог взять его и отправить в другое место»¹⁶¹.

Как отмечалось выше, одним из признаков периода восстановления является относительно высокая реальная заработная плата. В 1520-х годах неквалифицированный поденщик в Москве получал 1,5 деньги в день¹⁶², в переводе на рожь это составляет 9,6 кг зерна¹⁶³ — это примерно соответствует уровню оплаты работников в Германии в 1490–1510 годах, то есть высокому уровню заработной платы в начале второго европейского демографического цикла¹⁶⁴.

Относительно размеров ренты известно, что нормой крестьянского участка в центральных областях в начале столетия считалась «выть» — 15 десятин; с этого надела крестьянин должен был платить оброк или нести барщину: обрабатывать одну десятину под озимые и одну под яровые — то есть в пользу вотчинника шла $\frac{1}{6}$ урожая¹⁶⁵. Земли у крестьян было достаточно; с учетом барщинных полей на двор полагалось 18 десятин — это был большой надел; по новгородским данным, такие наделы обрабатывали неразделенные семьи в 7–8 человек с двумя взрослыми мужчинами и с 2–3 лошадьми¹⁶⁶; надо полагать, что и в центральных районах преобладали большие семьи. При урожайности ржи сам-3,3 и овса сам-3,1¹⁶⁷ «выть» давала 200–210 пудов хлеба; при дворе в 8 человек получалось около 26 пудов на человека. Считается, что душевой минимум потребления зерна в пищу составляет примерно 15 пудов, если зерно расходуется также на корм скоту, то потребление увеличивается до 18 пудов (но в те времена крестьяне не испытывали недостатка в пастбищах и в сене)¹⁶⁸. Если учесть, что крестьянское хозяйство имело доходы не только от земледелия, но также от животноводства и лесных промыслов, то следует сделать вывод, что уровень потребления крестьян в начале XVI века был относительно высоким.

Необходимо отметить, что поместная система строго фиксировала размеры крестьянской ренты помещикам, причем, как показывает, например, Торопецкая переписная книга 1540 года, оброки были расписаны до мельчайших деталей¹⁶⁹. Государственные налоги были невелики и составляли в этот период лишь 2,5–3% дохода крестьянина; главным из этих налогов была «дань»¹⁷⁰. Однако существовали еще государственные отработочные повинности, такие, как ямская гоньба, «городовое дело» (отработка на строительстве укреплений) и «посоха» (выставление воинов с «сох») ¹⁷¹. В целом повинности были значительно выше, чем в XIV веке, — это была цена, которую крестьяне платили военной элите за независимость и защиту от крымских татар, которые продолжали набеги с целью захвата полона.

В конце XV века набеги были относительно редкими, голод и мор на время ушли в прошлое. С. М. Соловьев отмечал, что для московских земель правление Ивана III «было самым спокойным, самым счастливым временем»¹⁷². В актах, оставшихся от этого периода, встречаются многочисленные указания на распашку пустошей, на рост площадей под сельскохозяйственными культурами¹⁷³. При Иване III в Новгородской земле было проведено две переписи, одна в 1480-х годах, другая — около 1500 года. За время, прошед-

шее между этими переписями, население увеличилось на 14%, то есть рост был довольно быстрым — порядка 1% в год¹⁷⁴. Для центральных районов нет статистических данных о росте населения, но имеются примеры, указывающие на рост числа дворов в отдельных волостях или имениях в 1,5, в 2, в 3 раза. Обобщая эти материалы, А. И. Копанев пришел к выводу, что за первую половину XVI века население России увеличилось в 1,5 раза и достигло 9–10 млн.¹⁷⁵ Другие авторы дают более низкие оценки для абсолютной численности населения в этот период, но все исследователи соглашаются с тем, что рост был очень значительным¹⁷⁶.

Таким образом, имеющиеся данные об уровне потребления, размерах крестьянских наделов и относительно быстром росте населения в контексте неомальтузианской теории позволяют охарактеризовать период конца XV — начала XVI века как *период восстановления*.

Дальнейшее социально-экономическое развитие России в первую очередь определялось ростом населения, постепенным повышением демографического давления. С ростом населения леса уступали место пашне. Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1526 году, писал о лесах уже в прошедшем времени: «По пням больших деревьев, существующих еще и поныне, видно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой ...» Теперь же, отмечал Герберштейн, «она достаточно возделана усердием и трудами земледельцев»¹⁷⁷. Ричард Ченслер свидетельствует, что в 1550-х годах область между Москвой и Ярославлем «изобиловала маленькими деревушками, которые так полны народом, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом...»¹⁷⁸

Наиболее плотно заселенными районами были земли вокруг Новгорода и Пскова. В некоторых районах Новгородчины уже ощущался недостаток земли, так, за время между двумя переписями в Деревской пятине население возросло на 16%, а пашня — только на 6%. В этом районе на крестьянское хозяйство приходилось в среднем лишь 2,3 десятины в одном поле, вдвое меньше, чем в соседней Шелонской пятине. Опережающий рост населения привел к росту цен на рожь, они увеличились с 14 до 20 московских денег за коробью (7–8 пудов)¹⁷⁹.

Археологи свидетельствуют, что плотность поселений в Деревской пятине (в долине реки Ловать) в этот период была выше, чем когда-либо в прошлом, что стали распахиваться неиспользуемые ранее глинистые почвы¹⁸⁰. Начинается массовое применение удобрений; это свидетельствует об окончательном формировании трехпольной системы земледелия (в прежние времена переход к трехполю без удобрений приводил к быстрому «выпахиванию» земель).

Известно, что переложная система требовала объединения усилий для сведения леса и долгое время способствовала сохранению большой семьи. С окончательным переходом к трехполью большая семья распадается на малые семьи. Для некоторых районов Новгородчины сохранились статистические данные, свидетельствующие о процессе распада больших семей, так в Старорусском уезде в 1498 году на двор приходилось в среднем 1,6 семьи, а в 1539 году — 1,28 семьи¹⁸¹.

До присоединения к Москве Новгородчина была краем крупного землевладения, где крестьяне были обременены тяжелыми оброками (половники платили до половины урожая). После присоединения на землях, отписанных на государя, оброки переводились на деньги и значительно уменьшались, но на землях, переданных помещикам, повинности почти не менялись — иногда даже немного возрастали¹⁸². Таким образом, положение крестьян на Северо-Западе значительно отличалось от положения в центральных областях, где, как отмечалось выше, обычная рента составляла шестую часть урожая. Это отличие было следствием исторической традиции, сложившейся в перенаселенном регионе, но также и следствием того, что после конфискации Ивана III государство использовало Новгородчину как основной источник своих ресурсов — именно здесь располагался основной массив дворцовых и поместных земель.

В табл. 1 представлены данные о доходах крестьян, оброках и налогах в Деревской и Водской пятинах.

Эта таблица представляет несколько видоизмененный вариант таблицы 60 из: Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л. 1978. Авторы этой работы подвергались критике¹⁸³ за то, что брали в своих расчетах слишком большую урожайность: сам-4 (фактически сам-3,9) для ржи и сам-3 для овса. В соответствии с данными Е. И. Индовой¹⁸⁴ в 1650–1700 годах урожайность ржи была в среднем сам-3,1, урожайность овса сам-3. В нашей таблице урожайность ржи варьируется в пределах от сам-3,1 до сам-3,9, а урожайность овса взята сам-3. Нужно заметить также, что по расчетам Л. Г. Степановой¹⁸⁵, основанных на случаях перевода издоля в фиксированный оброк, урожайность составляла всего лишь сам-2. Однако эти расчеты вызывают сомнение, поскольку неясно, насколько данный перевод был эквивалентным, не происходило ли при этом снижение оброка. Кроме того, простой расчет показывает, что при такой урожайности сбора хлебов не хватило бы даже на уплату оброков и налогов.

Хотя в целом душевое производство обеспечивало необходимый минимум потребления, после уплаты оброков в Водской и в особен-

Табл. 1. Зерновой бюджет крестьянского хозяйства на поместных землях Новгородчины. Оброк, налоги и потребление указаны в пудах хлеба (полпуда ржи и полпуда овса).

Годы	<i>Деревская пятина</i>		<i>Водская пятина</i>	
	1500	1540	1500	1540
Пашня на двор (с паром, дес.)	6,7	7,8	11,4	11,7
Душ на двор	5,2	5,0	6,0	5,3
Пашня на душу (дес.)	1,3	1,6	1,9	2,2
Урожайность ржи (в самах)	3,1–3,9	3,1–3,9	3,1–3,9	3,1–3,9
Урожай за вычетом семян (пудов)	88,4–110,5	103–117	150,5–171	154,4–175
Урожай на душу (пудов)	17,0–19,3	20,6–23,4	25,1–28,5	29,1–33,1
Оброк со двора (пудов)	32,6–33,6	38,0–39,2	75,2–77,5	64,6–66,6
Налоги со двора (пудов)	5,1	6,6	6,6	6,2
Потребление (пудов)	50,7–61,8	58,4–71,2	68,7–86,9	83,4–102,7
Оброк на душу (пудов)	6,3–6,5	7,6–7,8	12,5–12,9	12,2–12,6
Налоги на душу (пудов)	1,0	1,3	1,1	1,2
Потребление на душу (пудов)	9,8–11,9	11,7–14,2	11,4–14,5	15,8–19,4

ности в Деревской пятине душевое потребление падало ниже минимального уровня. В соответствии с неомальтузианской теорией следствием уменьшения потребления ниже допустимого минимума было уменьшение численности населения, с 1500 по 1540 год оно уменьшилось в Водской пятине на 17%, а в Деревской пятине – на 13%¹⁸⁶. Уменьшение население к 1540 году привело к увеличению душевой запашки и некоторому увеличению потребления, но оно оставалось на уровне, близком к минимальному. Низкий уровень потребления способствовал увеличению смертности от эпидемий – источники от-

мечают, что именно в этом районе эпидемии свирепствовали с особой жестокостью¹⁸⁷.

Таким образом, в отдельных, наиболее густонаселенных районах Сжатию началась уже в начале XV века, и этот процесс был существенно ускорен высоким уровнем изъятия ресурсов, осуществляемым государством и помещиками. В то же время даже в пределах Северо-Запада имелись существенные порайонные различия. В Бежецкой и Шелонской пятинах положение было более благоприятным, чем в Деревской и Водской. В 1500–1540 годах здесь отмечался значительный рост населения – в некоторых уездах население возросло на 27–45%¹⁸⁸. Сжатие было неравномерным и проявлялось в одних районах сильнее, а в других – слабее.

Исследование вопроса о положении крестьян в Центральном районе затрудняется недостатком источников. Однако и здесь рост населения привел к уменьшению крестьянских наделов. С. Б. Веселовский отмечал быстрый рост цен на землю в первой трети XVI века и увеличение числа земельных тяжб¹⁸⁹. В середине XVI века появляются упоминания о случаях, когда на вытном наделе сидят два или даже три двора¹⁹⁰. В этот период в Борисовской волости на Владимирщине на двор приходилось 7,5 десятин¹⁹¹; если считать в семье 5 человек, то душевая обеспеченность составляла всего 1,5 десятины – меньше, чем в Деревской пятине. Отмечалась нехватка земли в Белозерском крае – здесь у крестьян было лишь по 2 десятины в одном поле, и зерна не хватало до следующего урожая¹⁹². Но в некоторых уездах положение было более благополучным, например, на черных землях Тверского уезда на двор приходилось 12,5 десятины, на монастырских землях в Дмитровском уезде – 12,7 десятины (в последнем случае большая величина надела, по-видимому, объяснялась очень плохими почвенными условиями)¹⁹³.

Согласно теории, одним из следствий перенаселения является оскудение крестьян и *развитие ростовщичества*. На Руси в этот период в качестве главных ростовщиков, крупных землевладельцев и «поглотителей земли» выступали монастыри. Они столь активно затягивали крестьян в ростовщические сети, что, к примеру, в районе «колонизации» Кирилло-Белозерского монастыря практически не осталось «черных» крестьянских земель. Из кругов «нестяжателей» раздавались многочисленные обвинения в адрес монастырей¹⁹⁴. Вассиан Патрикеев писал о том, что недостойно монахам «села многонародно стяжати и поработати кристиан», «лихву на лихву на них налагать». Когда крестьяне не могут отдать лихвы, писал Вассиан, монахи, «коровку их и лошадку отъмше», изгоняли крестьян из их дво-

ров¹⁹⁵. Максим Грек негодовал о том, что монахи крестьян «бичи истязуют за лютых сребра резеоиманий», обращают их в своих холопов¹⁹⁶. На Белоозере, где земли не хватало, происходили многочисленные столкновения между крестьянами и монахами; в 1550 году одно из таких столкновений привело к разорению Адриановой пустыни и гибели 42 монахов. Характерно, однако, что в сети ростовщиков попадали не только крестьяне, но и «дети боярские», бояре и даже князья. К концу XV века Кирилло-Белозерский монастырь забрал в свои руки все расположенные в округе мелкие вотчины¹⁹⁷. В Звенигородском уезде на долю монастырей и церквей приходилось 45% всех земель, в Тверском уезде — 33%. В середине XVI века, по свидетельству Адама Клементского, духовенству принадлежала треть населенных земель¹⁹⁸.

Таким образом, имеющиеся данные о динамике потребления в первой половине XVI века, в целом соответствуют прогнозам демографически-структурной теории: по мере роста численности населения мы наблюдаем уменьшение крестьянских наделов, оскудение крестьян и рост их задолженности, проявляющийся в развитии ростовщичества. Эти процессы происходили неравномерно и были более выраженными на Северо-Западе, в Новгородской земле. При этом существенное значение имело перераспределение ресурсов в рамках структуры «государство — элита — народ»: Сжатие на Новгородчине было ускорено высоким, по сравнению с центральными областями, уровнем ренты, что было, в свою очередь, связано с тем, что именно Новгородчина была регионом наибольшего распространения поместного землевладения и в военном смысле опорой государства.

5.7. НАЧАЛО СЖАТИЯ

В соответствии с неомальтузианской теорией, рост численности населения должен был постепенно привести к недостатку пахотных земель, росту цен, падению потребления и частым голодными годам.

Как отмечалось выше, Сжатие на Северо-Западе началось еще в начале XVI века, но в Центральном районе этот процесс стал проявляться значительно позже — примерно в 1540-х годах. В начале столетия голод были относительно редким: после длительного благополучного периода летопись впервые говорит о голоде в 1511/1512; затем голод повторился в 1526 году, когда цены возросли в 7–10 раз¹⁹⁹. 1521 год был отмечен бедствием другого рода — «великим приходом»

крымских татар, разоривших южные области страны. Однако годы голода и набегов были исключениями на общем фоне, в целом экономическое положение оставалось благоприятным. До 1530-х годов цены оставались, в общем, стабильными — около 20 денег за коробью ржи (10 денег за 4-пудовую четверть)²⁰⁰. «Времена тиха и прохладна и обилие велие изобилованна бысть», — говорит новгородская летопись об этом десятилетии²⁰¹. Впоследствии цены снова стали расти, в 1532 году цена в Иосифо-Волоколамском монастыре составляла 22 деньги за четверть; во время неурожая 1543–1544 годов цены на Новгородчине поднялись до 35–40 денег²⁰². Некоторые авторы прямо объясняют рост цен ростом населения²⁰³ — в соответствии с мальтузианской теорией.

В середине XVI века голод становится обычным явлением. В 1548–1549 годах голод охватил северные районы страны: «Хлеб был дорог на Двине, на Холмогорах, четверть купили по осьми гривен, и людей с голоду мерло много», — отмечает летописец²⁰⁴. В 1552 году разразилась страшная эпидемия в Новгороде и Пскове; в Пскове погибло 30 тысяч человек. В 1556/57 году снова пришел голод, свирепствовавший в Заволжье и на Севере; в результате голода и бегства крестьян на юг в северных областях началось запустение; в конце 50-х годов на Двине пустовало 40% пашни²⁰⁵. Е. И. Колычева описывает положение как «крайне неустойчивое равновесие с наметившимися признаками запустения посевных площадей и убылью населения из-за неурожая, эпидемий»²⁰⁶. Как утверждает неомальтузианская теория, для периода Сжатия характерно именно такое неустойчивое экологическое равновесие, и его причина — отсутствие у крестьян значительных запасов зерна. А. Л. Шапиро утверждал, что уже в первой половине XVI века «запас прочности у крестьянских хозяйств был невысоким»²⁰⁷.

Таким образом, симптомы надвигающегося кризиса появились задолго до Ливонской войны. Россия не представляла собой экономического единства, в ней были относительно богатые и относительно бедные, перенаселенные области. Север и Новгородчина издавна относились к бедным областям; нехватка земли заставляла крестьян этих районов распахивать неплодородные почвы. «Земля худа, камениста, песчата...», — так описывалась недавно поднятая целина в переписной книге Бежецкой пятины 1551 года²⁰⁸. В центральных районах положение было более благоприятным, в Замосковном крае до 1560 года еще продолжался рост населения, но все удобные земли к этому времени были уже распаханы. «Если в начале XVI в. на периферии старых владений еще есть резерв годных к освоению зе-

мель, — отмечает Л. И. Ивина, — то к середине XVI века он полностью исчерпывается, как, например, во владениях Троице-Сергиева монастыря близ Углича... Плотность поселений внутри владений возрастает... Увеличиваются сами поселения, многие деревни превращаются в сельца и села»²⁰⁹. В 1560–1561 годах в Замосковский край пришел голод, цены на хлеб поднялись до 50–60 денег за четь. Характерно, что в качестве причины этого бедствия старцы Иосифо-Волоколамского монастыря указали на недостаток угодий и на рост государевых повинностей²¹⁰.

В середине XVI века проблема нехватки земельных ресурсов встала во весь рост. Специалисты утверждают, что уровень распашек в это время был близок к максимально возможному при тогдашней агротехнике, что дальнейшее расширение пашен было невозможно²¹¹. Скучные почвы и суровый климат ограничивали емкость экологической ниши, и, казалось бы, обширные пространства Московии в действительности не могли прокормить растущее население. В то же время Сжатие было крайне неравномерным и проявлялось с большей силой на Северо-Западе — там, где экологическая ниша дополнительно сужалась более интенсивным перераспределением доходов в пользу государства и дворянства.

В современной экономической истории соотношение между численностью населения и наличными ресурсами характеризуется заработной платой, исчисленной в килограммах зерна. Около 1520 года поденщик в Москве мог купить на дневную плату около 10 кг хлеба. В 1568 году поденщик на Белоозере получал 1 деньгу в день, а четверть ржи стоила 20 денег²¹², на дневную зарплату можно было купить 3,6 кг хлеба*. Таким образом, реальная заработная плата за полвека уменьшилась втрое, что свидетельствует о росте населения и нехватке продовольственных ресурсов. Дневная плата в 3,6 кг кажется довольно большой, но нужно учесть, что поденщиков брали на короткие сроки, что большую часть года они не имели работы (в конце XIX века оплата при поденном найме летом в 3 раза превосходила дневную оплату при годовом найме). В действительности уровень дневной оплаты порядка 4 кг — это был уровень, характерный для времен кризиса и голода, именно таким был уровень оплаты в Европе во времена «кризиса XVII века»²¹³.

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» — 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле, поэтому цена пуда «хлеба» составляла примерно 1/10 от цены пуда ржи.

Правда, в нашем распоряжении имеются лишь единичные данные о поденном найме; гораздо больше информации имеется об условиях годового найма монастырских работников. Монастыри привлекали для обработки своей пашни наемных «казаков» или «детенышей»; эти работники получали от монастыря продукты (4 четверти хлеба в год) и денежное содержание, «оброк». В 1547 году плотники в Новгородском Софийском доме и Иосифо-Волоколамском монастыре получали по 100 денег в год, а простые чернорабочие в Волоколамске — 80 денег в год, и их дневная зарплата в деньгах и продуктах была эквивалентна лишь 1,2 кг хлеба. Впоследствии мы видим столь низкий уровень зарплаты лишь один раз, во время сильного голода 1588–1589 годов — однако тогда этот голодный уровень держался лишь один год, а в 50-х годах это была обычная плата²¹⁴. Таким образом, уровень жизни в 50-х годах был примерно таким же, как в голодные годы. Отсюда можно сделать вывод, что, в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории, уровень реальной заработной платы в середине XVI века понизился до минимума.

Неомальтузианская теория утверждает, что одним из главных следствий перенаселения является развитие деревенского ремесла, переселение крестьян в города и рост городов. Эти процессы действительно наблюдались в XVI веке в отдельных наиболее густонаселенных районах России. Перенаселенные Деревская и Водская пятины Новгородчины не могли обеспечить себя хлебом, и многие крестьяне пытались заработать на жизнь ремеслом и торговлей; здесь было много торгово-ремесленных поселений, «рядков»²¹⁵. Промыслы были развиты и в других районах Северо-Запада: железо производили в Орешке, Тихвине, в Заонежье, соль выпаривали в Старой Русе, в Поморье. Многие крестьяне занимались выращиванием льна и выделкой льняных тканей; некоторые в поисках заработка уходили в Новгород. По сравнению с Москвой, где большую часть населения составляли дворяне и их слуги, Новгород был городом ремесленников и купцов. В начале XVI века в Новгороде было 5,5 тысяч дворов и примерно 30 тысяч жителей, из них около 6 тысяч ремесленников — практически все взрослое мужское население состояло из ремесленников²¹⁶. По некоторым данным, Псков по размерам не уступал Новгороду, в нем насчитывалось более 6 тысяч дворов и 30 тысяч жителей²¹⁷. В то же время нужно отметить, что население Новгорода (и возможно, Пскова) в первой половине XVI века не увеличилось; в городах Новгородчины уже тогда проживало 10% населения²¹⁸ — для аграрного общества это цифра, близкая к максимальной; окрестные области не могли прокормить такой большой город. Как цент-

ры перенаселенного района, Новгород и Псков были часто подвержены эпидемиям — при Василии III летописи по крайней мере 4 раза отмечают здесь мор, в то время как в центральных районах эпидемии не упоминаются²¹⁹. В 1552/53 годах по, несомненно, сильно преувеличенным сведениям летописи в Новгороде умерло от мора 280 тысяч человек²²⁰.

В центральных районах ремесла были развиты меньше, чем на Северо-Западе. Крупнейшим городом России была Москва. Великие князья придавали стольному городу первостепенное значение и (так же, как османские султаны) переселяли в столицу часть населения завоеванных городов²²¹. Сигизмунд Герберштейн сообщает, что по официальным данным в 1520 году в Москве было 41,5 тысячи дворов²²². Если считать по 5 человек на двор, то получится примерно 200 тысяч жителей, однако современные историки считают цифру Герберштейна завышенной и полагают, что население Москвы не превышало 100 тысяч²²³. В Москве существовало много ремесленных слобод — Кожевники, Гончарная, Бронная; здесь был расположен Пущечный двор и работало много оружейников, производивших разнообразное воинское снаряжение²²⁴. В целом, однако, о московском ремесле известно гораздо меньше, чем о ремесле Новгорода.

Другие города Руси много уступали в размерах не только Москве, но и Новгороду. В Нижнем Новгороде в конце XVI столетия насчитывалось около 2 тысяч дворов; это был центр торговли по волжскому пути; при Василии III здесь был построен каменный кремль. В Можайске и Старой Руссе было по 1,5 тысячи дворов и 7–8 тысяч жителей. Владимир, Суздаль, Тверь потеряли свое былое значение. Правда, появилось много новых небольших городов — в их числе Руза, Радонеж, Боровск, Серпухов, Кашира; общее число городов увеличилось за полвека с 96 до 160²²⁵.

В целом можно сделать вывод, что имеющиеся данные о ценах и реальной заработной плате соответствуют теоретической динамике развития в период Сжатия. Эти данные показывают, что Сжатие, начавшееся в начале столетия на Северо-Западе, в середине столетия распространилось на центральные области. В соответствии с неомальтузианской теорией Сжатие вызвало развитие городов и ремесел, причем этот процесс в наибольшей степени затронул район раннего Сжатия — Северо-Запад, где сформировались большие ремесленные города. Для характеристики степени перенаселения Северо-Запада существенно, что рост этих городов к середине XVI века уже прекратился, а их население все чаще становилось жертвой голода и жестоких эпидемий.

5.8. ПОЛОЖЕНИЕ ЭЛИТЫ И ТРАДИЦИОНАЛИСТСКАЯ РЕАКЦИЯ

Как отмечалось выше, демографически-структурная теория изучает отдельно (и вместе с тем во взаимной связи) динамику населения, динамику элиты и динамику государства. Изучение динамики элиты предполагает рассмотрение материального и правового положения элитных групп, в частности, в отношении перераспределения ресурсов, исследование динамики их численности и доходов. Согласно теории, рост численности элиты должен был привести к дроблению поместий, ухудшению положения низших групп элиты, что вызывало усиление давления элиты на народ и государство, а также фрагментацию элиты и конфликты между различными элитными группами.

В первой половине XVI века Великие князья стремились увеличить контингенты поместной конницы, и численность дворянства быстро росла. Однако в нашем распоряжении нет цифр, которые бы достоверно отражали численность дворянского сословия. Известно лишь, что в 1520-х годах на Оке ежегодно несло сторожевую службу 20 тысячное дворянское ополчение²²⁶; отсюда можно предположить, что число дворян и детей боярских в это время было не менее 20 тысяч.

Ричард Ченслер оставил красноречивое описание тяжелой службы русских дворян, вынужденных ежегодно отправляться на границу. «Я думаю, что нет под солнцем людей, столь привычных к суровой жизни, как русские: никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд... Наибольшая их защита от непогоды, это войлок, который он выставляет от ветра и непогоды, а если пойдет снег, то воин разгребает его, разводит огонь и ложится около него... Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой... Много ли нашлось среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы месяц?»²²⁷

Эта тяжесть службы была связана с постоянной военной опасностью, исходившей из Великой Степи: кочевая конница сохраняла преимущество в мобильности, и все русское дворянство было вынуждено едва ли не круглый год стоять на заставах, чтобы предотвратить внезапный набег. Последствия прорыва татар могли быть катастрофическими: в 1521 году крымцы увели в рабство не менее 100 тысяч пленных (С. Герберштейн называет цифру в 800 тысяч²²⁸). Втянутое в мировой рынок, Крымское ханство восстановило традиции причерноморской работорговли, и татары превратили Русскую равнину в огромное поле охоты на рабов. Противостоять этим набегам

можно было лишь путем мобилизации военных сил России посредством расширения поместной системы.

Однако на Новгородчине, которая являлась главным районом поместного землевладения, ресурсы годных для поместных раздач земель были полностью исчерпаны. В 1500 году в Шелонской пятине поместные земли занимали 58% пашни, а в 1540 году — 98%; в Бежецкой пятине в 1544 году под поместья было занято 99% пригодных земель²²⁹. Вследствие нехватки земли поместья мельчали. Если в 1500 году только 22% новгородских помещиков имели земли меньше 150 десятин, то в 1540 году — 39%; доля владельцев поместий свыше 300 десятин уменьшилась с 48% до 22%²³⁰. Таким образом, (в соответствии с прогнозом демографически-структурной теории) по мере численного роста элиты положение ее рядовых членов ухудшалось.

В центральных уездах большая часть земель принадлежала боярам и церкви, и это препятствовало распространению поместного землевладения. Как показывают данные по Тверскому уезду, вотчинникам (преимущественно боярам) принадлежало 36% земель, церкви — 33%, а помещикам — только 27%. При этом бояре получали также и земли, предназначенные для поместной раздачи — причем забирали лучшие уголья сверх всяких норм²³¹.

Демографически-структурная теория утверждает, что рост численности элиты вызывает ее фракционирование и борьбу между различными фракциями. В российской элите XVI века имелось несколько фракций, причем наиболее высокое положение занимала старинная знать, удельные и служилые князья и бояре. Эта группа была хранителем удельных традиций, восходящих к Киевской Руси — и соответственно, решительным противником «протурецкого» самодержавия. Новая элитная группа, дворянство, занимала более низкое положение, и, в силу условий своего формирования, находилась на службе монархии.

Первое место среди московской знати занимали удельные князья, родственники великого князя. Василий II, Иван III, Василий III прилагали много сил, чтобы ликвидировать уделы, но перед смертью они раздавали новые уделы своим младшим сыновьям — и удельная система вновь возрождалась. После побед Ивана III над Литвой в число удельных князей вошли бывшие русско-литовские князья, перешедшие на московскую службу и сохранившие свои владения: князья Воротынские, Одоевские, Трубецкие. Удельные князья полновластно распоряжались в своих уделах, имели своих бояр и свое войско; к примеру, у князей Воротынских было несколько тысяч «боевых холопов»²³². Литва и Польша были издавна объединены уни-

ей, и русско-литовские князья усвоили обычаи польских магнатов. Не привыкнув подчиняться кому бы то ни было, они часто устраивали мятежи и уходили со своими дружинами в Литву — как поступил Семен Бельский в 1539 году. Во времена Ивана Грозного эти князья составляли главную силу боярской оппозиции; они постоянно пытались отъехать в Литву и устраивали заговоры против царя.

Второе место в иерархии знатности занимали служилые князья, в их числе было много потомков владими́ро-суздальских великих князей. В свое время эти князья добровольно подчинились Москве, и многие из них остались в своих городах на положении наместников. К XVI веку потомство Всеволода Большое Гнездо необычайно размножилось и насчитывало около двухсот князей, одних ярославских князей было больше восьмидесяти, и некоторые из них по своему положению были близки к удельным князьям. С давних времен служилые князья в силу тарханных грамот освобождались от всех налогов; Иван III пытался ликвидировать эти тарханы, но некоторые князья все-таки сохранили свои привилегии. «Княжата» закрепили за собой наместничьи должности и заправляли в городах, как в своих вотчинах. В отличие от волостелей, назначавшихся на год — другой, срок их кормлений был неопределенным; фактически кормления были пожизненными. Размеры наместнических кормов постоянно росли; в Новгороде уже в начале XVI века наместничий корм был в два раза больше «обежной дани», основного государственного налога²³³. Боярская дума по большей части состояла из этих князей-наместников; эти удельные «державцы» кичились своей знатностью и постоянно вступали в местнические споры; по словам В. О. Ключевского, они намеревались, сидя в Боярской думе, править Русской землей, как некогда их отцы правили ею, сидя по уделам²³⁴. Некоторые княжеские кланы настолько укоренились, что претендовали на наследственное думское представительство. Вдобавок князья и бояре обладали старинным «правом отъезда» в другое княжество, правом службы другому князю без потери вотчин. В условиях единой Руси отъехать можно было только в Литву, и «право отъезда» было правом на государственную измену²³⁵.

Третью ступень по знатности занимало «старомосковское» боярство. Количество боярских родов в 1525–1555 годах увеличилось с 23 до 46, и это предопределило обострение конкуренции за придворные должности. Старинные бояре имели сотни слуг и большие вотчины; к примеру, лишь одна из вотчин И. П. Федорова на Белоозере насчитывала 120 деревень. Московские бояре традиционно занимали важные посты в системе управления. Как правило, посты дворец-

кого и конюшего занимали представители одних и тех же старомосковских фамилий Морозовых, Захарьиных, Челядиных²³⁶.

Таким образом, численность элиты росла, что, в соответствии с теорией, должно было усилить конкуренцию за ресурсы между знатью и государством. Наиболее сильное давление на государство оказывала старая знать, сила и влияние которой восходили еще к XIV–XV векам; эта знать опиралась на свои огромные вотчины и сопротивлялась стремлению самодержавия ущемить ее традиционные привилегии. Таким образом, борьба между монархией и знатью приобретала характер *традиционалистской реакции*: знать отстаивала свое прежнее, традиционное положение.

В год смерти Василия III наследнику престола Ивану IV было лишь три года, и фактической правительницей стала вдова великого князя Елена Глинская. Князья и бояре с трудом мирились с самодержавием Василия III; после его смерти начались измены и мятежи²³⁷. Елена Глинская пыталась продолжать самодержавную политику своего мужа, но в 1538 году она была отравлена боярами. К власти пришла боярская олигархия, господство которой оформилось как правление Боярской думы; решения думы стали равнозначны великокняжеским указам²³⁸. Однако боярское правление сопровождалось борьбой знатных родов, заговорами и дворцовыми переворотами. «Встала вражда, — говорит летописец, — между великого князя боярами... и многие были между ними вражды из-за корысти и за родственников: всякий о своих делах печется, а не о государских, не о мирских»²³⁹. «Бояре живут по своей воле, — говорил бежавший из России итальянский архитектор Петр Фрязин, — от них великое насилие, управы в земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства»²⁴⁰. «Великое насилие» заключалось в том, что бояре поделили между собой наместничества и стали требовать у населения «корма» сверх всяких норм. «Все расхитили коварным образом: говорили, будто детям боярским на жалование... — вспоминал Иван Грозный. — Потом напали на города и села, мучили различными жестокими способами жителей, без милости грабили их имущество...»²⁴¹. Наместничьи суды превратились в орудие вымогательства: «От всех брали безмерную мзду и в зависимости от нее и говорили так или иначе и делали»²⁴². В Пскове, например, наместник князь А. М. Шуйский поднимал старые дела и «правил на людях» по сто рублей и больше, мастеровые делали все для него даром, «большие люди» несли ему подарки²⁴³. «Бояре... вместо еже любити правду... в ненависть уклонишася», — говорит летопись²⁴⁴. В надевании воинов поместьями воцарился беспорядок; царь Иван писал,

что в его «несовершенные лета» «бояре его и воеводы земли его государские себе разоимали, и другом своим и племенником его государские земли раздавали», в результате чего держат за собой «поместья и вотчины великие»²⁴⁵. Документы свидетельствуют, что только в одной поместной раздаче 1539 года князь П. И. Шуйский присвоил земли на 2 тысячи десятин, его родственник А. Б. Горбатый — на 1,5 тысячи десятин — и было много других примеров такого рода²⁴⁶. Нормы наделения землей воинов не соблюдались; царь писал, что у одних земли было больше положенного, а другие голодали²⁴⁷. Не заботясь о простых воинах, боярское правительство щедрой рукой раздавало податные привилегии монастырям и знати. Запрет на передачу земли монастырям был забыт, монахи снова отнимали за долги земли у детей боярских и у крестьян²⁴⁸. В 1540-х годах начинает чувствоваться недовольство дворян, направленное, прежде всего, против правящей боярской верхушки и монастырей. Земельные споры помещиков с монастырями стали обычным явлением²⁴⁹.

Таким образом, в соответствии с теорией, Сжатие сопровождалось ростом численности элиты и ухудшением ее положения. Этот процесс привел к фрагментации элиты, к выделению отдельных групп и к конфронтации между этими группами. С другой стороны, также в соответствии с теорией, Сжатие привело к обострению борьбы между элитой и государством за перераспределение доходов. В условиях проосманских реформ и наступления диффузионного самодержавия эта борьба приняла форму традиционалистской реакции. После смерти Василия III аристократия начала наступление на государство и в 1538 году добилась победы, установив боярское правление. Как и прежде, традиционалистская реакция проявилась в попытках перераспределения ресурсов в пользу элиты, в насилиях над простонародьем и в княжеско-боярских усобицах. Низшие слои элиты при этом ничего не приобрели и даже потеряли в результате захвата боярами части поместных земель. В итоге наметилась основная линия раскола элиты — конфронтация между боярами и дворянством.

Аристократия воспользовалась ситуацией также и для усиления давления на народ, в частности, на горожан. Для этого была использована (формально государственная) система наместнических кормлений, которая превратилась в механизм перераспределения доходов в пользу элиты. Другим механизмом такого рода стала пораженная коррупцией судебная система. Ответом народа на давление со стороны аристократии стало восстание 1547 года.

5.9. РЕФОРМЫ ИВАНА ГРОЗНОГО

Боярское правление привело к дезорганизации войска, которая сразу же отразилась на обороноспособности государства. Зима 1537/38 года была отмечена «великим приходом» казанских татар, после этого набеги повторялись регулярно, причиняя каждый раз страшное разорение²⁵⁰. В 40-х годах поднялись цены на зерно; в 1543 году был большой неурожай, который привел к волнениям в Пскове. Неурожай повторился в 1546 году, в феврале следующего года начался голод, в июне произошел большой пожар в Москве. В этой обстановке в столице вспыхнуло восстание против бояр, восставшие убили одного из правителей, Ю. Глинского и разгромили многие боярские дворы²⁵¹. Нужно отметить, что это было первое народное восстание со времен основания Московского княжества; до тех пор в Москве (в отличие от Новгорода) не было крупных выступлений, направленных против властей.

Восставшие двинулись из Москвы в село Воробьево, где тогда находился Иван IV, и царю лишь с трудом удалось убедить их, что он не стоит заодно с Глинскими. В этой сложной и опасной ситуации ближайшими советниками юного царя стали священник Сильвестр и рында (телохранитель) Алексей Адашев. Грозя юному царю божьим гневом, Сильвестр призывал его восстановить в государстве «*правду*», восстановить справедливый суд, одинаковый для всех, малых и великих. Царь должен расстаться с прежними советниками, говорил Сильвестр, расстаться с «богатыми» и «брюхатыми», «истязующими» в свою пользу бесконечные дани с простых людей²⁵².

Возможно, следуя советам Сильвестра, молодой царь совершил неслыханный доселе поступок: он обратился к народу и в начале 1549 года созвал на собор из городов людей «всякого чина». Это было первое собрание «всей земли» — первое из тех собраний, которые позже стали называть «Земскими соборами». В. О. Ключевский отмечает, что соборы «появляются как-то вдруг и неожиданно», и они мало похожи на европейские парламенты²⁵³. Еще более неожиданно, что царь начинает свою речь с обвинения бояр в многих корыстях, обидах и «неправдах», которые они чинили народу. Такого еще не случалось в Москве — правда, Василий III в свое время обвинял в этом псковских бояр, но Псков тогда был самостоятельной республикой (и речь шла о конце этой самостоятельности и о конфискации боярских земель). Царь грозил боярам, что впредь им придется держать ответ за свои действия; он обещал восстановить «*правду*» и защищать простой народ от насилия. «Я сам буду вам, сколько возмож-

но, судья и оборона, — говорил царь, — буду неправды разорять и похищенное возвращать»²⁵⁴. Чтобы утвердить правду и справедливость, Иван IV учредил Челобитный приказ; всем обиженным было дозволено жаловаться на вельмож прямо царю.

Главой Челобитного приказа был назначен Алексей Адашев, незаметный прежде молодой царский телохранитель, выходец из захудалых костромских дворян. Это назначение может отчасти приоткрыть смысл событий, связанных с первым Земским собором. Алексей Адашев незадолго до этого вернулся из Турции, был представлен Ивану IV, рассказал ему о своей поездке и вошел в число близких друзей молодого царя²⁵⁵. Мы не знаем, что именно рассказывал Алексей Адашев царю, но известно, что великий султан Селим Грозный (1512–1520) собирал всенародные «соборы», на которых обличал звать и клялся восстановить «правду». Кроме того, бросается в глаза еще одно совпадение: во время собора был издан указ, который считается началом реформ Ивана Грозного. Этот указ передавал часть дел, касающихся служилых людей, из наместничьих судов особым царским судьям. Порядок, по которому служилые люди судились особыми судьями («кадиаскерами») был характерен для Османской империи.

Челобитный приказ должен был принимать челобитные от народа, в том числе и предложения преобразований. Среди проектов реформ того времени известен проект священника Ермолая-Еразма; Ермолай предлагал ограничить владения бояр 8-кратным размером обычных дворянских поместий и выделить для царя во всех уездах особые земельные угодья²⁵⁶. Священник рекомендовал ввести единую подать в $\frac{1}{5}$ урожая и единую податную единицу, «поприще». Некоторые детали проекта позволяют утверждать, что идея «поприща» была заимствована из византийских аграрных установлений²⁵⁷, но с другой стороны, норма подати в $\frac{1}{5}$ — это государственный стандарт Османской империи, как раз в это время объявленный фетвой шейх-уль-ислама Абусайида²⁵⁸. Кроме того, Ермолай советует царю «взять на себя» для удовлетворения своих нужд земельные угодья и области — то есть расширить дворцовое хозяйство, аналог османского «хассе». Призыв к полному запрещению спиртных напитков также указывает на влияние мусульманских традиций²⁵⁹. Необходимо отметить, что в труде Ермолая-Еразма бросается в глаза его забота о простом труженике, крестьянине. Ермолай пишет, что вельможи, конечно, нужны, но они «довольствуются» не от своих трудов, прежде всего государству нужны пахари, от их трудов рождается хлеб — всему «главизна»²⁶⁰. Такого рода мысли впервые встречаются

в русской публицистике — но, как мы знаем, они весьма характерны для государственных деятелей Востока (к примеру, для того же Селима Грозного).

До середины XVI века османское влияние проявлялось на Руси в скрытых формах — османам подражали, но нельзя было признавать это вслух. В начале правления Грозного плотина молчания была, наконец, прорвана: появился смелый человек, который прямо призвал царя брать пример с Османской империи. Этого человека звали Иван Пересветов; Пересветов был многоопытным воином, служившим Яну Запольяи и Петру Рарешу, вассалам султана Сулеймана Законодателя; он хорошо знал турецкие порядки. Челобитная, поданная Пересветовым царю Иоанну, содержала «Сказание о Магмете-салтане»; в этом «Сказании» рассказывалось, как Магмет-салтан *«великую правду в царстве своем ввел»*²⁶¹.

«В 6961* году турецкий царь Магмет-салтан повелел со всего царства все доходы себе в казну собирать, — говорит „Сказание“, — а никого из вельмож своих ни в один город наместником не поставил, чтобы не прельстились они на мзду и несправедно не судили, а наделял вельмож своих из казны царской, каждому по заслугам. И назначил он судей во все царство, а судебные пошлины повелел взимать себе в казну, чтоб судьи не искушались и несправедно бы не судили... А через некоторое время спустя проверил царь Магмет судей своих, как они судят, и доложили царю про их лихоимство, что они за взятки судят. Тогда царь обвинять их не стал, а только повелел с живых кожу ободрать... А кожи их велел выделать и ватой велел их набить, и написать повелел на кожах их: *„Без таковой грозы невозможно в царстве правду ввести“*. Правда — богу сердечная радость, поэтому следует в царстве своем правду крепить. А ввести царю правду в царстве своем — это значит и любимого своего не пощадить, найдя его виновным. Невозможно царю без грозы править, как если бы конь под царем был без узды, так и царство без грозы»²⁶².

Магмет-салтан выступал в «Сказании» как охранитель справедливости: он выдал судьям книги судебные, чтоб судили всех одинаково, он установил налоги и послал сборщиков — «а после сборщиков проверял, по приказу ли его царскому собирают». Воинов царь «наделил царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам». «А войско его царское с коня не слезает и никогда оружия из рук не выпускает. Он же воинникам всегда сердце веселит своим царским жалованием». «Если у царя кто против недруга крепко стоит... будь он

* 1453 год — год взятия Константинополя

и незнатного рода, то он его возвысит и имя ему знатное даст...» «Еще мудро устроил царь турецкий: каждый день 40 тысяч янычар при себе держит, умелых стрельцов из пищалей, и жалование им дает и довольствие на каждый день...»²⁶³. Пересветов не просто рассказывал о порядках Османской империи — он предлагал брать пример с этих порядков, предлагал проект преобразований. Главное в этом проекте — это *призыв к утверждению самодержавия, призванного охранять «правду» с помощью «грозы»*. Самодержавная монархия Пересветова носит военный характер, она нацелена на завоевания и первое место в ней занимают «воинники», которые годами не слезают с коней. Конкретные меры, которые предлагает Пересветов — это ликвидация наместнических судов и системы кормлений, создание справедливого суда и нового свода законов, сбор судебных пошлин в казну, наделение служилых людей постоянным жалованием, особый суд для военных, запрещение закабалить свободных людей. Три наиболее настоятельных совета Пересветова — это установление «великой правды», возвышение воинов по заслугам и создание приближенного к царю стрелецкого корпуса, подобного корпусу «умелых стрельцов» — янычар.

Дж. Биллингтон пишет, что Пересветов «заразил Ивана своим восхищением перед турецким султаном и янычарами»²⁶⁴. О том, что сочинение Пересветова пришлось по душе царю, говорит его внесение в Никоновскую летопись и в Хронограф второй редакции²⁶⁵. Но все-таки для православного человека было негоже подражать безбожным туркам, и, уловив настроение сановных читателей, Пересветов посчитал нужным сменить тон. Вскоре после первой челобитной он подал вторую, в которой те же самые мысли высказывались в более осторожной форме и уже не от имени автора, а от имени молдавского «воеводы» Петра. Господарь Петр Рареш (1527–1546) был известен тем, что отнимал вотчины у своих бояр, чтобы раздать их в поместья служилым людям. Очевидно, по примеру султанских земель «хассе», Рареш выделял государственные земли каждого уезда в самостоятельные «околы», на которых создавалась особая администрация. Конфискации вызвали конфликт с боярами, которые перешли на сторону османов, и Рарешу пришлось бежать из Молдавии. Однако через некоторое время господарь пришел к соглашению с турками и стал вассалом султана; вернувшись на престол, он жестоко расправился с изменниками-боярами²⁶⁶. Таким образом, имя Петра Рареша содержало в себе определенную программу действий, и то, что «воевода» Петр выступал в роли советчика Ивана IV было достаточно символично.

Призыв Пересветова брать пример с османов был настолько смелым, что никто более не смог его повторить, на эту тему снова был наложен запрет. Однако в более общей форме мысли Пересветова настолько часто повторялись в посланиях Сильвестра, Адашева и самого царя, что это породило сомнения историков. Возникли предположения, что Пересветова вообще не существовало на свете, что это Адашев использовал псевдоним, чтобы высказать то, о чем не осмеливался сказать открыто. Наконец, предполагали, что автором второй челобитной может быть сам царь²⁶⁷. Тем не менее А. А. Зимин, досконально исследовавший этот вопрос, не сомневался в существовании «воинника Иванца Пересветова». Таким образом, повторение идей Пересветова в устах правителей Руси говорит о том, что они восприняли эти идеи и были готовы им следовать. Почти все исследователи признают, что царь во многом следовал советам Пересветова. Однако основной совет — *брать пример с Турции* — носил общий характер. Следуя этому совету, можно было зайти очень далеко, гораздо дальше, чем мог помыслить многоопытный воинник. Таким образом, остается рассмотреть вопрос о том, как далеко зашел царь в исполнении этого совета, о том, как реализовывалась на практике идея подражания султанам. Необходимо шаг за шагом проанализировать нововведения Ивана Грозного, сравнить их с тем, что предлагал Пересветов, и с османскими порядками тех времен.

Основной составляющей реформ Ивана Грозного были военные реформы — создание сильной армии было решающим условием существования государства. Первые мероприятия царя в точности следовали проекту Пересветова. Летом 1550 года был создан корпус «выборных стрельцов» в 3 тысячи человек; стрельцы получали по 4 рубля в год и жили в Воробьевой слободе под Москвой²⁶⁸. Уже при жизни Грозного некоторые авторы, в частности, Франческо Тьеполо и Александр Гваньини, сравнивали стрельцов с янычарами²⁶⁹. «Главная сила русских заключается в пехоте, — отмечал тосканский посол Яков Рейтенфельс, — которая совершенно справедливо может быть уподоблена турецким янычарам»²⁷⁰. Х. Ф. Манштейн, видевший стрельцов в начале XVIII века, отмечал, что «их больше всего можно сравнить с янычарами, они держались одинакового с ними порядка в сражениях и имели почти одинаковые с ними преимущества»²⁷¹. Сам царь Петр писал, что «оная пехота была устроена по образцу янычар турецких»²⁷². Действительно, стрельцы сражались как янычары: они действовали под прикрытием полевых укреплений, образующих лагерь, «кош» (тюрк. «кош» — «стоянка», «лагерь», «кошун» — «войско»). Иногда такие укрепления делались из сборных деревян-

ных щитов, на Руси передвижные укрепления из щитов назывались «гуляй-городом»²⁷³. Рейтенфельс пишет, что укрепления из деревянных щитов раньше использовали персы²⁷⁴. Характерно, что на Руси использовались фитильные ружья турецкой конструкции, и на Руси и в Турции эти ружья называли «мултух»; они отличались от европейских ружей устройством затвора, «жагры» (перс. «жегор» — «раскаленный уголь, жар») ²⁷⁵. Наконец, даже форма стрельцов была похожа на форму янычар²⁷⁶.

Пересветов не упоминает о турецком артиллерийском корпусе «топчу оджагы», однако на Руси хорошо знали о турецких артиллеристах, которые имели такую же регулярную организацию, как и янычары. Созданный Иваном IV корпус пушкарей был организован подобно подразделениям стрельцов²⁷⁷. Характерно, что легкие пушки на Руси называли «тюфяками» (то есть «тюфенгами»), а пушкари носили специальный нагрудный знак «алам» (перс. «алам» — знак отличия на одежде) ²⁷⁸. Тьеполо и Дженкинсон свидетельствуют, что стрельцы и пушкари проводили постоянные учения и стрельбы; царь регулярно присутствовал на таких военных тренировках²⁷⁹. Тьеполо писал, что Иван IV пригласил немецких и итальянских инженеров, литейщиков и пушкарей и поручил им наладить литье пушек²⁸⁰; с другой стороны, известны имена многих русских литейщиков, работавших на Пушечном дворе. В походе на Казань у царя было уже 150 пушек, некоторые из них стреляли ядрами «в колено человеку и в пояс»²⁸¹. Огромные «стенобитные» пушки в то время были символом могущества монарха, и самые большие пушки Ивана Грозного — «Павлик», «Орел» и «Медведь» — не уступали знаменитой пушке Урбана; они стреляли ядрами в 20 пудов²⁸².

Одновременно со стрельцами царь попытался создать конную гвардию — он выбрал тысячу лучших воинов и хотел дать им поместья под Москвой. Пересветов не упоминает об этом, но наряду с гвардейской пехотой («ени чери оджагы») у турок была и конная гвардия («алты булук халкы»). Задача гвардии заключалась в том, чтобы постоянно находится при особе царя или султана, быть его оружием в борьбе со всеми врагами — не только внешними, но и внутренними. Однако из-за нехватки земель для испомещения проект создания конной гвардии остался неосуществленным; он был реализован позже — это была знаменитая опричная «тысяча»²⁸³. Впрочем, «выборные стрельцы» так же не сразу стали личной гвардией царя, поначалу они использовались как обычное воинское подразделение.

Начиная с 1550 года проводятся мероприятия по приведению в порядок поместной системы. Как отмечалось выше, в период боярско-

го правления учет был запущен, царь писал, что у одних помещиков были излишки земли, а иные были голодны²⁸⁴. В 1555 году состоялся «приговор царский о кормлениях и службе». В «приговоре» указываются нормы службы: со 150 десятин доброй земли выставлялся человек на коне и в доспехе — «а в дальний поход о дву конь». Поместья предполагалось измерить и уравнивать соответственно «достоинству»²⁸⁵. Пересветов не говорил о служебных нормах, но тема вознаграждения воинов по заслугам является основной в его сочинении и, вероятно, необходимость таких норм подразумевалась сама собой. В Турции, как отмечалось выше, существовали четкие нормы службы, но землю при этом не меряли: норма службы устанавливалась исходя из дохода, доставляемого помещьем. Эта разница не была принципиальной, в любом случае введение нормы службы было кардинальной мерой, завершившей становление поместной системы. Особенно большое значение это нововведение играло в организации службы вотчинников: бояре и князья были обязаны служить и прежде, но число воинов, которых они должны были приводить с собой, не было четко определено. Теперь был организован учет, по уездам были составлены нарядные списки и отныне никто не мог уклониться от службы. «И свезли государю списки изо всех мест и государь сметил множество воинства своего, — говорит летопись, — еще прежде сего не бысть так, многие бо крышася, от службы избываше»²⁸⁶. Эта реформа намного увеличила московское войско. Венецианский посол Фоскарино свидетельствует, что прежде войско было немногочисленным, но преобразования «императора Ивана Васильевича» увеличили его до огромных размеров: он сам будто бы видел две армии по 100 тысяч человек каждая²⁸⁷. По более надежным сведениям Д. Флетчера, «число всадников, находящихся всегда в готовности», достигало 80 тысяч человек, но в случае необходимости каждый дворянин мог привести с собой одного или двух «боевых холопов»²⁸⁸. Великий визирь Мухаммед Соколлу говорил посланцу Стефана Батория, что царь силен, что с ним может померяться силами только султан²⁸⁹. Таким образом, военные реформы Ивана Грозного достигли своей цели — была создана мощная армия, которая позволила России намного расширить свою территорию, стать великой державой того времени.

Необходимо отметить еще одну деталь организации русской поместной системы: воинам раз в 3–4 года на смотрах выдавалось дополнительное жалование. Это можно рассматривать как реализацию идеи Пересветова (воинов царь «наделил царским жалованием из казны своей, каждому по заслугам»). Однако османские сипахи

в действительности не получали жалования из казны. Где взял Пересветов образец для своего проекта? Известно, что такая практика в X веке существовала в Византии: чтобы облегчить снаряжение византийских всадников-стратиотов, им выдавали небольшое денежное и натуральное довольствие (опсоний и ситересий)²⁹⁰. Таким образом, мы снова видим, что к османским заимствованиям иногда примешиваются элементы византийской традиции.

Многие авторы²⁹¹ отмечают, что идея приведения в порядок поместной системы никак не отражена в проекте Пересветова — он вообще ничего не говорил о помещиках и сипахи, предлагая содержать воинов на жалованье (как содержались янычары). Однако отсюда не вытекает (как считает А. Г. Бахтин²⁹²), что Пересветов предлагал отказаться от поместной системы — просто «воинник» обошел стороной этот вопрос. Поместная система уже существовала, и Пересветов нигде не утверждал, что ее нужно упразднить; он предлагал завести новое стрелецкое войско не взамен, а в дополнение к поместному ополчению.

Один из наиболее настоятельных советов Пересветова — это выдвижение служилых людей по заслугам, а не по знатности. Штаден отмечал, что если воин был ранен в бою спереди, то он получал придачу к поместью, если же он был ранен в спину, то поместье убавляли²⁹³. Однако боярское местничество не допускало назначения неродовитых служак на высокие посты; бояре издавна боролись между собой из-за «мест». В 1550 году царь отменил местничество в полках во время военных походов — но большего он сделать не смог. Частичная отмена местничества вызвала резкое недовольство знати. В тайной беседе с литовским послом боярин Ростовский жаловался: «Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей...»²⁹⁴ Ростовский стал одним из организаторов заговора 1553 года.

Одновременно с военными проводились и гражданские реформы. В июне 1550 года появился новый Судебник — новый свод законов. Основной целью введения новых законов было установление провозглашенной царем «великой правды». «Великая правда», то есть справедливость («адалет»), была главным тезисом Пересветова, но, как отмечалось выше, эта идея не принадлежала автору «Челобитной»; она высказывалась многими публицистами того времени. Более того, этой идее следовал Иван III при создании Судебника 1497 года — поэтому его внуку не пришлось много менять в старых законах. Как и предыдущий судебник, новый кодекс требовал от судей не брать взяток и быть внимательными к жалобщикам; на суде

должны были присутствовать представители крестьян и посадских людей — староста, «лутчие люди» и «целовалники». Среди нововведений было установление конкретной ответственности за взяточничество и невнимание к жалобам. Было запрещено холопить детей боярских — это положение закона совпадало с проектом Пересветова. Для крестьян и посадских людей вводились разные штрафы за «безчестье» (т. е. за оскорбление) — соответственно 1 рубль и 5 рублей. Для дворян и детей боярских штраф устанавливался в зависимости от служебного положения; все это было отступлением от равенства всех перед судом, которое молчаливо устанавливал Судебник 1497 года. Еще одной уступкой знати звучало положение, по которому новые законы вводились «з государева доклада и со всех бояр приговофу» — это было законодательное ограничение царской власти, боярское правление не прошло даром, и Иван IV (в отличие от его отца) поначалу не был самодержцем. Но с другой стороны, новый судебник аннулировал тарханные грамоты — податные иммунитеты знати и монастырей. Дела о разбое отнимались у наместников и передавались губным старостам — это был признак начавшегося упразднения наместничеств²⁹⁵.

Современники в один голос свидетельствуют, что Иван IV искренне стремился утвердить на Руси правосудие и справедливость. Фоскарино говорит о том, что царь установил правосудие с помощью простых и мудрых законов²⁹⁶. «Этот царь уменьшил неясности и неточности в законодательстве и судебных процедурах, — писал Д. Горсей, — введя наиболее простую и удобную форму письменных законов, понятных и обязательных для каждого, так что теперь любой мог вести дело без какого-либо помощника, а также оспаривать незаконные поборы в царском суде без отсрочки»²⁹⁷. «Законы жестоки для всех обидчиков», — кратко отзывається А. Дженкинсон²⁹⁸. Писавший о взяточничестве русских приказных (и вообще не любивший Россию), Г. Штаден тем не менее отдает должное Ивану Грозному. «Он хотел искоренить неправду правителей и приказных страны... — свидетельствует Штаден. — Он хотел устроить так, чтобы правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов»²⁹⁹.

Одним из главных пунктов программы Пересветова была ликвидация наместничеств и сбор «кормов» в казну. Мероприятия в этом направлении проводились постепенно, начиная с 1550 года. В «приговоре» 1555 года царь снова, как на соборе семилетней давности, обвинял наместников в том, что они были для своих городов гонителями и разорителями; подобные выражения присутствуют и в не-

которых грамотах, где добавляется: «...и потому мы, *жалующи хрестьянство*... наместников и волостелей и праветчиков от городов и волостей отставили»³⁰⁰. По «приговору» наместники заменялись губными и земскими старостами, выбираемыми местным населением³⁰¹; губным старостам особо предписывалось, чтобы у них «насильства хрестияном от силных людей не было»³⁰². Корма, которые, прежде собирали наместники, теперь собирались в казну; именно за счет этих сборов «боярам», «вельможам» и «воинам» определялось жалование, о котором говорилось выше³⁰³. «Приговор» был не законом немедленного действия, а скорее программой преобразований. Проведение губной реформы наталкивалось на сопротивление знати, не желавшей расставаться со своими кормлениями; поэтому реформа растянулась на десятилетия; в пограничных областях наместничества так и не были ликвидированы³⁰⁴.

Необходимо отметить еще одну важную сторону губной реформы: она передавала судебную власть в руки выборных местных властей — то есть вводила местное самоуправление. Губные старосты выбирались обычно из числа отставных помещиков, а помощники старосты, «целовальники» — из числа крестьян. Таким же образом избирались старосты и целовальники «к денежному сбору» — волость сама собирала подати и отвозила их в Москву³⁰⁵. На черных землях, где не было помещиков, самоуправление было чисто крестьянским, земским. На уровне волостей крестьянское самоуправление существовало и раньше, так что реформа лишь закрепляла старинный общинный порядок³⁰⁶. Но на уровне городов и наместничеств самоуправление вводилось впервые. Псковская летопись отмечает, что в результате губной реформы «бысть крестьянам радость и льгота велика»³⁰⁷. Более того, крестьяне использовали оказавшуюся в их руках власть для наступления на вотчины — главным образом на монастыри. Сохранились свидетельства о том, земские волостные суды отнимали у монастырей земли. «Над старцы и над слугами и над дворники чинят насильства великие...» — говорилось в одном из царских указов³⁰⁸.

Пересветов пишет в «Сказании», что, отстранив наместников, Магмет-салтан «назначил судей» во все царство. Московские реформаторы не назначали судей, а предоставили право выбирать их общинам. Это решение как-будто находится в противоречии с проектом Пересветова, но нужно вспомнить, что в Турции существовала и другая судебная система — на славянских землях самоуправляемые общины и округа сами выбирали своих старост («кнезов»), которые одновременно были и судьями³⁰⁹. Вероятно, московские реформаторы предпочли образец более близкий православному славянскому миру.

Отмена наместничеств и сбор кормов в казну означали реформу налоговой системы. Эта реформа — также как установление служебных норм — упиралась в проблему измерения земель: служба и налоги шли с земли. В прежние времена землю клали в податные единицы, «сохи», в значительной мере произвольно — теперь была введена стандартная соха, зависевшая от качества земли. На служилых (поместных и вотчинных) землях в соху клали 1200 десятин «доброй», или 1500 десятин «средней», или 1800 десятин «худой» земли; на монастырских землях — соответственно 900, 1050 и 1200 десятин; на черных землях — 750, 900 и 1050 десятин³¹⁰. Был проведен кадастр, все поля, луга, леса были измерены и соответственно качеству земли поделены на «сохи»; каждой «сохе» был присвоен номер³¹¹. Со всех «сох» полагались одинаковые государственные подати, которые крестьяне разверстывали между собой, соответственно размерам наделов (их, как и прежде, исчисляли в «вытях»). Поскольку размеры «сох» были разными, то обложение служилых земель составляло 62,5%, а обложение монастырских земель — 83% от обложения черных земель. За счет снижения обложения с поместных, вотчинных и монастырских земель государство позволяло служилым людям и церкви брать с крестьян свою долю дохода.

Как отмечалось выше, османская податная система была в основных чертах заимствована из Византии, но в отличие от Византии, турки не меряли землю (точнее, размер полей оценивался по объему посева). Русские заимствовали эту систему отчасти из Турции, отчасти непосредственно из византийских письменных источников, очевидно, через посредство греческих священников. При этом русские писцы более строго следовали византийским образцам: они стали мерить землю, причем русское землемерное пособие сохранило явные следы византийского происхождения³¹². Проведение земельных кадастров было несомненным достижением русских писцов; подобным достижением в те времена могли похвалиться только китайские и японские чиновники.

В связи с измерением земель были введены государственные стандарты мер и весов. Это обстоятельство также удивляло многих иностранцев³¹³: в те времена государственный стандарт мер существовал только в Османской империи и в Китае. Не удивительно, что русская система мер (как и монетная система) была привязана к турецкой; простая сажень была приравнена к 2 турецким аршинам, кося сажень — к 3 аршинам. Вес измерялся в пудах и контарях, русский контарь составлял 0,7 от турецкого контаря; в таком же соотношении находятся русский пуд и турецкий батман³¹⁴. (Разница произо-

шла, по-видимому, оттого, что в одну и ту же емкость наливали воду и насыпали зерно. Русский контарь — это вес зерна, турецкий — это вес воды).

Налоговая реформа не ограничивалась передачей наместничьих кормов в казну; она привела к полной перестройке податной системы. Пересветов не затрагивает этой темы, однако известно, что османская налоговая практика включала коммутацию отработочных повинностей; это была характерная черта османской податной системы. Начиная с 1551 года московское правительство так же осуществляет коммутацию отработочных повинностей. Ямская повинность, военная служба «с сох» и прочие повинности заменяются выплатой денег; отныне крестьяне платят в 4 раза больше, чем прежде³¹⁵. Трудно сказать, насколько эквивалентной была эта замена, однако даже после четырехкратного увеличения денежных выплат государственные налоги не превышали 9% крестьянского дохода³¹⁶. С государственной точки зрения коммутация была вполне оправданной: набравшиеся с «сох» крестьяне-ополченцы были практически непригодны для войны, по своим воинским качествам они не шли в сравнение с поместной конницей. Вместо крестьянской службы реформа дала правительству деньги, которые пошли на финансирование нового войска. Налоговая реформа (в сочетании с поместной реформой) обеспечила создание огромной армии Ивана Грозного.

В связи с налоговой реформой следует упомянуть также о сдаче косвенных налогов (тамги) на откуп крупным купцам. Как известно, сдача таможенных и рыночных сборов на откуп была характерна для налоговой практики Османской империи³¹⁷.

Московское правительство пыталось провести еще одну реформу, не затронутую в проекте Пересветова. Речь идет о попытке конфискации монастырских земель с целью наделения воинов поместьями. Владения церкви составляли примерно треть земель государства, при этом в силу тарханских грамот многие из них были освобождены от налогов. Первую попытку конфискации монастырских земель предпринял еще Иван III (вероятно, примером для великого князя послужила конфискация «вакфов» Мехмедом II). Ивану III удалось конфисковать церковные земли в Новгородской земле, однако в целом эта попытка закончилась неудачей. В начале 1551 года Иван IV обратился к патриарху и церковному собору с вопросом о том, достойно ли монастырям приобретать земли и копить богатства (любопытно, что по форме эти вопросы были похожи на те обращения за «фетвой», которые часто делали султаны). В ответ на запрос царя иерархи церкви объявили вероотступником всякого, кто покушает-

ся на ее богатства, и Иван IV был вынужден отступить. Тем не менее правительство нашло способ перераспределения церковных доходов в свою пользу. Церковь была лишена прежних налоговых привилегий (тарханов), и монастыри были обязаны платить налоги по ставке, лишь немного уступающей ставке налога с государственных («черных») земель. Земли, полученные церковью в 1540-е годы «за долги», были отписаны на царя, и впредь монахам было запрещено заниматься ростовщичеством. Все новые покупки земель производились только с разрешения царя³¹⁸.

Еще одно направление реформ было связано с организацией центральных ведомств, «приказов». Налоговая и поместная реформа, составление земельного кадастра, ведение нарядных книг — все это требовало учета и контроля, создания новых специализированных ведомств. Военными делами стал управлять Разрядный приказ, сбором ямских денег и организацией ямской службы — Ямской приказ, государственными землями — Поместный приказ. Прежняя Казна превратилась в Казенный приказ, появились и другие приказы — Посольский, Разбойный и т. д. Дьяки в приказах кормились «от дел» — то есть на законных основаниях могли получать небольшую плату от просителей. Любопытно, что такой порядок содержания мелких чиновников существовал и в Турции³¹⁹.

Над каждым приказом начальствовал думный боярин, но бояре плохо разбирались в делопроизводстве и в действительности главой приказа был ученый грамотей-дьяк. Дьяки происходили обычно из «поповского рода», они были незнатными людьми, но тем не менее они были включены в состав думы и стали «думными дьяками». Это выдвижение худородных чиновников вызывало негодование у родовитых бояр. А. Курбский писал, что писарям русским царь «зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичей или от простого всенародства, а от ненавидячи творит вельмож своих»³²⁰. Царь больше не верит боярам, писал Т. Тетерин боярину М. Я. Морозову, «есть у великого князя новые верники-дьяки... у которых отцы вашим отцам в холопстве не пригожались, а ныне не только землею владеют, но и вашими головами торгуют»³²¹.

Выдвижение на первые места неродовитых чиновников относится к началу 1560-х годов. К этому времени в правительстве произошли большие перемены, Адашев и Сильвестр попали в опалу; первыми советниками царя теперь были знаменитый воевода Алексей Басманов и дьяк Иван Висковатый. Висковатый был именно тем писарем из «всенародства», возвышение которого вызывало ярость бояр. Он

руководил Посольским приказом, а затем вошел в состав думы и стал «печатником»³²². Характерно, что Г. Штаден считал И. Висковатого туркофилом³²³, и вероятно, дьяк знал тюркский язык — без этого было бы трудно руководить ведомством иностранных дел. Как бы то ни было, опала Адашева и Сильвестра мало что изменила, реформы не закончились, как полагают некоторые историки, они продолжались в том же направлении³²⁴. В 1562 году появился закон, запрещающий продажу родовых княжеских вотчин; в случае отсутствия прямого наследника вотчины отбирались в казну. Вслед за отменой кормлений, обязательством платить налоги и выставлять воинов, этот указ был новым шагом, ущемляющим интересы знати. Фактически речь шла о частичной конфискации боярских земель (выморочных вотчин).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, объясняющее суть конфликта. По переписям 1540-х годов примерно треть земли в центральных уездах принадлежала церкви, треть составляли вотчины (преимущественно боярские) и треть принадлежала государству³²⁵. Лишь эта последняя треть могла быть роздана (и была роздана) в поместья воинам-дворянам, а между тем военная необходимость требовала испомещения новых всадников. Церковь не выставляла воинов, и неоднократные попытки конфискации ее земель завершились неудачей. Бояре должны были выставлять всадников со своих земель, но они противились этому. Если же князья и бояре приводили своих воинов, то они являлись во главе целых полков, подчинявшихся только им — в случае конфликта это могло обернуться опасностью для царя. Между тем перед глазами царя был пример конфискации «мульков» Мехмедом II; в Турции не было огромных княжеских вотчин и княжеских дружин. В начале 60-х годов царь начинает высказывать недовольство сложившимся положением, в письме к Курбскому он говорит о том, что в свое время Иван III отнял у бояр вотчины, а потом их «беззаконно» вернули знати³²⁶. Таким образом, новое направление царской политики подразумевало частичную конфискацию боярских вотчин и испомещение на этих землях верных царю дворян. Указ о конфискации выморочных вотчин был свидетельством начавшегося наступления на боярское землевладение. Естественно, он не мог не вызвать противодействия знати, есть известие, что при обсуждении указа «князь Михайло (Воротынский) царю погрубил»³²⁷.

Одним из пунктов программы Пересветова было завоевание Казанского ханства. После создания стрелецкого корпуса русская пехота впервые осмелилась идти на Казань «подем», а не «судовой ра-

тью»³²⁸. Взятие Казани стало первой победой новой армии Ивана IV; пушки разрушили стены крепости, а при штурме особо отличились стрельцы. Подобно взятию Константинополя Мехмедом II, эта победа имела колоссальное моральное значение. При встрече царя в Москве Ивану IV были оказаны необычные почести: «И архиепископ Макарий со всем собором и со всем христианские народом *перед царем на землю падают* и от радости сердечныя слезы изливающие», — говорит летопись³²⁹. Именно с этого времени Ивана IV стали именовать Грозным, причем поначалу его называли так татары — видимо, по аналогии с великим султаном Селимом Явюзом. Русские называли царя Грозным как своего защитника, грозного для врагов³³⁰.

После взятия Казани произошло то же, что и после овладения Новгородом, Псковом, Рязанью и другими городами: был организован «вывод» («сюргун»), местная знать была выселена в центральные районы России. В Казанской земле была произведена опись и новые земли были розданы в поместья русским воинам. Правительство принимало меры к переселению крестьян в Поволжье. Специальные агенты, «садчики», ездили по деревням и «выкликали» желающих поселиться в новых местах. Переселенцам давали временное освобождение от налогов³³¹.

Так же, как османские султаны, Иван Грозный наделил переселенных иноплеменников — бывших врагов! — поместьями, и они верно служили своему новому повелителю. Как и султан, царь проявлял терпимость в вопросах веры; мусульмане могли строить мечети; они имели своих судей-кади³³². После взятия Казани в подданство могущественному московскому государю добровольно перешли бывшие союзники и вассалы казанских татар — татары сибирские, черкесы и ногайцы. Царь был настолько заинтересован в привлечении на свою сторону этих новых подданных, что позволил ногайцам кочевать в верховьях Дона. Русская армия пополнилась многочисленным мусульманским воинством, только на горной стороне Волги по переписи оказалось 40 тысяч «из луков гораздых стрельцов», и после этого царь, по его собственным словам, смог призвать в свое войско из Поволжья 30 тысяч всадников³³³. Новые воины царя отлично зарекомендовали себя в битвах с литовцами, но были ненадежны в сражениях с соплеменниками, с крымскими татарами и турками. Поэтому царь стремился заключить мир с Крымом и использовать свою новую армию для завоевания Ливонии. (Конечно, были и другие причины Ливонской войны — необходимо было открыть окно в Европу для получения оружия и металлов). В первом походе на Ливонию русскими войсками командовал казанский хан Шейх-Али, а ко-

мандиром передового полка был царевич Тохтамыш³³⁴. Датский посол Якоб Ульфельдт в 1578 году встретил в Ливонии татарское войско в 25 тысяч всадников. Характерно, что (в соответствии с монгольской стрелковой тактикой) из оружия у них не было ничего, кроме луков, но Ульфельдт отзывается об этих воинах весьма уважительно: «Они могут переносить величайшие трудности, очень легко терпят голод и жажду. Все необходимое для пропитания берут с собой, повозки им не нужны, питаются кониной, порции которой привязаны у них к седлу»³³⁵. Многие представители татарской знати получили дворянство и вошли в число русской аристократии: подсчитано, что в XVII веке шестая часть русских знатных родов происходили из татар — хотя, конечно, некоторые из них жили на Руси еще с монгольских времен³³⁶. В. И. Даль писал, что «русские князья... частью признаны в этом звании из татарских мурз и ханов, или жалованы государями. Народ местами доньине, то шутя, то почетно, всякого татарина кличет князем»³³⁷.

5.10. ОПРИЧНИНА

Включение в состав Московского царства многочисленных мусульманских народов привело к усилению влияния исламской культуры. Именно это обстоятельство, по мнению Ярослава Пеленского, привело к перениманию Москвой тюрко-мусульманских социально-политических институтов³³⁸. Завоевание обширных областей всегда сопровождается *процессом социального синтеза*, с одной стороны, покоренные народы частично перенимают обычаи завоевателей, с другой стороны, завоеватели перенимают некоторые порядки покоренных народов. Однако в данном случае перенимание началось гораздо раньше — завоевание Казани было лишь одним из факторов, способствовавших этому перениманию. Тем не менее появление при царском дворе большой группы татарских и черкесских князей, безусловно, сыграло свою роль. В 1558 году черкесский князь Темрюк прислал в Москву — вероятно в качестве заложников — своих сыновей Булгоруко и Салтанкула. Молодой Салтанкул понравился царю, Иван дал ему имя Михаила, велел его крестить и учить русской грамоте, а затем женил на дочери знатного боярина Василия Михайловича Юрьева, племянника царицы Анастасии. После смерти Анастасии ее родня, чтобы не потерять влияние, постаралась найти царю «свою» невесту и договорилась с Михаилом Черкасским женить царя на одной из его сестер. Летом 1561 года Михаил привез царю княжну Ма-

рию, которая настолько очаровала Ивана, что он без промедления сыграл свадьбу. Таким образом, князь Михаил Черкасский породнился с царем и стал одним из его ближайших советников. Бояре с самого начала ненавидели Марию и ее брата — они опасались их влияния на царя. Как мы увидим далее, эти опасения были не напрасными³³⁹.

Ко времени появления Марии при царском дворе отношения Ивана Грозного и бояр были уже напряженными до крайности. Князь Дмитрий Вишневецкий «отъехал» в Литву, глава думы князь Иван Бельский был уличен в том, что собирался последовать примеру Вишневецкого. Однако дума не позволила царю судить изменника — в этом и в других столкновениях проявилось реальное соотношение сил: царь не был самодержцем и не мог настоять на исполнении своей воли³⁴⁰. Число перебежчиков увеличивалось, измена среди военного руководства привела к разгрому русской армии на реке Улле. В этой ситуации Иван Грозный сделал решительный шаг: в декабре 1564 года царь покинул Москву и, угрожая отречением от престола, предъявил ультиматум боярской думе. Он снова обвинил бояр в том, что они делали «многие убытки» народу, не только не радели о православном народе, но и чинили насилия «крестиянам». Царь обвинял бояр, что «в его государские несовершенные лета» они «земли его государские себе разоимали, и другом своим и племенником его государские земли раздавали», в результате чего держат за собой «поместья и вотчины великие». Царь говорил также и об изменах, он жаловался, что ничего не может поделать с изменниками: едва он захочет «показать» боярина, как в защиту того выступает дума и митрополит. Одновременно царь писал московским посадским людям, объясняя, что его гнев обращен против изменников-бояр, а на них, посадских людей гнева и опалы нет³⁴¹.

Послание царя вызвало народные волнения — может быть, правильнее сказать, восстание — в Москве. Возбужденные толпы горожан окружили митрополичий двор, где собралась Боярская дума. Представители народа, допущенные к боярам, заявили, что они будут просить царя, чтобы тот «государства не оставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял». Таким образом, народ встал на сторону царя, он называл бояр «волками»; его представители угрожали перебить обвиненных царем «лиходеев и изменников». Митрополит и бояре были вынуждены просить милости у царя; они согласились предоставить монарху неограниченные полномочия и выдать «изменников»³⁴².

Царь стремился предстать в образе защитника справедливости — и ему это удалось, при поддержке народа Иван IV стал само-

держцем. Это было исполнение заветов «воинника Иванца Пересветова». Но дальше начинается нечто странное. Царь вводит опричнину, делит государство на две части с разным управлением, опричнину и земщину. Царь, только что ставший самодержцем, зачем-то передает управление земщиной (основной частью государства) Боярской думе. Боярская дума становится земской думой, в опричнине появляется своя опричная дума, своя казна и свое маленькое войско — тысяча конных опричников и 500 стрельцов.

«Учреждение это всегда казалось очень странным, как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал», — писал об опричнине В. О. Ключевский³⁴³. «За последние сто лет ситуация в науке мало изменилась», — добавляет В. Б. Кобрин³⁴⁴. С. Б. Веселовский писал по этому поводу: «Созревание исторической науки движется так медленно, что может поколебать нашу веру в силу человеческого разума вообще, а не только в вопросе о царе Иване и его времени»³⁴⁵. «В этих действия царя историки справедливо усматривали нечто загадочное и непонятное... — писал В. И. Корецкий. — Все попытки осмыслить загадочные действия Ивана IV... носят весьма приблизительный характер; главное в них то, что они ведут нас в сторону Востока»³⁴⁶. Действительно, в истории создания опричнины с самого начала просматривается «восточный след». Опричник Штаден в своих записках утверждал, что царь учредил опричнину по совету своей жены Марии-черкешенки³⁴⁷. Князь Курбский также отмечал, что перемена в поведении русских князей произошла от влияния «злых жен-чародейц»³⁴⁸. По другим сведениям, совет ввести опричнину исходил от боярина В. М. Юрьева, тестя Михаила Черкасского. Известно, что после введения опричнины царь оставил свой дворец в Кремле и переехал на подворье князя Михаила, который стал одним из командиров опричного корпуса. Народные песни времен Ивана Грозного изображают Марию и Михаила главными виновниками начавшихся казней. Таким образом, говоря об инициаторах опричнины, источники указывают на один круг людей — черкесскую родню царя³⁴⁹.

Московские летописи переводят старое слово «опричнина» как «особый двор», и позже, когда это слово было запрещено, опричнину именовали просто «двором»³⁵⁰. Черкесы хорошо знали, что такое «двор» — *двор османских султанов* — это было государство в государстве со своей казной и маленькой армией, составленной из гвардейских частей. Земли, выделенные в обеспечение двора, именовались «хассе»; как в Турции, так и в других мусульманских странах, государство делилось на две части, «хассе» и «дивани». «Это разделение аналогич-

но разделению России на „земщину“ и „опричнину“ ... – писал известный востоковед И. П. Петрушевский. – Слово „опричнина“, и есть, в сущности, хороший русский перевод слова „хассе“»³⁵¹.

Таким образом, секрет «странного учреждения» в действительности хорошо известен специалистам-востоковедам. В Персии «земская дума» называлась «диван ал-мамалик», а «опричная дума» – «диван-и хассе»³⁵². Разделение государства на опричнину и земщину было характерно и для зависевших от Турции православных балканских княжеств; вспомним, что «советчик» Ивана Грозного господарь Петр Рареш выделил во всех уездах опричные «околы». На Руси земли «хассе» под названием «дворцовых земель» в большом количестве появились еще при Иване III – и уже тогда эти земли находились под особым управлением. Именно «дворцовые земли» в первую очередь брались в опричнину и, по-видимому, они составили основной массив опричной территории. Таким образом, Иван Грозный не был создателем «опричнины» – «хассе», он лишь придал этому учреждению завершённые формы.

Современники видели засилье татар и черкесов в окружении царя, и, в частности, Джером Горсей писал, что покорение Казани и женитьба на черкесской княжне дали царю «власть и силу татар», которую он использовал для подавления и усмирения недовольных князей и бояр³⁵³. Некоторые русские политики понимали смысл тех советов, которые давали Грозному его татарские приближенные. Это видно из ключевого эпизода ссоры, разгоревшейся между царем и митрополитом Филиппом. Филипп заметил, что в церкви рядом с царем стоял опричник в мусульманской шапке, «тафье», – митрополит не удержался и воскликнул: «*Се ли подобает благочестивому царю агарьянский закон держати?*»³⁵⁴ Разумеется, дело было не в тубетейке опричника – митрополит обвинял царя в перенимании мусульманских порядков. Прежде царь терпеливо сносил обличения Филиппа – но на этот раз он пришел в ярость и распорядился свести митрополита с престола.

По османской традиции султан не вмешивался в управление «земщиной», если он посещал заседания дивана, то наблюдал за его работой из-за занавески. Тем не менее монарх мог в любой момент приказать казнить любого из членов дивана. Казнь за государственные преступления было посажение на кол, при этом истреблялись все родственники преступника. Такие наказания не применялись на Руси в прежние времена³⁵⁵ – но с приходом опричнины начинается время наводивших ужас восточных казней. Естественно, что родственники казненных пытались отомстить тем, кого они считали ис-

тинными виновниками этих казней — и в 1569 году ненавидимая знатью «восточная царица» Мария была отравлена³⁵⁶.

Царь распорядился казнить многих «изменников» — но настоящий смысл опричнины был в другом. Мы помним, что делали султаны с завоеванными областями и что сделал Иван III с Новгородом — теперь Иван IV делает это со всей Россией. Начинается грандиозный «вывод»³⁵⁷, «сюргун». «Представители знатных родов, — пишут И. Таубе и Э. Крузе, — были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от отцов имений, и так, что не могли взять с собой даже движимое имущество... Эти бояре были переведены на новые места, где им были указаны поместья...»³⁵⁸. Р. Г. Скрынников установил, что свыше 150 представителей высшей знати были «выведены» в Казанскую землю и едва ли не большинство этих ссыльных имело княжеские титулы³⁵⁹.

«Великий вывод» нанес решающий удар княжеской и боярской знати. Хотя через некоторое время сосланным было дозволено вернуться в Москву, мало кто из них получил назад свои земли. Флетчер в следующих словах отразил изменение положения бояр при Иване IV: «Сначала они были только обязаны служить царю во время войны, выставляя известное число конных, но покойный царь Иван Васильевич... человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, начал постепенно лишать их прежнего величия и прежней власти, пока, наконец, не сделал их не только своими подчиненными, но даже холопами... Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав... он дал им другие земли на праве поместном... владение коими зависит от произвола царя... почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими...»³⁶⁰ «Установлено фактически, — пишет В. Д. Назаров, — что в ряде уездов опричные выселения и переселения имели массовый характер, причем имело место в широких масштабах изменение формы собственности (вотчинной на поместную)»³⁶¹. Курбский обвиняет Ивана Грозного, что он погубил весь многочисленный род князей Ярославских: «понеже вотчины имели великие»³⁶². Дьяк Котошихин, писавший в XVII веке, свидетельствует, что к тому времени «прежние большие роды многие без остатку миновались»³⁶³.

Было что-то символическое в том, что русская знать была выведена в Казань — еще недавно казанская знать была «выведена» в Россию, теперь все было наоборот — как будто победителями в конечном счете были татары. Как обычно при «выводе», земли изгнанной знати отписывались в казну и тут же раздавались в поместья новым дворянам. В этом и состоял смысл опричных мероприятий —

конфискация боярских земель была необходима для увеличения армии в решающий момент Ливонской войны. «Вот что делал великий князь, — писал Генрих Штаден. — Он перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным»³⁶⁴.

Конфискация огромных боярских вотчин и торжество принципа «нет земли без службы» означали фактическое огосударствление земельной собственности³⁶⁵. «Введение обязательной службы... — отмечает Р. Пайпс, — означало не более не менее, как упразднение частной собственности на землю»³⁶⁶. Действительно, по западным понятиям того времени собственник не был никому обязан служить. Это отметил посетивший Россию в 1550-х годах Р. Ченслер: «В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти [служить] по требованию государя...»³⁶⁷ «Историческое значение поместной системы, — подчеркивает Р. Г. Скрынников, — определялось тем, что с ее организацией в России утвердилась всеобъемлющая государственная собственность. Развитие государственной собственности трансформировало старое боярство периода раздробленности в военно-служилое сословие XVI века»³⁶⁸. Отсутствие частной собственности на землю было «ключом к восточному небу», той чертой, которая отличала Запад от Востока; это было главное, чем отличались европейские феодальные монархии от восточных этатистских империй. Таким образом, реформы Ивана III и Ивана IV превращали Россию в этатистскую монархию османского образца.

О том, насколько близка была Россия к Востоку, свидетельствует один эпизод, относящийся к 1570-м годам, ко времени когда опричнина была уже формально отменена. Осенью 1575 года Иван IV неожиданно для всех отрекся от престола и посадил на трон своего вассала, касимовского хана Саин-Булата («Симеона Бекбулатовича»). Иван Грозный оставил себе «удел» — нечто вроде прежней опричнины со своим войском, казной и думой. «Вокняжение Симеона представляло собой загадку как для современников, так и для исследователей», — отмечал Р. Г. Скрынников³⁶⁹. Пискаревский летописец объясняет отречение неким «пророчеством волхвов»: волхвы предсказали в том (7084) году «московскому царю смерть», и Грозный попытался избежать судьбы, посадив на престол «подменного царя»³⁷⁰. Действительно, Симеон просидел на престоле с начала до конца 7084 года и был сведен с него, как только опасный срок миновал. «Загадка Симеона» объясняется достаточно просто: это был восточный обычай, история Персии изобилует примерами такого рода. В 1591 году «вол-

хвы» предупредили шаха Аббаса об опасности, которая будет грозить ему в течение трех дней. Шах отрекся от престола в пользу некоего «неверного» по имени Юсофей, и тот три дня не только титуловался шахом, но и пользовался неограниченной властью³⁷¹. Обращает внимание то, что шах посадил на престол инородца — точно так же и Иван Грозный посадил на трон Саин-Булата.

В целом можно сделать вывод о том, что реформы Ивана IV были направлены на преобразование России по образцу самой могущественной державы того времени, Османской империи. Проект Пересветова содержал лишь идею этих реформ, он был черновым наброском — возможно, одним из многих предложений в этом духе. Сама идея витала в воздухе достаточно давно, и первые шаги к ее воплощению были предприняты еще Иваном III. В реализации этой идеи принимали участие разные люди, в том числе Адашев и Сильвестр, дьяк Висковатый, Мария и Михаил Черкасские — и конечно, сам царь. Некоторые из этих людей знали о Турции гораздо больше, чем Иван Пересветов, и реформы вышли далеко за рамки первоначального проекта — они закончились введением опричнины. Разумеется, реформы не сводились к простому перениманию турецких порядков; в ходе их имели место инновации и отступления от образца, как было, к примеру, с измерением земель и выплатой помещикам дополнительного жалования. С другой стороны, некоторые преобразования натолкнулись на противодействие, прежде всего со стороны бояр, и остались незавершенными. В конечном счете реформы приняли характер сложного социального синтеза, порядки, заимствованные извне, синтезировались с местными порядками и трансформировались в новое социальное единство.

Реформы Ивана Грозного имели решающее значение для формирования социально-политической системы Московского царства, основными компонентами которой стали самодержавие, приказная бюрократия, полурегулярное стрелецкое войско и поместная система. Эти реформы означали *трансформацию структуры* — качественное изменение отношений между элементами структуры «государство — элита — народ». Это качественное изменение заключалось в ликвидации относительной самостоятельности старой знати, в полном подчинении элиты государству, в отягчении условий военной службы, в появлении новых подчиненных государству неэлитных военных формирований, в создании новых инструментов бюрократического управления и в масштабном перераспределении ресурсов элиты и народа в пользу государства.

Таким образом, имеются основания полагать, что реформы 1550-х годов и опричнина могут быть во многом объяснены совокупным дей-

ствием демографического и технического факторов. В этом гетерогенном процессе роль демографического фактора (в соответствии с демографически-структурной теорией) проявлялась, в частности, в столкновении государства и аристократии, в процессе фракционирования элиты и в борьбе аристократии и дворянства, в направленных против аристократии выступлениях городского населения, в тенденции к самодержавию и этатизму, в экономическом и финансовом кризисе, в росте цен, падении потребления и в постоянно повторяющемся голоде, на фоне которого происходила политическая борьба. Однако параллельно демографическому фактору и почти в том же направлении действовал технологический (диффузионный) фактор, и в некоторых процессах он даже играл более важную роль, чем фактор демографический. Наступление самодержавия, в частности, началось задолго до Сжатия и может получить более обстоятельное объяснение при изучении диффузионных процессов. Военная реформа также необъяснима в рамках демографически-структурной теории, но имеет логическое объяснение в рамках процессов военной революции и диффузии; такой же вывод можно сделать и в отношении налоговой реформы. Опричнина, хотя и была следствием общего конфликта между государством и аристократией, в своих конкретных формах может получить объяснение в рамках процесса османских заимствований.

5.11. ЭКОСОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Трансформация структуры «государство – элита – народ» в период правления Ивана Грозного привела к резкому усилению государственной и военной мощи России. Следствием этого усиления стало завоевание Поволжья, что в долговременной перспективе означало значительное расширение экологической ниши русского этноса. Однако создание вооруженной огнестрельным оружием армии было непростым делом: как отмечалось выше, Россия испытывала недостаток в меди и свинце, и кроме того, не хватало серы и селитры для пороха; было мало искусных мастеров, оружейников и литейщиков. Польша и Ливония противились приезду в Россию ремесленников из Западной Европы; когда посланный царем саксонец Шлитте нанял более ста ремесленников, он был схвачен и посажен в тюрьму³⁷². По существу, речь шла о технологической блокаде, о попытках соседей не допустить диффузии новой военной технологии в Россию. В 1553 году капитан Ричард Ченслер открыл морской путь в Россию вокруг Скандинавии, и Иван Грозный отправил с ним посла с заданием привезти

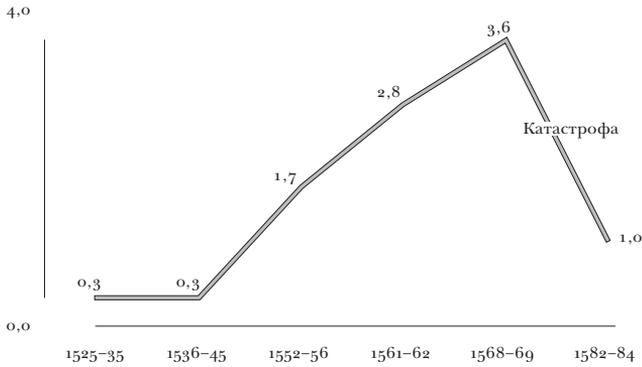

рис. 5.1. Динамика государственных повинностей в Бежецкой пятине (в пудах хлеба на душу населения)³⁷⁷.

из Англии ремесленников. Но дорога была трудна и опасна: на обратном пути Ченслер погиб³⁷³. Иван Грозный решил прорубить «окно в Европу»: в 1558 году русские войска овладели ливонским портом Нарвой и началась «нарвская торговля». Король Польши Сигизмунд Август писал английской королеве Елизавете, что «московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, привозятся не только произведения художеств, но и сами художники (т. е. ремесленники — *С. Н.*), посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству неизвестны силы этого врага и власть, которой он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли его побеждать только потому, что он был чужд образованности и не знал искусств, но если нарвская навигация будет продолжаться, то неизвестно, что будет»³⁷⁴. О том, насколько важна для России была нарвская торговля, говорит свидетельство Дж. Горсея, который пишет, что позже, когда шведы осадили Нарву, царю «недоставало пороха, свинца, селитры и серы, и он не знал, откуда их получить, так как Нарва была закрыта...»³⁷⁵. Невозможно было даже доставить письма английской королеве «ведь его владения были окружены и все проходы закрыты»³⁷⁶.

Таким образом, потребности «военной революции» заставляли Россию пробиваться к морю, и это привело к долгой Ливонской войне. С началом войны налоги увеличились, и к 1566 году они составляли 2,8 пуда зерна с души (см. рис. 5.1). Для того чтобы заплатить увеличившиеся налоги, крестьяне были вынуждены продавать больше

хлеба; это вызвало снижение цен в 1562–1568 годах, и еще более увеличилось тягостное обложение.

Война была тяжелой: события обернулись так, что России пришлось сражаться одновременно с ливонцами, Швецией, Литвой и Крымом. Опустошительные набеги крымских татар побудили царя принять решение о строительстве «Засечной черты» — более чем тысячекилометровой линии валов, рвов и засек. В наиболее опасных для прорыва местах сооружались бастионы, вооруженные артиллерией, — «Засечная чета» представляла собой грандиозное оборонительное сооружение, требовавшее огромных средств³⁷⁸. Необходимо было вводить новые военные налоги — и в 1566 году царь созвал собор, чтобы решить самый важный вопрос: нужно ли продолжать войну? На соборе присутствовали священники, бояре, выборные от дворян и посадских людей — но не было представителей крестьян, того сословия, которое несло основную тяжесть налогов. Перед началом заседаний представители сословий присягнули, что будут выполнять принятое «всем миром» решение; обсуждение было относительно свободным, и, в частности, дьяк Иван Висковатый записал особое мнение. Однако в конечном счете сословия практически единодушно высказались за продолжение войны и за введение налогов³⁷⁹. Это было роковое решение.

После собора 1566 года налоги были еще раз увеличены, теперь в пересчете на хлеб они составляли около 3,6 пудов на душу населения, в два раза больше, чем в начале 50-х годов. Ценой невероятных усилий были завоеваны Западная Белоруссия и почти вся Ливония — однако силы государства были перенапряжены.

Анализ влияния демографического и технологического факторов на развитие кризиса последней трети XVI века был выполнен автором совместно с известным американским историком Честером Данингом³⁸⁰. Этот анализ исходит из того, что в контексте демографически-структурной теории резкое увеличение налогов означает перераспределение ресурсов в пользу государства. Из теории известно, что перераспределение ресурсов в системе «государство — элита — народ» часто вызывает *структурный кризис*. Известно также и то, что в условиях Сжатия структурные кризисы обычно переходят в полномасштабные экосоциальные кризисы.

Здесь необходимо вернуться к ситуации, которая сложилась к середине XVI века на Новгородчине. Как отмечалось выше, Сжатие было неравномерным, и его очаг был расположен на Северо-Западе — там, где и без того скудные средства существования крестьян сокращались большими изъятиями ресурсов в пользу дворян и государ-

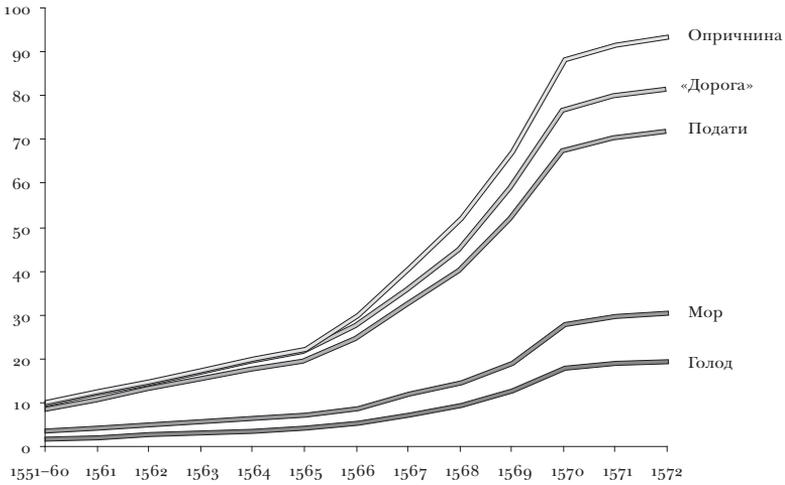

рис. 5.2. Процесс запустения Деревской пятины (в процентах к общему числу обез в 1500 году)³⁸¹. При «обыске» в 1573 году писцы указывали причины запустения обез, ухода или гибели хозяев: голод, мор, бегство от податей, от насилий войск, двигавшихся в Ливонию по проходившим по пятине дорогам. Часть обез запустела от вывоза крестьян в поместья опричников.

ства. Мы видели, что в некоторых пятинах Новгородчины потребление крестьян было ниже минимума в 15 пудов на душу населения, что крестьяне часто голодали и население пятин уменьшалось. Откуда крестьяне могли взять лишние 3–4 пуда на душу, чтобы заплатить увеличившиеся налоги? Изъятие необходимого для пропитания зерна должно было привести к голоду и к вспышке эпидемий. Имеющиеся данные действительно говорят о нарастании голода и эпидемий в Деревской пятине, начиная с 1560 года (см. рис. 5.2.)

Общее впечатление от этой картины — это постоянные голод и мор. Увеличение податей вызвало повальное бегство, но судьба бежавших остается неизвестной — многие, вероятно, погибли от голода на дорогах. График говорит о том, что голод и мор, разразившиеся по всей России в 1568–1571 годах, были подготовлены протекавшими ранее процессами. В Деревской пятине они означали лишь некоторое усиление голода и мора, которые свирепствовали здесь все 60-е годы.

В конце 60-х годов тревожные сообщения приходят и из других районов. Увеличение налогов должно было привести к сокращению крестьянских запасов, что в случае неурожая было чревато большим голодом. Здесь мы соприкасаемся с важным вопросом о влиянии случайных факторов, таких, как неурожай и эпидемии. Большие неурожаи случались на Руси в среднем каждые 6–7 лет³⁸², но они обычно не приводили к катастрофическому голоду, потому что, в силу давней традиции, крестьяне хранили запасы хлеба на случай неурожая. Запасы поддерживали устойчивость экономической системы, теперь же высокие налоги лишали крестьян возможности запастись хлебом, система становилась неустойчивой — и «случайные» факторы начали действовать.

В 1567/68 годах летописи отмечают неурожай и голод в центральных областях: «Глад был на Руси велик, купили в Москве четверть ржи в полтора рубля»³⁸³. Обычная цена ржи была 30–40 денег — стало быть, цены возросли в 8–10 раз! Следующий год снова был неурожайным: «Была меженина велика добре, на Москве, и в Твери и на Волоце ржи четверть купили по полутора рубля по шьтидесят алтын и людей много умерло с голоду»³⁸⁴. В 1569 году в вотчинах старицкого Успенского монастыря в Тверском уезде пустовала треть деревень, а в Кашинском и Старицком уездах — около половины³⁸⁵. В 1570 году следом за голодом пришла чума. В современной историографии считается, что большие эпидемии не приходят сами по себе, что они являются следствием хронического недоедания и падения сопротивляемости организма³⁸⁶. «Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни», — писала Е. И. Кольчева³⁸⁷. «Великий голод» продолжался и во время эпидемии. «Был тогда великий голод, — свидетельствует Г. Штаден, — из-за кусочка хлеба человек убивал человека...»³⁸⁸. Весной 1571 года монахи Троице-Сергиева монастыря жаловались, что в монастырских вотчинах «крестьяне от глада и от поветрия вымерли», «крестьян... у них во всей троецкой вотчине не осталось ни тридцатого жеребья»³⁸⁹.

В условиях жестоких войн ослабление одного из противников побуждает других к наступлению — и такой «случайный» фактор, как опустошительное нашествие врагов, тоже оказывается не случайным. Перебежчики поспешили донести крымскому хану о трагедии Руси³⁹⁰. Хан Девлет-Гирей решил воспользоваться тяжелым положением русских, объявил «священную войну» против России, собрал огромное войско и пошел походом на Москву. Мусульманские подданные царя Ивана сразу же перешли на сторону крымцев. Все По-

волжье было охвачено грандиозным восстанием. «Тогда поднялся народ из обоих царств и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел с собой великое множество русских пленников, не считая тех, кто были убиты насмерть», — писал Г. Штаден³⁹¹. В походе на Москву принимала участие Ногайская орда и черкесы во главе с тестем царя ханом Темрюком. Царица Мария Темрюковна к тому времени уже умерла, но брат Марии князь Михаил Черкасский командовал передовым полком русской армии. Мстя за измену отца, царь приказал убить Михаила; черкесы и татары исчезли из свиты царя — и вместе с ними исчезла опричнина. Царь запретил произносить это слово, корпус опричников был переформирован — но в действительности он сохранился под новым названием «двор»; сохранились и дворцовые земли³⁹².

Нашествие Девлет-Гирея было подобно батыевому нашествию. В мае 1571 года крымцы окружили в Москве русскую армию и сожгли осажденный город, в огне погибли сотни тысяч людей. Татары подвергли страшному разорению весь Московский уезд и уезды, лежавшие южнее столицы³⁹³. В следующем, 1572 году, 120-тысячная орда пошла на Русь устанавливать новое иго — ханские мурзы делили между собой города и улусы. Русь была обессилена голодом, чумой и страшным татарским разорением; Иван Грозный сумел собрать лишь 20-тысячную армию. 29 июля началась пятидневная битва при Молодях — это было решающая битва Руси и Степи. Русская армия использовала тактику янычар: заманивание конницы противника на укрепления, обороняемые стрельцами и артиллерией. Залпы русских пушек, стрелявших в упор, остановили татарскую конницу, и хан приказал степным джигитам атаковать укрепления в пешем строю. Во время последнего штурма, 2 августа, русская конница вышла из укреплений и ударила в тыл татарам, которые без своих коней не могли даже бежать с поля боя. Как сообщает летопись, погибло 100 тысяч татар, и мало кто вернулся в Крым³⁹⁴.

По своим геополитическим последствиям битва при Молодях стоит в одном ряду со знаменитым Чалдыранским сражением 1514 года. Это было столкновение двух военных технологий, старой кавалерийской технологии, которая обуславливала господство кочевников, и новой «пороховой» технологии, которой овладела земледельческая цивилизация. Это было столкновение двух культурных кругов, порожденных фундаментальными военными открытиями, созданием кавалерии и появлением артиллерии. В конечном счете победа при Молодях означала конец господства кочевников на Русской равнине, конец долгой череды нашествий пришедших с востока коче-

вых орд. Эта победа была достигнута благодаря военной реформе Ивана Грозного, благодаря созданию стрелецкого корпуса и «пушечного наряда» — в конечном счете благодаря трансформации русского общества по османскому образцу. В соответствии с диффузионистской теорией, использование нового оружия породило волну русских завоеваний — завоевание Поволжья, Урала, Сибири. Победа при Молодях отодвинула границу России на сотни километров к югу, и славяне вновь получили возможность распахивать черноземные степи — теперь уже под защитой вооруженных артиллерией крепостей.

Но победа обошлась дорогой ценой. После нашествия 1571 года, после голода и мора страна лежала в руинах. Каковы были масштабы этой катастрофы? Наиболее подробные данные по этому вопросу предоставляют новгородские материалы. В Деревской пятиине $\frac{1}{3}$ беж была заброшена из-за голода и мора — то есть хозяева погибли; остальные бежали от царевых податей и правей. В Водской пятиине запустело $\frac{3}{5}$ всех беж, но неизвестно, сколько крестьян погибло, а сколько ушло в другие места. В одной из волостей Бежецкой пятиины от мора и голода погибло 40% населения³⁹⁵. Для центральных областей статистических данных гораздо меньше; имеется, в частности, информация о запустении расположенных в различных уездах вотчин Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей. В опустошенном татарами Московском уезде в этих вотчинах было заброшено 90% пашни, в Суздальском уезде — 60%, в Муромском уезде — 36%, в Юрьев-Польском уезде — 18%³⁹⁶. Масштабы запустения были велики; часть крестьян погибла, но некоторые, вероятно, переселились в другие места. Однако массовое переселение во время эпидемии было невозможно: во избежание распространения болезни дороги были перекрыты заставами. Бежать на окраины не имело смысла: 1570-е годы были временем больших восстаний в Поволжье, а южные области в этот период трижды подвергались опустошению кочевниками³⁹⁷. Таким образом, крестьянам было некуда уходить, и приведенные выше цифры говорят об огромных масштабах гибели населения. В итоге можно предположить, что демографическая катастрофа привела к уменьшению численности населения примерно на 30–50%³⁹⁸.

Суммируя сказанное, необходимо отметить, что демографическую катастрофу 1568–1571 годов нельзя объяснить, исходя из одного демографического фактора. Демографический фактор обусловил перенаселение и нехватку земли в некоторых районах, ухудшающееся продовольственное положение, часто повторяющийся голод. На эту

классическую картину Сжатия наложились потребности военной революции и войны, которые обусловили резкое увеличение налогов. В результате изъятия хлебных запасов экономическая система потеряла устойчивость и стала чувствительной к действию случайных факторов, таких, как неурожай. Неурожай вызвал голод, а за голодом, как обычно бывает, последовала эпидемия. Внешние враги воспользовались ситуацией, чтобы довершить разорение Московии — и в результате произошла страшная демографическая катастрофа. Таким образом, мы снова сталкиваемся с совокупным действием нескольких факторов, причем те из них, которые можно считать главными (демографический и технический), открывают дорогу действию других, случайных факторов (неурожай, эпидемии и нашествия врагов).

Казалось бы, в противоречии с теорией демографическая катастрофа не сопровождалась теми явлениями, которые присутствуют в описаниях классического экосоциального кризиса: голодными бунтами, народными восстаниями и мятежами знати. Мощное государство сумело на время предотвратить политическую дестабилизацию. Однако оно не сумело предотвратить дестабилизацию экономическую, а это означало, что экосоциальный кризис будет продолжаться, что грозные события еще впереди.

Классический пример анализа экономических последствий демографической катастрофы был дан в свое время М. Постаном, изучавшим последствия «Черной Смерти» XIV века. Анализируя эти последствия, М. Поста́н следует неомальтузианской теории и подчеркивает следующие основные моменты. Убыль населения приводит к тому, что на смену прежней нехватке земли приходит ее избыток, появляется нехватка рабочей силы. Первым следствием нехватки рабочей силы является резкое возрастание реальной заработной платы (то есть платы, исчисленной в зерне). Вторым следствием является понижение ценности земли, то есть уменьшение земельной ренты, оброков и барщин. В Англии после «Черной Смерти» численность населения уменьшилась вдвое, а реальная заработная плата возросла в 2–2,5 раза³⁹⁹.

Соответствуют ли неомальтузианским представлениям последствия российской катастрофы 1568–1571 годов? Имел ли место рост реальной заработной платы, и наблюдалось ли уменьшение оброков? Ответ на этот вопрос имеет чрезвычайно большое значение в плане апробации неомальтузианского подхода на российском материале.

Анализируя данные о заработной плате наемных работников, нужно отметить, что информации о поденной плате имеется срав-

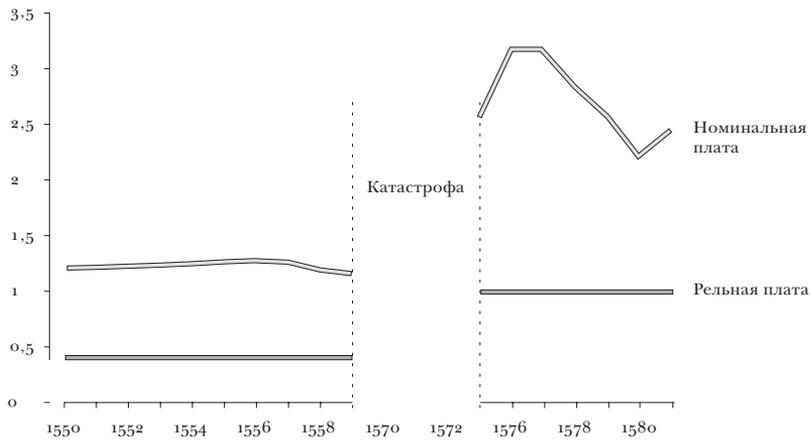

рис. 5.3. Размеры оброка и реальной заработной платы в Иосифо-Волоколамском монастыре⁴⁰⁰. Годовой размер оброка дан в рублях. Реальная плата исчисляется как количество ржи (в кг) которые мог купить работник на дневную плату плюс дневное продуктовое содержание (0,8 кг)⁴⁰¹.

нительно немного. Известно, например, что в 1576 году поденщики на вологодчине получали по 3 деньги в день, а четверть зерна стоила 23 деньги⁴⁰², таким образом, дневная плата составляла 9,3 кг хлеба. Как отмечалось выше, в 1568 году поденщик на Белоозере мог на дневную плату купить только 3,6 кг хлеба*. Хотя в данном примере реальная заработная плата возросла в 2,5 раза, трудно сделать вывод о статистической значимости таких единичных примеров.

Гораздо больше данных имеется об оплате монастырских работников («детенышей» или «казаков») нанимавшихся на год или на большие сроки. Рост оплаты монастырских работников в 1570-х годах отмечался многими исследователями — причем Б. Д. Греков еще в 20-х годах предполагал, что оплата выросла вследствие нехватки рабочей силы⁴⁰³. Однако обобщающих данных по этому вопросу в литературе не имеется, и нам пришлось провести конкретно-историческое

* Здесь и далее исчисление ведется в пудах «хлеба»: четверть ржи (4 пуда) плюс четверть овса (2,7 пуда) составляют «юфть» — 6,7 пуда «хлеба». Четверть овса обычно стоила в 2 раза дешевле, поэтому цена пуда «хлеба» составляла $\frac{9}{10}$ от цены пуда ржи.

исследование с использованием приходно-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря. В результате обработки данных о заработной плате нескольких сот «детенышей» выяснилось, что средняя реальная (а также и номинальная) заработная плата после катастрофы 1570–71 годов возросла примерно в 2,5 раза (рис. 5.3). Оплата квалифицированных работников, например, плотников, портных, возросла в 2 раза. Подобное увеличение оплаты имело место и в других церковных учреждениях. В Новгородском Софийском Доме оплата дворовых работников увеличилась в 1547–1577 годах с 60 до 120 денег; в Кирилло-Белозерском монастыре оброк дворовых слуг возрос в 1568–1581 годах с 42 до 126 денег, а оброк портных — с 90 до 200 денег⁴⁰⁴. М. Постан особо отмечает, что после «Великой Чумы» оплата чернорабочих увеличилась в большей степени, чем оплата квалифицированных рабочих⁴⁰⁵, — это явление мы отмечаем и в России.

Вторым признаком резкого сокращения численности населения является значительное уменьшение земельной ренты. После «Черной смерти» нехватка рабочей силы в Англии привела к тому, что крестьяне и батраки стали передвигаться по стране в поисках лучших условий. Они отказывались занимать освободившиеся после чумы обремененные барщиной тяглые «вилланские» наделы; землевладельцы были вынуждены сдавать эти земли в аренду по пониженным расценкам, и арендная плата упала на 20–30%⁴⁰⁶. Мы видим аналогичный процесс и в России, здесь наблюдается резкое сокращение величины тяглого надела и распространение аренды по пониженным оброчным ставкам. В первой половине XVI века размеры облагаемого налогами и зафиксированного в переписях тяглого надела крестьянина приближались к одной «выти», а аренды за оброк практически не существовало. Теперь же крестьяне отказываются брать полные тяглые наделы, эти наделы сокращаются до $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{6}$ «выти»; появилось множество безнадельных крестьян, «бобылей». Остальную необходимую им землю крестьяне арендовали у своего или у соседнего землевладельца; эта земля не указывалась в переписных книгах, и с нее не платили казенные налоги, а плата, полагавшаяся землевладельцу, была намного ниже, чем на тяглых землях. В результате после катастрофы 1568–1571 годов оброки на поместных землях упали примерно в 3 раза (с 10–12 пудов до 3–4 пудов на душу), на дворцовых землях — примерно в 2 раза⁴⁰⁷.

В некоторых случаях отмечалось не только уменьшение оброков в расчете на двор, но и уменьшение вытных ставок. Так, З. В. Дмитриева, сравнивая размеры ставок в 1559 и 1601 годах в различных вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря, пришла к выводу, что

они резко уменьшились в тех селах, где тяжело сказался кризис 1568–1571 годов, и почти не изменились в районах, не пострадавших от голода и мора⁴⁰⁸.

Уменьшение оброков для оброчных крестьян шло параллельно уменьшению барщины в барщинных хозяйствах. Известно, что в первой половине XVI века норма барщины составляла 1 десятину с «выти» в одном поле; в подавляющем большинстве известных случаев эта норма сохранялась вплоть до 90-х годов⁴⁰⁹. Но количество дворов на «выть» за это время возросло в 2–3 раза — то есть объем барщины в расчете на двор значительно сократился⁴¹⁰.

Таким образом, нормы оброка и барщины снизились, свободной земли было более чем достаточно, можно было выбирать лучшие участки. Напрашивается вывод о том, что крестьяне стали жить намного лучше — однако у нас нет массовых данных, которые бы позволили реконструировать бюджет крестьянского хозяйства⁴¹¹. Крестьяне скрывали свою безоброчную пашню и указывали в качестве тяглых наделов мизерные участки, поэтому размеры средней запашки известны лишь в редких случаях. В Прибужском погосте Старорусского уезда в 1580-х годах на крестьянский двор приходилось 3 десятины тяглой, 5 десятин арендной земли, и, вероятно, кое-что обрабатывалось безоброчно. В Бежецкой пятине известно много случаев, когда крестьяне безоброчно распахивали очень большие наделы⁴¹². Естественно предположить, что в сложившихся благоприятных условиях крестьяне пахали столько, сколько считали нужным — и, во всяком случае, не меньше, чем раньше. Г. Штаден свидетельствует, что в то время среди крестьян были богатые люди; известно также, что некоторые сельчане делали большие вклады в монастыри⁴¹³. О высоком уровне жизни крестьян говорит и высокая оплата монастырских батраков-«детенышей».

Таким образом, в период, последовавший за катастрофой 70-х годов, уровень эксплуатации крестьян не увеличился (как утверждают некоторые историки), а напротив, значительно уменьшился — в полном соответствии с неомальтузианской теорией. Это означало экономическую дестабилизацию, перераспределение ресурсов в пользу народа и в ущерб государству и элите. Начался тяжелый финансовый кризис государства, сопровождаемый кризисом элиты — характерные процессы, фиксируемые демографически-структурной теорией как признаки надвигающегося брейкдауна. Государству угрожал и старый конфликт, унаследованный от периода до катастрофы — затянувшееся противостояние между самодержавием и боярской аристократией.

С первого взгляда, мощное государство Ивана Грозного сумело справиться с тяжелым кризисом: крымские татары были разбиты, а внутри страны не было восстаний и мятежей. Однако в действительности демографическая катастрофа нанесла сильнейший удар по государственной системе России. Уменьшились не только подати, уплачиваемые землевладельцам; сокращение тяглых наделов привело к уменьшению крестьянских платежей в казну. Реальный размер податей, платимых с одного двора, сократился в 3–4 раза. В Новгородском уезде Шелонской пятины в 1573–1588 годах реальные платежи крестьянского двора уменьшились в 5 раз! Казна опустела; сборы с новгородских земель к 1576 году уменьшились вдвое, а к 1583 году в 12 раз⁴¹⁴!

Власти не сразу осознали всей тяжести бедствия, первое время они, как встарь, заставляли уцелевших крестьян платить подати за погибших и ушедших. К 1570–1571 годам относятся сведения о жестоких «правежах», которые творили хлебные «праветчики» и посланные им на подмогу опричники; иной раз крестьян забивали насмерть; их имущество продавали за долги. В 1571 году правительство опомнилось и послало в деревню писцов выяснять положение и править писцовые книги, снимать налоги с умерших. Но было уже поздно, жестокие «правежи» вынудили крестьян к бегству — и бегство приняло массовый характер. Многие уходили на земли монастырей — во время борьбы с боярами царь восстановил отмененные было налоговые привилегии монастырей, «тарханы»; теперь монастыри, в свою очередь, давали льготы крестьянам. В условиях катастрофической нехватки рабочей силы крестьяне могли диктовать землевладельцам свои условия, заставлять их уменьшать величину тяглого надела и сдавать землю под оброк. Так же, как в Англии, начался процесс интенсивного перемещения крестьян в поисках лучших мест⁴¹⁵.

Последствия катастрофы тяжело сказались на положении военного сословия. Дворянские поместья стояли пустыми, землю было некому обрабатывать; в Московском уезде обрабатывалось только 7% помещичьей пашни, в Коломенском уезде — 25%. В Деревской пятине в начале 80-х годов больше трети помещиков не имели ни пашни, ни крестьян⁴¹⁶. «А крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханами по льготе, — говорится в приговоре церковного собора 1584 года, — и оттого великая тощета воинским людям прииде»⁴¹⁷. Барская запашка сократилась до уровня, немногим превосходящего запашку крестьянского двора, а доходы помещика — до уровня крестьянских доходов. «В период хозяйственного кризиса... оставшиеся крестьяне почти полностью перестали пахать тяглую землю,

тем самым почти полностью лишив владельцев оброка», — отмечал Г. В. Абрамович⁴¹⁸. Не имея денег, помещик не мог купить кольчугу или саблю — но, несмотря на это, должен был идти воевать. «У тех, кто не объявлялся на смотр, отписывались именья, — свидетельствует Г. Штаден, — а его самого били публично на торгу или в лагере кнудом...»⁴¹⁹ Дворяне бросали свои опустевшие поместья и скрывались в бегах, московское войско уменьшилось более чем вдвое⁴²⁰.

Под угрозой лагерных «правежей» помещикам не оставалось ничего иного, кроме как увеличивать оброки и барщину немногих оставшихся у них крестьян. В прежние времена величина оброка фиксировалась в переписных книгах; именно это детальное перечисление оброков составляло основное содержание русских переписных книг. В «послушных грамотах», выдаваемых при испомещении, указывалось, что крестьяне должны платить оброки и нести барщину «по старине» — то есть так, как зафиксировано в прежних книгах. (Иногда, правда, встречались грамоты, позволявшие помещику «прибавить доходу», но так, чтобы не вызвать уход недовольных крестьян, чтобы поместье не запустело⁴²¹.) В немногих сохранившихся переписных книгах 60-х годов сохраняется перечисление оброков примерно в тех же размерах, что и прежде. Однако с конца 60-х годов меняется форма «послушных грамот»; грамоты теперь требуют, чтобы крестьяне давали помещику все, «чем вас изоброчит»⁴²². Таким образом, помещики получили право произвольно увеличивать оброки крестьян. «Служилые люди стали брать с бедных крестьян, которые были им даны, все, что те имели», — свидетельствуют И. Таубе и Э. Крузе⁴²³. В ответ крестьяне стали уходить от помещиков, не дожидаясь Юрьева дня и не платя «пожилого». Бывали случаи, когда при повышении оброка все крестьяне разом уходили из деревни помещика⁴²⁴.

Кризис продолжался, и некогда мощное московское войско быстро теряло боеспособность. По литовским сведениям, в 1580 году в Москве имел место собор, на котором «всей землей просили великого князя о мире, заявляя, что больше того с их сел не возьмешь, что против сильного государя трудно воевать, когда из-за опустошения их вотчин не имеешь на чем и с чем»⁴²⁵. «Обращения к материалам разрядных книг за 1578–1579 показывает, с каким трудом приходилось заставлять „оскудевших“ служилых людей выступать в походы, — отмечает В. И. Корецкий. — Ни угрозы битья кнудом, ни даже смертной казни уже не действовали»⁴²⁶. Правительство пыталось что-то предпринять: чтобы предотвратить уход крестьян с помещичьих на монастырские земли, были окончательно отменены все

налоговые привилегии монастырей; была запрещена любая передача земель служилых людей церкви, были введены новые чрезвычайные налоги. Была начата перепись, в районах ее проведения временно вводились «заповедные годы» — в эти годы крестьяне и горожане не должны были менять место жительства⁴²⁷. Все эти меры не могли спасти положение.

В начале 1582 года правительство признало свое бессилие, отказалось от завоеваний в Ливонии и подписало мир с Польшей. Два года спустя умер Иван Грозный, и на престол вззошел его сын Федор (1584–1598). Федор был «слаб умом» и практически неспособен к управлению; это означало резкое ослабление государственной власти в период, когда экономическая дестабилизация грозила перейти в политический кризис⁴²⁸.

Таким образом, произошедшее в соответствии с неомальтузианской теорией перераспределение ресурсов в пользу народа (и их сокращение в целом) привело к финансовому кризису государства, к расстройству военных сил и к частичной потере управляемости. Это перераспределение привело также и к кризису элиты, потерявшей большую часть своих доходов, и требовавшей от государства принять меры к их восстановлению. При этом сохранялся глубокий раскол элиты и конфронтация между аристократией и дворянством, с одной стороны, и аристократией и государством — с другой.

5.12. ПОЛЬСКИЙ ОБРАЗЕЦ

Наряду с экономическим бессилием было еще одно важное обстоятельство, обусловившее поражение России в Ливонской войне. Военная система России была перенята у Османской империи тогда, когда янычары и сипахи уже более столетия демонстрировали свою силу окружающим странам. Однако время не стоит на месте, и в середине XVI века в Европе было сделано новое военное открытие, позволившее европейцам остановить победное шествие османских армий. Этим новым *фундаментальным открытием* была тактика терций — тактика совместных действий мушкетеров и пикинеров. Около 1520 года испанский оружейник Мокетто из Веллетры создал мушкет, тяжелую аркебузу, пуля которой пробивала любые латы на расстоянии в сотню шагов. Постепенно в ходе так называемых итальянских войн между Испанией, Германией и Францией была создано новое построение войск, которое называлось у испанцев «терцией», а у немцев — «баталией», то есть батальоном. Терция представляла

собой квадратную колонну в 2–3 тысяч солдат, по периметру которой располагалось несколько шеренг мушкетеров, а внутри находились пикинеры. Когда терция приближалась к противнику, передняя шеренга делала залп и отходила вглубь терции, чтобы перезарядить мушкеты; затем этот маневр повторяли другие шеренги. После огневой подготовки вперед выходили пикинеры с 5-метровыми пиками, они действовали как македонская фаланга и мощным ударом таранили фронт противника. Пикинеры отражали также и атаки кавалерии противника, они выходили во внешние шеренги и превращали терцию в ошестинившуюся пиками неприступную крепость⁴²⁹. Все эти маневры требовали сложных перестроений на поле боя — поэтому новое искусство войны стало ремеслом наемников-профессионалов, главным образом немецких ландскнехтов.

Одновременно с тактикой пехоты изменилась и тактика кавалерии. Кавалерия, действовавшая раньше сплошной массой, теперь делилась на тактические единицы, роты, она научилась сражаться в строю и выполнять перестроения на поле боя. В этот период особенно славилась польская кавалерия, знаменитые польские «гусары». Русская дворянская конница не умела действовать в строю; француз капитан Маржерет описывает ее как «множество всадников на плохих лошадях, не знающих порядка, духа и дисциплины»⁴³⁰.

Состоявшая из стрельцов русская пехота (как и турецкие янычары) не имела пик и могла сражаться лишь под прикрытием полевых укреплений. Все эти роковые слабости проявились в 1578 году в битве под Венденом; русские укрепления были взяты штурмом, и все стрельцы (6 тысяч человек) полегли на поле боя. Как всегда, новые открытия в военном деле должны были вызвать волну завоеваний — и эта волна угрожала в первую очередь России.

В 1579 году новый король Польши Стефан Баторий уговорил польский сейм ввести чрезвычайный налог и создать наемную армию из немецких и венгерских ландскнехтов. Когда началось наступление Батория, оказалось, что у России нет войска, способного выйти навстречу польскому королю. Лишь гарнизоны крепостей оказывали сопротивление — и только небольшие русские отряды пытались прийти им на помощь. Зимой 1581 года летучий отряд польской конницы беспрепятственно дошел до Ржева и едва не захватил царя в его ставке⁴³¹.

Таким образом, соединенное польско-литовское королевство, Речь Посполитая, стало сильнейшим военным противником России, противником, угрожавшим ее существованию. В соответствии с диффузионистской теорией Польша превратилась в новый обра-

зец, с которого брали пример государственные деятели России, новый пример для подражания и копирования. Что же представляла собой Польша?

Польша была одной из немногих стран Европы, где правила дворянская элита. После мятежа шляхты в лагере под Нешавой в 1454 году король был вынужден утвердить так называемые «Нешавские статуты» — первую польскую конституцию. С этих пор дворянство собиралось на сеймы, выбирало королей и вотировало субсидии на ведение войны; если на сейме не достигалось согласия, то по «безнарядным» польским обычаям недовольная сторона могла поднять вооруженный мятеж. Дворянство свободно владело землями, могло их покупать и продавать, и это владение не было обусловлено службой. Все это составляло понятие польской «свободы», «золотой вольности». Обратной стороной шляхетской свободы было крестьянское рабство. Захватив власть, шляхта постепенно стала закрепощать крестьян. Крестьянский выход, ограниченный статутом 1496 года, был полностью запрещен только в 1540-х годах. Но затем закрепощение ускорилося: Польша вошла в орбиту Мирового Рынка и у польского побережья появились голландские корабли. Голландцы предлагали за хлеб всю роскошь Запада и Востока — и польские помещики не устояли перед искушением: они стали создавать хлебные плантации, фольварки, и с помощью плети заставили своих крестьян отбывать барщину. Барщина, поначалу составлявшая один день в неделю, перестала нормироваться в середине столетия и к концу столетия обычно составляла 3–4 дня в неделю с половинного надела. На исходе XVI века крестьян официально именовали рабами («холопами»), «сыновьями Хама». Холопы принадлежали пану; их продавали и покупали; они должны были исполнять все приказы пана, выходить на барщину и нести оброки, как скажет пан. Крестьяне подлежали суду пана, и приговор не мог быть обжалован; по приказу пана крестьянина могли сечь плетью до смерти. «Крестьяне — подданные своих господ, которые распоряжаются их жизнью и смертью», — писал папский нунций из Польши в 1565 году. «У них, без всякой с их стороны провинности, господа по своему произволу отбирают землю и все имущество и, как принято в некоторых поветах, продают их, как скот», — свидетельствует Ян Можевский. «Разгневанный помещик... не только разграбит все, что есть у бедняка, но и убьет его — когда захочет и как захочет», — говорил иезуит Петр Скарга⁴³².

«У нас в том свобода, — писал Симон Старовольский, — что всякому можно делать все, что захочется; от этого и выходит, что беднейший и слабейший делается невольником богатого и сильного, силь-

ный наносит слабому безнаказанно всякие несправедливости, какие ему вздумается. В Турции никакой паша не может того делать последнему мужику, иначе поплатится за то головой; у московитян думный господин и первейший боярин... не смеет оскорблять простого холопа... Только у нас в Польше вольно все делать... Азиатские деспоты за всю жизнь не замучат столько людей, сколько их замучат каждый год в свободной Речи Посполитой»⁴³³.

Россия была восточной страной, в которой «первейший боярин не смел оскорбить простого холопа». Однако поражение в Ливонской войне побуждало Россию к заимствованию порядков победоносного противника, Польши. Конечно, порабощение собственных крестьян ограничивало военные возможности Польши: шляхте приходилось нанимать немецких ландскнехтов. Но с другой стороны, крепостнические фольварки и вывоз хлеба давали деньги для найма пехоты, а научившееся сражаться в строю дворянство обеспечивало армию лучшей в Европе конницей. В итоге основными компонентами польского культурного круга были: гусарская конница, немецкие «баталии», фольварки, «золотая вольность» шляхты и крепостничество. Таким образом, внешний фактор — стремление к трансформации по образцу могущественного соседа — толкал Россию к введению крепостного права.

Была ли альтернатива такому развитию событий? Польское крепостное рабство было результатом «Великой Чумы» 1348 года, когда в Польше сложилось такое же положение, как в России в 1580-х годах: резкое уменьшение численности крестьян намного увеличило цену рабочей силы — и не будучи в состоянии платить крестьянам, дворянство обратило их в крепостных. Такая ситуация была и во многих странах Европы: крепостное право одержало победу в Венгрии, Каталонии, Пруссии, Ливонии, на датских островах. Но существовал и другой вариант социального развития. В Англии дворянство попыталось было закрепить безземельных крестьян (которые там составляли большинство населения) — но попытка закончилась неудачей. По статуту 1351 года, крестьяне-рабочие не должны были уходить из своей деревни, если в округе был наниматель, предлагавший им установленную статутом (прежнюю, существовавшую до Чумы) плату. Позднее был издан закон о сыске беглых, а также определены правила, по которым рабочий мог уходить из родных мест только с письменного разрешения властей. Д. М. Петрушевский прямо называет эти законы закрепощением⁴³⁴. Эта попытка привела к восстанию Уота Тайлера — и, хотя восстание было подавлено, оно не позволило дворянству осуществить закрепощение крестьян. По мнению не-

которых исследователей, причиной конечного успеха английского крестьянства было то, что крестьяне имели мощное оружие обороны — «Большой Лук», стрела которого пробивала рыцарские латы⁴³⁵. В итоге экономический процесс реализовался в полном соответствии с неомальтузианской теорией: уровень потребления крестьян увеличился, а уровень ренты упал, и английское дворянство было вынуждено увеличивать свои доходы другим способом. Далее, также в соответствии теорией, в условиях острого недостатка доходов элита стала фрагментироваться и распалась на группировки, которые вступили в борьбу за ресурсы между собой и с государством. В Англии начался долгий период междоусобных войн, известных как «Войны Алой и Белой розы».

Таким образом, были возможны два варианта развития: в «восточноевропейском» варианте дворянство ответило на падение своих доходов захватом власти и введением крепостного права, то есть радикальной *трансформацией структуры* «государство — элита — народ» и резким перераспределением ресурсов в свою пользу. В другом, «западноевропейском», варианте дворянство оказалось не в состоянии произвести трансформацию структуры и остановить мальтузианское развитие событий. В этом случае падение доходов дворянства привело к его расколу на группировки, которые начали междоусобную борьбу за ресурсы. Войны продолжались до тех пор, пока численность дворянства не уменьшилась, что позволило восстановить равновесие между численностью элиты и численностью населения. Оба эти варианта развития событий могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории. Выбор одного из двух вариантов развития определялся военно-техническим фактором, соотношением сил дворянской элиты и простого народа. В странах, где простонародье имело «Большой Лук» или стрелецкий «самопал», оно могло противопоставить политике закрепощения веские аргументы. Но там, где народ был безоружен, его ждала судьба крепостных или рабов.

5.13. ПРАВЛЕНИЕ ГОДУНОВА

Как показывает пример Англии, механизм кризиса, запущенный демографической катастрофой, работал довольно медленно: между «Черной Смертью» и восстанием Уота Тайлера прошло 33 года. В России демографической катастрофа и Смута были разделены таким же временным промежутком, как и в Англии; это было время социальной неустойчивости, когда государство и элита пытались сопротив-

ляться падению доходов путем увеличения налогов и постепенного введения крепостнических порядков.

С точки зрения демографически-структурной теории, в этот период на первый план вышла политическая борьба за перераспределение ресурсов. В России после смерти Ивана Грозного сложилась ситуация, в которой ослабевшая монархия подвергалась натиску с разных направлений. С одной стороны, аристократия пыталась взять реванш, вернуть свои огромные вотчины и свое положение в государственном аппарате. С другой стороны, обедневшее дворянство просило и требовало поддержки и перераспределения ресурсов в свою пользу; от решения этой проблемы напрямую зависела боеспособность войска, и путь к ее решению лежал через закрепощение крестьян. Наконец, государство само было заинтересовано в прикреплении крестьян к земле, чтобы обеспечить сбор налогов.

Первым конфликтом, прорвавшимся на поверхность после смерти грозного царя, был старый конфликт между государством и боярской аристократией. Боярская партия сразу подняла голову и начала атаку на ближайших сподвижников Ивана IV. Бояре добились ликвидации «дворовой охраны» — прежнего опричного корпуса, и теперь остатки опричнины сохранялись в виде «царской вотчины» (или «дворцовых земель») эта вотчина включала в себя 36 городов с прилежащими к ним волостями и по-прежнему имела особое управление⁴³⁶. Характерно, что боярская оппозиция опиралась на Польшу. Литовский канцлер Сапега писал, что знатные бояре — сторонники короля Батория. Один из знатных московских эмигрантов, Михаил Головин, говорил Баторию: «Где король не придет, тут все его будет, никто... против него руки не подымет»⁴³⁷. «Московской знати импонировали порядки Речи Посполитой, ограничивавшие королевскую власть в пользу магнатов», — пишет Р. С. Скрынников⁴³⁸. Бояре были не прочь установить подобные порядки и на Руси — это можно было сделать, передав престол польскому ставленнику (как произошло позже, во времена Смуты). Однако дело было не только в интересах бояр — военная сила Польши вызывала стремление к трансформации по европейскому образцу в различных слоях общества. Бориса Годунова позже также упрекали за покровительство «латинской ереси», за попытку выдать дочь за датского принца, за то, что иноземные лекари стали его политическими советчиками⁴³⁹.

К числу последних руководителей «двора», наследников политических традиций Грозного, относились бывшие опричники Богдан Бельский и Борис Годунов. Годунов был братом царицы Ирины, и с ее помощью ему удалось подчинить своему влиянию безвольно-

го царя Федора. Борьба с боярами носила ожесточенный характер, знать спровоцировала волнения в Москве, толпа пыталась взять приступом укрепленное подворье Годунова — однако штурм был отбит, и глава заговора князь Иван Шуйский был отправлен в ссылку. Победа бывшего опричника была обусловлена тем, что после казней Ивана Грозного бояре уже не обладали той силой, что прежде. Характерно, что Борис Годунов прямо обвинял бояр в связях с поляками: король Стефан Баторий собирался в новый поход на Москву, и один из вождей бояр, князь Андрей Шуйский, ездил на границу, чтобы договориться с поляками о совместных действиях⁴⁴⁰. Австрийский посол Николай Варкоч писал, что бояре «хотели тайно сговориться с Польшей и включить Россию в ее состав»⁴⁴¹. Таким образом, повторялась ситуация начала 60-х годов: сторонники самодержавия вступили в борьбу со знатью, опиравшейся на Польшу и стремившуюся к установлению польских порядков. По утверждению Р. С. Скрынникова, политика Годунова напоминала опричнину, знать подвергалась гонениям, были конфискованы уделы Симеона Тверского и Марии Старицкой⁴⁴². Исаак Масса называл правление Годунова «великой тайной тиранией» и говорил, что эта «тирания» «погубила все знатные роды»⁴⁴³. Капитан Маржерет говорил о Годунове, как об «одном из самых неограниченных государей на свете»⁴⁴⁴.

В итоге Годунову удалось временно отразить наступление сторонников трансформации по польскому образцу и утвердить незыблемость самодержавия. Царский шурин стал официально именоваться «правителем» России, он принимал послов, замещая на церемониях царя. Вместе с тем «правитель» счел необходимым пойти на определенные уступки. Персональный состав государева двора был пересмотрен и худородные опричники были вынуждены уступить первые места потомственной знати⁴⁴⁵. С укреплением власти «правителя» начались попытки восстановления государственной системы, разрушенной катастрофой 70-х годов.

Первые экономические мероприятия Бориса Годунова следовали линии, намеченной Иваном Грозным: требовалось восстановить финансовую систему государства и завершить перепись, начатую в 1581 году. К концу 1580-х годов правительству удалось наладить сбор налогов в соответствии с результатами новой переписи. К этому времени относятся первые надежные сведения о доходах и расходах государственного бюджета, представляющие интерес в плане демографически-структурного анализа и оценки реальной мощи русского государства того времени. Дж. Флетчер перечисляет доходы русского государства в 1588/89 году: подати с «сох» составляли 400 тыс. руб-

лей, доходы дворцового хозяйства 230 тыс. руб., но самую большую прибыль давали таможенные и судебные пошлины и кабаки — около 800 тыс. рублей⁴⁴⁶. В целом доходы составляли 1430 тысяч рублей, что при пересчете на рожь по средней цене 1580–90-х годов 44 деньги за четверть эквивалентно 26 млн. пудов. Если принять численность населения в этот период ориентировочно в 6 млн. человек (допуская его уменьшение за время кризиса с 9–10 до 6 млн.), то душевой налог с «сох» составит 1,2 пуда (что примерно согласуется с данными по Бежецкой пятине⁴⁴⁷), а общие государственные доходы в расчете на душу населения — 4,3 пуда. Налогообложение, было, конечно, много ниже, чем во времена Ивана Грозного, но все же выше, чем в эпоху ослабления государства в XVII веке: в 1680 году доходы на душу населения в пересчете на хлеб составляли 2,5 пуда, а прямые налоги с души — 0,7 пуда⁴⁴⁸.

Флетчер приводит также данные о численности московского войска: 80 тысяч всадников получали ежегодное жалование (в придачу к поместьям), причем 65 тысяч из них ежегодно выходили нести сторожевую службу на южной границе⁴⁴⁹. По сравнению с временами Василия III, когда службу на южной границе несли 20 тысяч всадников, количество конницы увеличилось в 3–4 раза. Можно предположить, что и численность дворян увеличилась в такой же пропорции, в то время как население страны после пережитой демографической катастрофы, по-видимому, не превосходило той численности, которая была при Василии III. Могло ли это население обеспечивать увеличившейся в 3–4 раза элите прежние доходы? Очевидно, не могло бы, даже если бы, закрепостив крестьян, помещики увеличили ренту до прежнего, или, скажем, вдвое более высокого уровня. *Таким образом, демографическая катастрофа нарушила равновесие между численностью элиты и численностью населения, и это равновесие могло быть восстановлено только уменьшением численности дворянства.* Как отмечалось выше, история Англии подсказывает, каким образом могло быть осуществлено такое уменьшение: это путь внутренних войн, когда дворянство распадается на враждебные группировки и воюет само с собой.

Таким образом, представляется сомнительным, что политика закрепощения могла кардинальным образом улучшить положение дворянства и спасти страну от междоусобной войны. Однако Годунов был обречен проводить эту политику: находясь в конфликте с аристократией, он, естественным образом, искал поддержки у дворянства⁴⁵⁰. Это проявилось уже при проведении переписи 1580-х годов. Прежде в переписных листах подробно расписывались все барщины и оброки, полагающиеся с крестьян помещику. В 80-х годах такая роспись

не делалась — таким образом, правительство утвердило тот порядок, который сложился после катастрофы, признало право помещиков увеличивать повинности по своему произволу. Кроме того, как отмечалось выше, одновременно с проведением переписи во многих районах временно объявлялись «заповедные лета» — крестьянам (и горожанам) запрещалось менять место жительства вплоть «до государева указа». В результате помещики при желании могли увеличивать оброки до прежнего, бывшего до катастрофы, уровня, и крестьяне не имели права уходить от них. Эти указы, по сути, были близки тем законам, которые приняло английское правительство после «Великой Чумы» — как отмечалось выше, парламент запретил крестьянам уходить из своих деревень и обязал их работать за прежнюю плату. Еще один указ освобождал от налогов усадебную пашню помещиков с тем, чтобы они могли беспрепятственно расширять свое барщинное хозяйство⁴⁵¹.

Перемена правительственной политики была сразу же замечена современниками. «Кроме податей... налагаемых царем, — писал Дж. Флетчер, — простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян... что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины, совершенно пустые, весь народ разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий»⁴⁵². Конечно, Дж. Флетчер прав лишь отчасти, народ разбежался не только от насилий — пользуясь нехваткой рабочей силы, многие крестьяне искали лучших условий в монастырских владениях или в южных районах. Последние десятилетия XVI века были наполнены борьбой между правительством, землевладельцами и крестьянами. Крестьяне (несмотря на «заповедные годы») пытались уйти туда, где им сократят тяглый надел и дадут возможность обрабатывать землю за малый оброк. Малоземельные помещики старались удержать, закрепить своих крестьян, увеличить их повинности и при этом платить поменьше налогов. Крупные землевладельцы (в том числе монастыри) переманивали к себе крестьян, сокращая их тяглые наделы. Это приводило к уменьшению учтенной пахотной площади («вытей»), и правительство отвечало увеличением налога на оставшиеся «выти»⁴⁵³.

Каков был результат этой борьбы? Прежде всего, очевидно, что до введения крепостного права крестьян было трудно удержать; они уходили на земли крупных владельцев и в южные области — в особенности из северных районов. В Бежецкой пятине в 1584–1594 году численность населения не только не увеличилась, но существенно уменьшилась. С другой стороны, население некоторых расположенных по соседству волостей Троице-Сергиева монастыря увеличилось втрое⁴⁵⁴. В Вологодском уезде в 1583–1590 годах пашня сократилась

вдвое, в Московском уезде в 1585 году обрабатывалось лишь $\frac{1}{8}$ часть посевных площадей⁴⁵⁵. Таким образом, первым результатом борьбы было усугубляющееся запустение северных и центральных районов — и быстрая колонизация Юга.

Выдавливаемые из родных мест налогами и помещичьим произволом крестьяне толпами уходили на юг и на юго-восток, на богатые земли Черноземья и Поволжья⁴⁵⁶. После 1584 года восстания в Поволжье, наконец, стихли; на время прекратились татарские набеги. *Победы Ивана Грозного в конце концов стали приносить плоды — обширные области на юге и юго-востоке стали доступны для земледельческой колонизации.* В 80-х годах в южные степи устремились массы переселенцев; они возводили крепости и распахивали вокруг них целинные земли. Население центральной России, писал Ю. Готье, «неудержимым потоком двинулось на черноземную новь, так легко и так богато в первое время вознаграждавшую земледельческий труд»⁴⁵⁷. В 1585 году были построены крепости Ливны, Елец, Воронеж, в 1586 году — Самара, в 1589 году — Царицын, в 1590 году — Саратов, Цивильск, Ядринск, в 1593 году — Оскол, Валуйки и, наконец, в 1599 году — Царев-Борисов. Мощная крепость Царев-Борисов обозначила новый южный рубеж Московского царства, она располагалась на сотни верст южнее старой границы. Темпы колонизации были таковы, что за 4 года (1585–1589) размеры пашни в Тульском уезде увеличились более чем в 2 раза; в Каширском уезде к 1589 году было распаханно уже $\frac{2}{3}$ всех земель, в Свияжском уезде — до $\frac{9}{10}$ ⁴⁵⁸.

На колонизируемых землях Юга обстановка была совсем иной, чем в центральных областях государства. Черноземная целина давала огромные урожаи — в три, в четыре, в пять раз больше, чем в Центре; земли было так много, что писцы не могли наладить учет. Зачастую крестьяне пахали землю «наездом», пахали, сколько хотели и меняли поля, как хотели. Поселенцы Юга жили зажиточно; в источниках встречаются упоминания о хозяйствах с 6 лошадьми, о многолетних запасах зерна, о сборах в одном хозяйстве 80, 100, 150 четвертей ржи (одному человеку на год хватало 4 четвертей). Татарские набеги заставляли крестьян быть одновременно и воинами. Крестьяне селились вокруг крепостей, и многие из них числились в гарнизонах как «служилые люди по прибору»: «казаки», «стрельцы», «сторожи», «ездоки». Эти воины отличались от дворян тем, что они были преимущественно пешими стрелками, вооруженными огнестрельным оружием, пищалями. Пищаль была «демократическим», сравнительно дешевым и не требующим длительного обучения оружием. Таким образом, появление пищалей в сочетании с условиями степной грани-

цы привело к появлению новой сословной группы, которую можно обобщенно называть «казаками»⁴⁵⁹.

Казаки получали от властей земельные оклады — в Орловском уезде 50 четвертей в одном поле, то есть 75 десятин. Особое положение казаков было характерно также и тем, что власти довольно часто переводили их в разряд детей боярских. Впрочем, дворяне южных областей почти не отличались своим положением от казаков, так, в Рязанском крае половина дворян имела поместья менее 60 десятин. Большинство из этих дворян не имело крестьян; они сами «раздирали» целину сохами и были столь бедны, что не имели доспехов, а иногда и боевых коней. Некоторые из них числились «пищальникам», и воевали, как казаки, в пешем строю. Не удивительно при этом, что южные дворяне были недовольны своим положением и часто жаловались властям. Особое недовольство вызывало то обстоятельство, что власти завели на Юге государеву «десятинную пашню», и, поскольку крестьян не хватало, то они заставляли работать на барщине казаков и детей боярских. Кроме того, дворянам приходилось принимать участие в широко развернувшемся в это время строительстве новых крепостей⁴⁶⁰.

Тяжелое положение южного дворянства было одной из причин того, что в будущей гражданской войне оно часто выступало против правительства вместе с казаками и крестьянами. Таким образом, в дополнение к старой вражде между дворянами и боярами, наметился раскол внутри дворянства: с одной стороны, основная часть местного дворянства поддерживала Годунова; с другой стороны, беднейшая часть дворянства была готова восстать против правительства — происходила предсказываемая демографически-структурной теорией *фрагментация элиты*.

5.14. ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ: ЗАКРЕПОЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Несмотря на введение «заповедных лет», крестьяне продолжали уходить из дворянских поместий, и остановить бегство могло лишь полное запрещение крестьянских переходов — то есть введение крепостного права. «Богатые землевладельцы большими льготами переманивали к себе крестьян мелких землевладельцев, помещиков, — писал С. М. Соловьев, — последние, лишаемые возможности обрабатывать свои земли, не могли нести обязанностей службы... последовало запрещение крестьянам переходить от одного землевладельца к друго-

му». Исходная причина этого явления, продолжает С. М. Соловьев, заключалась в недостатке рабочих рук⁴⁶¹. Таким образом, как отмечалось выше, закрепощение находит свое объяснение в рамках демографически-структурной теории. Необходимо отметить, что в контексте этой теории введение крепостного права означало *трансформацию структуры* — создание новых отношений внутри структуры «государство — элита — народ». Эта трансформация выражалась в том, что народ становился зависим от элиты, которая получала право устанавливать уровень ренты по своему произволу, независимо от экономических факторов.

В. И. Корецкий предпринял попытку доказать, что в 1592/93 годах был издан указ, запрещающий крестьянский выход и прикреплявший крестьян к земле и к землевладельцу на основании писцовых книг 80-х — начала 90-х годов⁴⁶². Р. Г. Скрынников, В. М. Панеях, Г. Н. Анпиловы полагают, что прикрепление крестьян было осуществлено постепенно на базе указов о «заповедных годах»⁴⁶³. Как бы то ни было, к 1597 году прикрепление стало юридическим фактом: в этом году был установлен 5-летний срок сыска беглых⁴⁶⁴. При царе Василии Шуйском, в 1607 году, Поместный приказ издал пространное Уложение о крестьянах, которому предшествует своего рода историческая справка. «При царе Иване Васильевиче... — утверждали приказные дьяки, — крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иванович по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьянам приказал, и у кого колико тогда крестьян было, книги учинил»⁴⁶⁵. В запрещении выхода была заинтересована основная масса дворян, мелкие помещики и вотчинники, у которых было мало крестьян, и которые поэтому были вынуждены обременять их высокими оброками. Бояре (так же, как магнаты в Польше и Венгрии) противились прикреплению крестьян, потому что имели возможность понижать оброки и переманивать пахарей из чужих имений. Таким образом, вопрос о крепостном праве стал еще одной линией конфронтации между боярами и дворянами. В конечном счете речь шла о борьбе за ресурсы и доходы, резко сократившиеся после катастрофы; в соответствии с демографически-структурной теорией эта борьба фрагментировала элиту, заставляла одни группы выступать против других и подталкивала страну к междоусобной войне.

Прикрепление крестьян к земле служило не только помещичьим интересам, но и фискальным интересам государства⁴⁶⁶. Однако если бы государственный интерес был преобладающим, то следовало бы ожидать, что государство, запрещая выход крестьян, ограничит их оброки в пользу помещика. Действительно, австрийский

агент Штиль свидетельствует, что Годунов имел такое намерение⁴⁶⁷, и в 1601 году по царскому указу в монастырях была введена единая норма барщины — но на помещичьих землях это ограничение не стало реальностью⁴⁶⁸.

Каков был результат введения крепостного права? Закрепощение дало землевладельцу возможность увеличивать ренту, и попытка такого рода имела место в Иосифо-Волоколамском монастыре. Увеличение барщины до 1,5 десятин на «выть» вызвало крестьянские волнения, и в конечном счете руководство монастыря было вынуждено вернуться к старым порядкам⁴⁶⁹. Однако наступление на крестьян продолжалось и принимало централизованные формы: в 1601–1603 годах во многих монастырях царскими указами барщина была установлена в 2 десятины с «выти». Таким образом, можно констатировать двойной рост вытных норм барщины на монастырских землях в первое десятилетие после закрепощения⁴⁷⁰. Отмечается также и уменьшение реальной оплаты монастырских работников: хотя номинально она составляла, как и раньше, 1 рубль в год⁴⁷¹, с учетом роста цен плата упала примерно в полтора раза — до 2,1 кг хлеба в день.

Однако остается самый важный вопрос: как изменилась жизнь помещичьих крестьян? Ответ на него трудно из-за недостатка материалов в источниках. Однако некоторые выводы вполне очевидны. Во-первых, дворяне добились своей главной цели, запрещения крестьянских переходов. «К началу XVI века, судя по материалам приказного делопроизводства, крепостной порядок действовал безотказно», — пишет В. И. Корецкий⁴⁷². Указ о закрепощении запрещал выход хозяев-дворовладельцев и не касался их сыновей и младших братьев — однако помещики не считались с этим обстоятельством. Крестьян, пытавшихся уйти от помещика, заковывали в «железа», захватывали их имущество, их жен и детей. Закрепощение сразу же привело к помещичьему произволу и жестокому насилию над крестьянами. Уже в 1590-х годах отмечались факты замаскированной купли-продажи крестьян⁴⁷³. Очевидно, положение в разных поместьях было неодинаковым, многое зависело от личности помещика. Однако факт заключался в том, что крепостное право позволило помещикам увеличивать повинности и оброки крестьян. Достаточно одного примера, чтобы показать, какими могли быть эти повинности. В трех деревнях ничем не примечательного помещика Степана Рахманова на новгородчине в 1599 году имелось 13 крестьянских дворов и 2 «выти» тяглой земли. Крестьяне в этом поместье несли барщину и платили 860 денег оброка с «выти»; если же они хотели откупиться

от барщины, то оброк увеличивался вдвое, до 1730 денег⁴⁷⁴. При пересчете на хлеб получается примерно 20 пудов на двор; это в два раза больше, чем в дворцовых и монастырских владениях. Таким образом, введение крепостного права нарушило стабилизирующий механизм рынка рабочей силы и дало возможность дворянам увеличить ренту в два — три раза.

Закрепостив крестьян, Борис Годунов заслужил поддержку дворянства — и у него было несколько лет, чтобы реализовать эту поддержку. В 1598 году, не оставив наследника, умер царь Федор Иванович. Пресечение династии означало тяжелый кризис самодержавия, падение авторитета царской власти — ведь кто бы ни стал новым царем, он не мог опереться на авторитет самодержавных предков. Впервые в истории Московского царства был поставлен вопрос об избрании нового царя Земским собором. Именитые бояре, естественно, противились коронации худородного Бориса Годунова — тогда Годунов обратился за помощью к дворянству. Под предлогом якобы ожидавшегося татарского набега под Серпуховом было собрано всеобщее дворянское ополчение. Годунов использовал характерные приемы польских выборных сеймов — в частности, он посылал справить о «здоровье» дворян, устраивал для них грандиозные пиршества и раздавал им деньги. После окончания серпуховского смотра «выборные» из провинциальных городов вместе с московскими дворянами проследовали за Годуновым в Москву — и Борис был избран на царство Земским собором⁴⁷⁵.

Новый царь был избран по польскому образцу и стремился подражать польским порядкам. Борис ввел обычай брадобрития при дворе, позволял стоять лютеранские церкви; он любил общество иноземных медиков и советовался с ними в политических делах. Царь послал 30 юношей из знатных родов для обучения за границу, пытался выдать свою дочь за датского принца, и, не доверяя русским, сформировал из наемных немцев отряд телохранителей. Это были первые признаки смены культурной ориентации России с Востока на Запад — они были вызваны военным превосходством Запада, столь ярко проявившемся в Ливонской войне⁴⁷⁶.

Таким образом, наследовавший Грозному бывший опричник Годунов, отразив наступление пропольски настроенного боярства, в 1590-х годах был вынужден перейти к политике перенимания польских порядков. Земские соборы, выборы царя и введение крепостного права явственно указывают на начавшуюся трансформацию России по польскому образцу. Однако эта трансформация быстро привела к катастрофе.

5.15. ГОЛОД 1601–1603 ГОДОВ

В контексте демографически-структурной теории введение крепостного права привело к перераспределению ресурсов в пользу дворянства и государства и к уменьшению ресурсов народа — то есть к сокращению экологической ниши. С точки зрения теории, создававшаяся ситуация была аналогична ситуации 1560-х годов — только тогда средства существования у народа отнимало государство, а теперь это делали дворяне с позволения государства. Разница состояла в том, что в 1560-х годах общество находилось в состоянии Сжатия, и у крестьян было мало земли; они не могли предоставить государству требуемые у них ресурсы. Теперь же, после катастрофы, земли было достаточно и крестьяне в принципе могли увеличить запашку, чтобы удовлетворить разумные требования помещиков. Но были ли эти требования разумными? Мелкие помещики имели лишь несколько крестьянских дворов, и тем не менее им нужно было каждый год снаряжаться в поход. Степан Рахманов был по тем временам богатым помещиком, у него было 13 крестьянских дворов. В Тульском уезде средний помещик имел 4 двора⁴⁷⁷ — что оставалось делать этому нищему воину? Мелкие и средние помещики были вынуждены отнимать у крестьян весь прибавочный продукт, не оставляя им никаких запасов. В случае большого неурожая такое положение было чревато страшным голодом — а ведь большой неурожай случался на Руси каждые 6–7 лет.

Лето 1601 года выдалось холодным и сырым, уже в начале сентября выпал снег, и крестьяне смогли собрать лишь малую часть урожая — а то, что собрали, — это была «зяблая», недозревшая и помороженная рожь. В прежние времена, когда у крестьян были запасы хлеба, один неурожай не смог бы вызвать голод. Теперь же сразу начались большие волнения, и под впечатлением этих волнений уже в ноябре 1601 года правительство издало указ о крестьянском выходе. Указ разрешал крестьянам уходить от бесхлебных провинциальных дворян, но не позволял уходить из монастырей, из дворцовых имений и от богатых московских дворян. Адрес грядущей беды был обозначен очень точно: правительство понимало, что крестьяне мелких провинциальных помещиков не имеют запасов, что им грозит голод. Голод еще не начался — но царь понимал, что грядущий голод будет следствием политики закрепощения. Годунов пытался спасти крестьян, отменив (хотя бы на время) крепостное право, разрешив им уходить от своих хозяев⁴⁷⁸. Дело в том, что в стране был хлеб: во-первых, неурожай был не повсеместным; к примеру, на Вологодчине в тот год урожайность ржи была сам-3,6, почти как обычно⁴⁷⁹. Во-вторых,

сохранение запасов хлеба на случай голода было давней традицией, поэтому у помещиков побогаче, у монастырей, у некоторых крестьян были многолетние запасы хлеба. В Иосифо-Волоколамском монастыре были запасы хлеба на 3 года, в Кирилло-Белозерском монастыре — на шесть лет⁴⁸⁰. «Запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года... — свидетельствует Исаак Масса, — у знатных господ, а также в монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его... Многие богатые крестьяне, у которых были большие запасы хлеба, зарыли его в ямы и не осмеливались продавать...»⁴⁸¹ «Царь снарядил розыск по всей стране, не найдется ли запасов хлеба, — пишет Конрад Буссов, — и тогда обнаружили несказанно много скирд зерна в 100 и больше сажень длиной, которые 50 и больше лет простояли не вымолоченные в полях, так что сквозь них росли деревья»⁴⁸². Авраамий Палицын говорит, что и после голода в полях стояли старые скирды хлеба⁴⁸³.

Таким образом, при всех своих масштабах, голод имел избирательный характер — он поразил в первую очередь крепостных, принадлежавших мелким провинциальным помещикам, у которых их хозяева отнимали весь прибавочный продукт, и которые поэтому не имели запасов зерна.

Годунов обращался с призывами к владельцам хлеба, требовал, чтобы хлеб продавали по более дешевой цене, но царь не мог настоять на выполнении своих распоряжений⁴⁸⁴. Богатые помещики ожидали дальнейшего повышения цен, а бедные помещики, в свою очередь, не отпускали своих крестьян. «Те дети боярские отказчиков бьют и в железа куют», — свидетельствует один их документов того времени⁴⁸⁵. Указ 1602 года, подтверждавший право выхода, признавал, что дети боярские силой держат за собой крестьян⁴⁸⁶. Голодная смерть крестьянина была выгоднее для помещика, нежели его уход со всей семьей и имуществом. Холопов прогоняли со двора, чтобы они не просили хлеба, но при этом не давали им вольной — чтобы потом, если холоп выживет, предъявить на него свои права⁴⁸⁷.

Повышение цен началось сразу же после неурожая, весной 1601 года четверть ржи в центральных районах стоила 30–32 деньги, а осенью — 60–70 денег. В феврале 1602 года цена достигла одного рубля (то есть 200 денег)⁴⁸⁸. Весной неожиданно грянувший мороз погубил посевы озимых — нужно было пересевать поля. Но у многих крестьян не оказалось запасов семенного зерна, и пересев производился «зяблыми семенами». Минимальный посевной запас семян старых урожаев мог бы спасти крестьян — теперь же наступила ка-

тастрофа. «Зяблые семена» не взошли, разразился страшный голод. Осенью 1602 года цена ржи достигла 3 рублей за четверть, и у многих крестьян попросту не было зерна для посева озимых. В 1603 году погода была хорошая — но поля стояли пустыми, и голод продолжался⁴⁸⁹. Таким образом, катастрофа не была следствием «трехлетних проливных дождей», как полагают некоторые авторы — в действительности дожди шли лишь один год и вызвали один неурожай (1601 года). Но поскольку у закрепощенных крестьян не было минимальных хлебных запасов, то *один* неурожай породил страшный *трехлетний* голод. Причина катастрофы была не только в погодных условиях; катастрофа была в значительной степени следствием введения крепостного права.

Р. Г. Скрынников и Р. Крами объясняют голод 1601–1603 годов глобальными климатическими изменениями: похолоданием XVI века, пик которого пришелся на 1591–1620 годы⁴⁹⁰. Действительно, средняя летняя температура уменьшилась на протяжении столетия на 0,8 градуса. Однако, как отмечалось выше, изменение температуры практически не коррелирует с частотой больших неурожаев. В частности, используя те же материалы, которые использовал Р. Г. Скрынников, можно указать на то обстоятельство, что значительное похолодание отмечалось также в 1526–1530 и в 1639–1643 годах, но в это время не отмечалось неурожаев и голода⁴⁹¹. Р. Крами, склонный объяснять всю динамику населения в XVI–XVII веках влиянием неурожаев и эпидемий, в то же время вынужден признать, что эти факторы не влияли на устойчивый рост населения в XVII веке (после Смуты) ⁴⁹².

«В то время, по воле божией, по всей московской земле наступила такая дороговизна и голод, что подобного не приходилось описывать ни одному историку... — свидетельствует Исаак Масса. — Так что даже матери ели своих детей... ели также мякину, кошек и собак... И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирали волки и лисицы...»⁴⁹³ Борис Годунов распорядился выдавать в Москве милостыню голодающим, это вызвало приток в столицу населения из окрестных областей. Ресурсы казны вскоре иссякли, и, не получив помощи, голодающие умирали на улицах столицы. Авраамий Палицын сообщает, что в Москве в трех скудельницах было похоронено 127 тысяч погибших от голода⁴⁹⁴. Один из свидетелей голода писал, что «вымерла треть царства Московского голодной смертью»⁴⁹⁵.

Голодающие не имели иных средств к существованию, кроме разбоя, они собирались в отряды, нападали на дома богатых крестьян и на помещицьи усадьбы. «...Из-за ужасной дороговизны и голода начались столь страшные, бесчеловечные и в некоторых местностях

никогда неслыханные убийства», — свидетельствует К. Буссов⁴⁹⁶. Поэтому крестьяне, имевшие излишки хлеба, предпочитали прятать зерно в ямы, и даже в Москве хлеб на рынок, опасаясь нападений, вывозили тайком. С осени 1602 года «разбоями» были охвачены многие районы страны, сохранились сведения о посылке карательных отрядов во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев, Коломну⁴⁹⁷. Летопись говорит, что царь Борис не мог справиться с «разбойниками»: «посылаша многожда на них и ничево им не можаху сотворити»⁴⁹⁸. «И бысть велие насилие, — писал очевидец событий, — много богатых домов грабили и разбивали и зажигали...»⁴⁹⁹ Многие исследователи считают это стихийное повстанческое движение первой вспышкой начинавшейся гражданской войны⁵⁰⁰.

Таким образом, демографическая катастрофа 1601–1603 годов находит следующее объяснение в рамках демографически-структурной теории. Кризис 1568–1571 годов привел к резкому уменьшению численности крестьянства, что в соответствии с неомальгузианской концепцией обусловило резкое уменьшение ренты и налогов и перераспределение ресурсов в пользу крестьянства и в ущерб государству и элите. Под давлением элиты государство осуществило закрепощение крестьян; это позволило помещикам увеличивать ренту по своему произволу. Мелкие помещики, вынуждаемые необходимостью ежегодно снаряжаться на войну, стали отнимать у своих крестьян весь прибавочный продукт, не оставляя запасов на случай голода. Поэтому неурожай 1601 года вызвал страшный голод, который в первую очередь поразил помещичьих крестьян. В итоге можно утверждать, что катастрофа 1601–1603 года и последовавшая за ней гражданская война в конечном счете были следствием кризиса 1568–1571 годов.

5.16. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Во время голода 1601–1603 годов массы голодающих искали спасения на хлебном Юге⁵⁰¹. На южных окраинах крестьяне имели большие запасы зерна, и местное население не знало голода. Наплыв беженцев вызвал и здесь повышение цен; в 1603 году четверть ржи стоила в Курске 150–180 денег, но все же эта цена была в 3–4 раза меньше, чем в Москве⁵⁰². Юг был переполнен беженцами, которые ушли от своих помещиков без уплаты «пожилого» — то есть считались беглецами и по закону подлежали возвращению своим хозяевам. В 1603 году царь Борис отменил свободный выход, который продолжался два года, и следовало ждать, что скоро начнется сыск бег-

лых. На юг уходили и разбитые под Москвой отряды повстанцев⁵⁰³, здесь скопилась масса горючего материала — и вскоре здесь последовала новая вспышка гражданской войны.

Вождем нового восстания стал самозванец, называвший себя царевичем Дмитрием, сыном Ивана Грозного. Самозванца поддерживали некоторые польские магнаты, предоставившие ему отряд наемников — но характерно, что царь Борис обвинил в поставлении самозванца не поляков, а своих врагов из боярской партии⁵⁰⁴. Для простого народа имя Дмитрия ассоциировалось с крестьянской свободой времен Ивана Грозного — поэтому жители южной «украины» осенью 1604 года с восторгом приветствовали появление самозванца. Литовский гетман Ян Сапега писал, что русские создали ореол вокруг имени претендента из ненависти к Борису Годунову и из чувства преданности старой династии⁵⁰⁵. По свидетельству летописи, беглые крестьяне «пошли к самозванцу отчасти и неволей, не имея пристанища нигде»⁵⁰⁶. Однако основную силу повстанцев составляло местное население, «украинные» крестьяне и казаки. В ряды восставших их толкал не голод и не отчаянное положение беженцев, у них были свои счета с Годуновым. Еще недавно эти крестьяне были зажиточными свободными людьми — а Годунов отдал их в «крепость» помещикам, теперь они подвергались постоянным грабегам и побоям со стороны своих новых «хозяев». Приграничных казаков и стрельцов заставляли отбывать изнурительную барщину на «государевой пашне» — а между тем эти люди несли сторожевую службу и привыкли держать в руках оружие. Так же, как английские крестьяне во времена Уота Тайлера, они могли постоять за себя.

Однако и дворянство южных областей тоже принимало участие в восстании: как отмечалось выше, это были преимущественно бедные дворяне, не имевшие крестьян, обремененные повинностями и испытывавшие далеко не дружественные чувства к московским властям. В соответствии с демографически-структурной теорией борьба за сократившиеся ресурсы фрагментировала элиту и побуждала одни ее группы выступать против других. Для обнищавших воинов-дворян любая смута давала возможность поправить свои дела за счет грабежа; при этом им было выгодно поверить, что претендент, называвший себя Дмитрием, так хорошо игравший свою роль и так много им обещавший, — действительно царский сын⁵⁰⁷.

Лжедмитрий обещал «живущим во градех и селех от большого чину до малого великую свою милость показать: оным величество и славу, оным богатство и честь, иным вольность и во всех винах пощада»⁵⁰⁸. Таким образом, самозванец с самого начала обещал «вольность» кре-

стьянам, и крестьяне толпами вливались в его армию⁵⁰⁹. В ответ царь послал войска, которые чинили жестокие расправы над крестьянами: «Они так разорили Комарицкую волость, что в ней не осталось ни кола, ни двора... они вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин, обесчестив, сажали на раскаленные сковороды...» — свидетельствует Исаак Масса⁵¹⁰. Однако при известии о внезапной смерти Бориса Годунова часть царской армии перешла на сторону самозванца, и в июне 1605 года при поддержке восставшего народа Лжедмитрий вступил в Москву. Новый царь объявил свое желание править по справедливости и обещал, что будет дважды в неделю лично принимать челобитные. Как при Иване IV, символом восстановления справедливости стал новый Судебник; этот Судебник возвращал крестьянам право перехода в Юрьев день⁵¹¹. Таким образом, новый царь продолжал традиции Ивана Грозного, и его правление означало возврат к порядкам, существовавшим до Годунова.

Ко времени появления «Дмитрия» голод уже закончился, 1604 год принес богатый урожай. Экономическое положение вновь стало благоприятным. Уменьшение численности населения усугубило проблему нехватки рабочей силы, и это отразилось в повышении заработной платы. Оплата дворовых слуг в монастырях возросла по сравнению с временами до голода в полтора раза⁵¹². Цена на рожь в 1606 году составляла 32 деньги за четверть, то есть была примерно той же, что и до голода⁵¹³. Таким образом, можно предполагать, что реальная заработная плата возросла после катастрофы в полтора раза. Как отмечалось выше, после голода и чумы 1570–71 годов реальная плата возросла в 2,5 раза.

Лжедмитрий старался продолжать политику своего «отца», но, с другой стороны, на его поведении сказывалось длительное пребывание в Польше. Царь выказывал свое пристрастие к польским порядкам, окружил себя польской и немецкой охраной, смеялся над московскими обычаями и предлагал боярам поехать учиться за границу⁵¹⁴. Более всего возмущало москвичей желание Лжедмитрия жениться на «неверной» католичке, польке Марии Мнишек. Это пренебрежение русскими традициями вызвало традиционалистскую реакцию, стали распространяться слухи, что царь — самозванец, поляк и католик; в мае 1606 года подстрекательство бояр вызвало восстание москвичей, и Лжедмитрий был убит.

После смерти Лжедмитрия Земский Собор избрал в цари Василия Шуйского, самого знатного из бояр, род которого восходил к Рюрику. Однако южные области не признали власть Шуйского, здесь считали, что «царь Дмитрий Иванович» спасся и находится в Поль-

ше. Присланный «царем» воевода Болотников собрал на Юге войско и двинулся на Москву, в октябре повстанческая армия начала осаду столицы. Гражданская война принимала ожесточенный характер, повстанцы убивали дворян не только в сражениях, но и в поместьях, захватывали их имущество, уничтожали крепостническую документацию⁵¹⁵. «Идем вси и приимем Москву, — говорили повстанцы, — и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим дома вельмож сильных, и благородные жены их и тщери приимем о жены себе»⁵¹⁶. Почти все население Юга двинулось с Болотниковым на Москву. «И изыдоша множество народу с ним, — свидетельствует современник, — ине останася во странах тех, ни в градах, ни в селех, никто же, но токмо женский пол остана»⁵¹⁷. Крестьяне не только Юга, но и многих других областей отказывались платить казенные налоги и оброки помещикам, многие уходили к Болотникову. Василий Шуйский, со своей стороны, делал все, чтобы собрать под свои знамена дворянство. Рискуя окончательно развалить поместную систему, царь стал раздавать не поместья, а вотчины — он даровал вотчины двум тысячам дворян⁵¹⁸. В марте 1607 года царь утвердил новое Уложение, в котором отказался признавать законность каких-либо переходов и пообещал дворянам вернуть всех крестьян бежавших или ушедших с 1592 года⁵¹⁹. В Уложении прямо говорится о том, что именно запрет крестьянского выхода стал причиной «великих распрь», которые и «ныне чинятся»⁵²⁰.

Власть пыталась внести раскол в среду восставших, отделить дворян от крестьян — и ей это отчасти удалось: дворяне из войска Болотникова перешли на сторону правительства. Дворянскому ополчению удалось одержать победу над крестьянским войском Болотникова, но летом 1608 года к Москве подошла новая повстанческая армия во главе с воскресшим «царем Дмитрием Ивановичем» (Лже-дмитрием II). «Дмитрий приказал объявить повсюду... — свидетельствует К. Буссов, — чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами...»⁵²¹ Множество простых крестьян влилось в ряды казаков, они выбирали своих атаманов и устанавливали в городах свою власть⁵²².

Во время войны казаки создали, по-видимому, по польскому образцу систему сбора кормов с местного населения (так называемую систему приставств). Таким образом, они пытались играть роль нового, противостоящего дворянству, военного сословия, к тому же опирающегося на новую военную технику — в отличие от рыцарей-дворян ка-

заки были пехотинцами-пищальниками. Как отмечает В. Э. Лебедев, именно эти претензии казачества вызвали жестокую борьбу между казачеством и дворянством⁵²³, хотя, конечно, большую роль играло и стремление дворян прекратить уход крепостных в казаки. О социальном составе повстанцев на позднем этапе гражданской войны можно судить по документам о 94 плененных, захваченных после разгрома в 1615 году одного из последних казачьих отрядов. Среди этих плененных 12% были дворянами, 7% — настоящими городскими казаками и стрельцами, 24% составляли «показавшиеся» крестьяне и 35% — «показавшиеся» холопы⁵²⁴.

Наряду с казаками, крестьянами и служилыми людьми в армии Лжедмитрия II были отряды польских магнатов, которые желали воспользоваться смутой в своих целях. Гражданская война открыла дорогу польской интервенции, осенью 1609 года Сигизмунд III осадил Смоленск, польские войска двигались к Москве. Война еще раз подтвердила превосходство новой европейской военной технологии, польские гусары и наемные немецкие ландскнехты без труда одерживали победы над русской дворянской конницей. Находясь в отчаянном положении, правительство Шуйского предприняло поспешную попытку военной модернизации по польско-немецкому образцу, попытку создания наемной армии европейского типа. В 1607 году была переведена с немецкого «Военная книга», содержащая рассказ об организации и тактике европейских армий. С помощью шведских союзников в Новгороде обучались «иноземному строю» несколько тысяч русских солдат⁵²⁵. Было нанято 8 тысяч немецких и шведских ландскнехтов — но летом 1610 года в битве при Клушине наемники изменили русскому царю. После этого разгрома группа московских дворян, сторонников «царя Дмитрия» свергла с престола Василия Шуйского. Однако бояре предпочли власть поляков власти «царя Дмитрия»: «Лучше убо государичу (королевичу) служить, — говорили они, — нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучиться»⁵²⁶. Москва присягнула польскому королевичу Владиславу, польский гарнизон вступил в Кремль.

Присяга Владиславу означала, что трансформация по польскому образцу принимает полномасштабный характер. Владислав должен был править в соответствии с конституционным договором, по которому суд и установление новых податей были делом Боярской думы, а законы утверждались Земским собором. В договоре утверждалась нерушимость крепостного права. Уступкой прежним традициям было обещание Владислава принять православие и подтверждение запрета на выезд москвитян за границу⁵²⁷.

Таким образом, Россия перенимала основные компоненты польской государственности — правление выборных королей, власть которых ограничена Сенатом и сеймом, она выбирала «свободу» для дворянства и крепостное рабство для крестьян. Однако при этом Москва пыталась сохранить стержень национальной традиции — православие, она настаивала на неприкосновенности церкви и «крещении» Владислава. Поляки не выполнили это условие, Владислав отказался сменить религию, польские солдаты пренебрежительно относились к русскому духовенству. Вскоре началось разорение церквей, наемники грабили соборы Кремля, сдирали оклады с икон и покровы с великокняжеских гробниц. Хозяйничанье поляков в Москве и грабежи в волостях снова привели к *традиционалистской реакции*. Патриарх Гермоген первым поднял голос в защиту религии и национальных традиций; он рассылал по городам призывы к выступлению против поляков. Смерть Лжедмитрия II облегчила процесс сплочения национальных сил, и весной 1611 года к Москве подступило ополчение, состоявшее из дворян, крестьян и казаков. Польский сейм не желал оплачивать наемную армию короля, и военное преимущество Польши сводилось на нет ее «безнарядными» порядками; король Сигизмунд овладел Смоленском, но так и не смог оказать помощи польскому гарнизону в Кремле. Тем не менее ополченцам не удалось овладеть Москвой: в их лагере не было единства; когда дворяне стали требовать прикрепления крестьян, их вождь Прокопий Ляпунов был убит казаками, дворяне разошлись, и под Москвой осталась только часть крестьян и казаков. Летом 1612 года в Нижнем Новгороде и Ярославле собралось новое дворянской ополчение; оно подступило к Москве и вместе с казаками вынудило поляков к капитуляции.

Как показали Р. Г. Скрынников, А. Л. Станиславский и Ч. Даннинг, кризис Смутного времени имел достаточно сложный, комплексный характер⁵²⁸. Анализ в рамках демографически-структурной теории подтверждает, что гражданская война характеризовалась сложной группировкой противоборствующих сил. Сравнение с двумя вариантами развития событий, которые имели место в европейских странах после «Великой Чумы», позволяет сделать вывод, что российский сценарий был более близок к английскому варианту: так же, как в Англии, после демографической катастрофы мы видим перераспределение ресурсов в пользу крестьянства и ответные попытки закрепощения крестьян. В Англии эти попытки сразу же привели к крестьянскому восстанию, в России же они привели сначала к голоду, а затем к гражданской войне, в которой крестьянское восстание слилось с внутриэлитным конфликтом, подобным английской «вой-

не Роз». Так же как в Англии (и в некоторых других странах), причина внутреннего конфликта имела демографически-структурный характер: в условиях борьбы за ресурсы дворянство было расколото на различные фракции и сражалось само с собой (а также с восставшими крестьянами, казаками и с боярской властью). Чрезвычайно важным было участие в борьбе «третьей силы», нового сословия крестьян-казаков, сформировавшегося на южной границе; многие крестьяне в ходе войны «показались» и вошли в состав этого сословия⁵²⁹. Наконец, необходимо подчеркнуть, что гражданская война была также и столкновением партий, придерживавшихся различной культурной ориентации, столкновением сторонников копирования польских порядков и приверженцев прежних традиций.

В конечном счете традиционалистская реакция объединила все социальные слои в общей борьбе против польской интервенции. На этой почве произошло примирение враждующих партий, гражданская война закончилась, и наступил мир. Однако социальные противоречия сохранялись, главная причина войны — проблема крепостного права — так и не получила своего разрешения. Был достигнут негласный компромисс: формально законы о прикреплении крестьян и 5-летнем сроке сыска остались в силе, но фактически они не действовали. На Юге крестьяне официально могли уходить от помещиков, в других районах они уходили, не обращая внимания на законы⁵³⁰. «При Михаиле Федоровиче бегство крестьян приняло грандиозные размеры, — пишет Ю. А. Тихонов. — Как правило, бежали семьями, иногда целыми деревнями. Беглецы захватывали с собой хозяйственный инвентарь, одежду, ульи с пчелами, уводили скот»⁵³¹. Никаких государственных органов для сыска беглых не существовало, найти и вернуть беглецов было очень трудно, практически невозможно. После крестьянской войны правительство делало все, чтобы избежать новых волнений⁵³².

Главным результатом многолетней войны была всеобщая разруха. Голод и война принесли с собой новую катастрофу, численность населения намного уменьшилась. Особенно тяжелым было положение на Юге; недавно освоенные южные области были опустошены, татары ежегодно переправлялись через Оку и иногда доходили до окрестностей Москвы. За время Смуты в полон были выведены сотни тысяч русских людей, и, принимая московского посла, персидский шах Аббас выражал удивление, что в Русском государстве еще остались люди⁵³³. Но в отношении уровня потребления результат катастрофы начала XVII века был таким же, как и результат катастрофы 1570-х годов. Сокращение численности населения привело к недостатку рабочей силы и увеличению реальной заработной платы.

Итак, Великая Сму́та привела к новой демографической катастрофе и вместе с тем к новому повышению уровня жизни крестьян. Так же, как в Англии, крестьянам удалось дать отпор попытке закрепощения — но в отличие от Англии успех русских крестьян оказался временным.

Долгая война привела к уменьшению численности дворянства. В 1580-х годах численность дворянского ополчения, ежегодно выходившего на южную границу, составляла 65 тысяч всадников; в 1630 году полевую службу могли нести лишь 15 тысяч дворян⁵³⁴. Таким образом, в России был отчасти реализован английский вариант восстановления нарушенного кризисом социального равновесия — вариант, когда это равновесие восстанавливается путем самоистребления элиты.

5.17. ВЫВОДЫ

Переходя к анализу социально-экономического развития России в период с середины XV до начала XVII века, остановимся, прежде всего, на влиянии технологического фактора. Наиболее важным является то обстоятельство, что с конца XV века Россия входит в область распространения нового культурного круга, эпицентром которого является Османская империя. Фундаментальным открытием, лежащим в основе этого культурного круга, было создание регулярной армии, вооруженной огнестрельным оружием; это открытие вызвало волну османских завоеваний и побудило многие страны к трансформации по османскому образцу. В российском случае необходимость военной модернизации определялась противостоянием с Великой Степью; степная конница сохраняла свои военные преимущества, и для того чтобы сражаться с кочевниками требовались самое современное оружие и наиболее эффективная военная организация.

В процессе реформ Ивана III Россия переняла основные черты османской государственности: поместную систему, переписи, фиксирующие повинности крестьян, администрацию, основанную на постоянной сменяемости чиновников, идеологию «справедливости» и справедливый суд, призванный защищать простых людей от произвола знати. Огромное значение имело восприятие доктрины этатистского самодержавия, совмещающей в себе как османские, так и византийские традиции.

Модернизация по османскому образцу была продолжена реформами Ивана IV, которые включали создание стрелецкого войска, лик-

видацию наместничеств, введение местного самоуправления, проведение кадастра и создание строгой налоговой системы. Знаменитая опричнина Ивана Грозного завершила процесс модернизации введением системы «хассе» — «дивани», фактическим уничтожением крупного боярского землевладения и установлением господства государственной собственности. Разумеется, реформы не сводились к простому перениманию турецких порядков; в ходе их имели место инновации и отступления от образца, как было, к примеру, с изменением земель и выплатой помещикам дополнительного жалования. С другой стороны, некоторые преобразования натолкнулись на противодействие, прежде всего со стороны бояр, и остались незавершенными. Как и предсказывает теория, процесс социального синтеза встречал сопротивление и в 1540-х годах был прерван на время периодом *традиционалистской реакции* — но затем снова возобновился. Итогом реформ было создание мощной армии и присоединение Поволжья, Урала, а также значительных территорий на степном Юге. Битва при Молодях была решающей победой в борьбе Руси и Степи; она означала окончание эпохи кочевых нашествий и начало освоения плодородных степных земель. Мощь нового Российского государства позволила Ивану IV взяться за выполнение трудной задачи — попытаться пробить столь необходимый России выход к морю. Но на западе волна русских завоеваний столкнулась с другой волной, вызванной созданием западноевропейской тактики баталий. Тяжелая Ливонская война закончилась поражением Московского царства — хотя ему удалось сохранить южные и восточные завоевания.

Другим фактором, действовавшим на развитие России, был демографический фактор. Окончание междоусобных войн в 1450-х годах создало условия для восстановления экономики в новом цикле. Во второй половине XV века отмечаются характерные признаки *периода восстановления*: относительно высокий уровень потребления основной массы населения, рост населения, рост посевных площадей, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, низкие цены на хлеб, низкие цены на землю, дороговизна рабочей силы, незначительное развитие аренды и ростовщичества, ограниченное развитие городов и ремесел.

Однако уже с начала XVI века в некоторых пятинах Новгородчины отмечаются признаки начавшегося *Сжатия*: низкий уровень потребления основной массы населения, приостановка роста населения, рост цен на хлеб, частые сообщения о голоде и эпидемиях, крестьянское малоземелье. К середине столетия признаки Сжатия появляются и в центральных областях: высокие цен на хлеб, падение уровня

реальной заработной платы, распространение ростовщичества, развитие ремесел и торговли, рост городов. Сжатие привело к оскудению части элиты, к ее фракционированию и к борьбе между элитой, государством и народом за перераспределение доходов. Эти процессы сомкнулись с традиционалистской реакцией 1540-х годов.

Наступление элиты привело к противодействию народа, что нашло свое выражение в Московском восстании 1547 года, положившему конец периоду традиционалистской реакции. Таким образом, в середине XVI века характерные для периода Сжатия требования социальных реформ соединились со стремлением к трансформации по образцу могущественной державы, порядки которой считали символом «справедливости». Однако Ливонская война обернулась войной со всем окружающим миром и потребовала неслыханного увеличения налогов. Перераспределение ресурсов в системе «государство — элита — народ» вызвало структурный кризис. В условиях недостатка земли, когда крестьяне считали каждый пуд хлеба, увеличение налогов привело к тому, что многие семьи уже не имели запасов на случай неурожая. В случае долгой войны такое положение должно было привести к катастрофе, и действительно, два неурожайных года породили страшный голод, а вслед за голодом пришла чума. Крымский хан воспользовался эпидемией, чтобы нанести Москве страшный удар — к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная катастрофа.

Таким образом, структурный кризис в обстановке Сжатия трансформировался в губительный *экосоциальный кризис*. Ситуации такого рода достаточно часто встречаются в истории, в числе примеров можно указать на демографическую катастрофу в Египте в начале VIII века, на гибель китайской империи Суй, на кризисы, охватившие Францию в конце правления Людовика XIV и Испанию в правление Филиппа II⁵³⁵.

После катастрофы численность крестьянского населения намного уменьшилась; в соответствии с неомальтузианской теорией это должно было привести — и привело — к перемещению крестьян по стране в поисках лучших условий и к значительному уменьшению оброков и барщин. В тоже время победа над татарами сделала возможным переселение на плодородный Юг; в результате южные окраины стали пристанищем самых активных и свободолюбивых элементов крестьянства. Уменьшение оброков и барщин привело к тому, что уровень жизни крестьян заметно повысился, а уровень доходов помещиков — понизился. Это была обычная ситуация в начале нового цикла: мы наблюдаем такие классические признаки *периода восстановления*,

как относительно высокий уровень потребления основной массы населения, низкие цены на хлеб, низкие цены на землю, дороговизна рабочей силы. Для южных районов характерен быстрый рост населения, рост посевных площадей, строительство новых поселений. На Севере и в Центре ситуация осложнялась сильным оттоком населения на Юг, но в целом развитие страны в этот период определялось позитивными процессами, происходившими в южных областях.

Экосоциальный кризис нанес тяжелый удар крупному землевладению и фактически разрушил помещичью систему. Это губительно отразилось на боеспособности дворянского ополчения. Стремление восстановить эту боеспособность было первым стимулом к прикреплению крестьян, вторым стимулом было подражание могущественному соседу, Польше. Слабая правительственная власть была вынуждена уступить желаниям дворянства, и закрепощение было проведено без законодательного ограничения помещичьих оброков и барщины. Это привело к резкому росту ренты в мелких поместьях — там, где помещик, чтобы снарядиться на войну, был вынужден отнимать у своих крестьян последнее. Резкое увеличение ренты сужало экологическую нишу, так же, как и увеличение налогов — поэтому перераспределение ресурсов в пользу элиты привело к новому структурному кризису. Этот кризис был подобен кризисам, которые имели место в некоторых других странах и были вызваны аналогичным процессом закрепощения крестьян. В качестве примеров можно привести кризисы в Египте начала XIII века и Сельджукском султанате в 1090-х годах⁵³⁶.

Механизм кризиса был тем же, что и тридцать лет назад: отнятие зерна у крестьян привело к тому, что они не имели хлебных запасов, и в случае неурожая это должно было повлечь страшный голод. Такой голод стал реальностью в 1601–1603 годах. Голод привел к крестьянским восстаниям; в Центре эти восстания были подавлены, но южные окраины стали очагом, откуда гражданская война распространилась на всю Россию. Структурный кризис перерос в общий экосоциальный кризис. Результатом голода и войн была новая демографическая катастрофа. Поселения, созданные в предыдущий период на степном Юге, были разрушены кочевниками, и славянские земледельцы были вновь оттеснены в северные леса.

После окончания Смуты крепостное право не было формально отменено, но фактически сыск беглых не осуществлялся и крестьяне могли уходить от своих хозяев. Как и в 1570-х годах, уменьшение численности населения привело к снижению оброков и барщин. Таким образом, уровень жизни крестьян снова повысился, а доходы поме-

щиков — понизились. В 1620-х годах начался период восстановления в новом демографическом цикле.

Здесь необходимо остановиться на критических замечаниях Роберта Крами, сделанных им по вопросу о возможности применения демографически-структурной теории для объяснения кризисов второй половины XVI — начала XVII века⁵³⁷. Об одном из этих замечаний, касающемся объяснения колебаний численности населения влиянием эпидемий и неурожаев, мы уже говорили в пункте 5.14. Кроме того, Р. Крами утверждает, что рост цен в первой половине XVI века объясняется не демографическими факторами, а так называемой «революцией цен»⁵³⁸. В примечании, однако, американский исследователь сам отмечает, что «революция цен» пришла в Россию только в XVIII веке⁵³⁹. Более существенно, на наш взгляд, замечание Р. Крами о том, что кризис Смуты пришелся на время падения численности населения после кризиса 1570-х годов, что, как он считает, противоречит положению демографически-структурной теории о том, что кризисы являются результатами перенаселения. Однако выше мы показали, что кризис Смуты был вторичным по отношению к первому кризису; он был вызван социально-экономическими последствиями первого кризиса, который, в соответствии с теорией, произошел в условиях аграрного перенаселения.

Еще один важный аспект проблемы связан с развитием диффузионных процессов в период после катастрофы 1570-х годов. Победы Польши привели к распространению в России польского влияния и к частичной трансформации по польскому образцу; эти процессы проявились в активизации Земских соборов, в земском избрании Бориса Годунова на царство, во введении крепостного права, в создании первых отрядов немецких наемников. Великая Смута была не только гражданской войной, но и столкновением партий, придерживавшихся различной культурной ориентации, сторонников копирования польских порядков и приверженцев традиций. В конечном счете традиционалистская реакция заставила на время забыть о социальных проблемах и консолидировала различные социальные группы в борьбе с поляками и их приспешниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги первой части нашего исследования, можно сделать вывод, что судьба России в большой степени определялась влиянием *географического фактора*. Русская равнина представляла собой огромный лесной массив, южнее которого располагались степи, а северо-западнее — почти непригодная в то время для земледелия «Северная Пустыня», Скандинавия. Причерноморская степь представляла собой западное ответвление занимавшей половину Евразии Великой Степи; это было обиталище кочевых народов, резко отличавшихся своим жизненным укладом от земледельцев. Кочевой образ жизни, освоение верховой езды и постоянная жестокая борьба за существование превратили кочевников в кентавров, обладавших полным военным превосходством над пешими ополчениями невоинственных лесных народов. Роль военной техники со всей силой продемонстрировала влияние *технологического фактора*: время от времени инновации в применении кавалерии давали кочевникам новые военные преимущества, и с востока, из Великой Степи, в Причерноморье приходила очередная волна нашествия непобедимых и жестоких завоевателей. Скифская волна была связана с появлением конных лучников, сарматская — с появлением катафрактов-копейщиков, гуннская — с созданием сложносоставного гуннского лука, аварская — с появлением стремени, тюрко-хазарская — с созданием тюркского седла, половецкая — с появлением сабли, монгольская — с созданием монгольского лука.

Другим очагом, извергавшим волны нашествий, была «Северная Пустыня»: высокое демографическое давление, скотоводческие занятия населения и постоянные войны делали менталитет скандинавов подобным агрессивному менталитету кочевников, и время от времени в руки скандинавов попадало новое оружие. Волна норманнских завоеваний был связана с изобретением дракара, а нашествие готов — с тактикой использования копейной фаланги.

Лесная и степная зоны Русской равнины существенно различались по условиям хозяйственной деятельности. В отличие от Великой Степи в причерноморских степях было возможно земледелие; по сравнению с лесной полосой здесь были более плодородные поч-